

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКАГО

И

ПАИТЕОНЪ

ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ТЕАТРОВЪ,

НА 1842 ГОДЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

И. Песоцкимъ.

XI.

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ,

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 30-го Мая, 1842 года.

Ценсоръ: П. Корсаковъ

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

І. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

ЗАПИСКИ ДЕМОНА.

(LES MEMOIRES DU DIABLE).

КОМЕДИЯ - ВОДЕВИЛЬ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ, СОЧ. Э. АРАГО И П. ВЕРМОНА. ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

РОБЕНЪ.
МАРКИЗЪ ДЕ ЛОРМИАСЬ.
КАВАЛЕРЪ ДЕ ЛА РАПИНЬЕРЪ.
ГРАФЪ СЕРНИ.
ГОТЬЕ.

ВАЛЕНТИНЪ.
БАРОНЕССА ДЕ РОНКЕРОЛЬ.
МАРІА.
ГРАФИНЯ СЕРНИ.
Г-жа ЖИРО.

Первое и третье дѣйствіе происходятъ въ замкѣ Ронкероль, въ Пиренейскихъ горахъ; второе въ Парижѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ внутренность фермы въ Пиренейскихъ горахъ. По сторонамъ двери, въ глубинѣ дверь и окна, сквозь которыя виднѣются горы. На право, на второмъ планѣ, большой каминъ, подлѣ простой столъ, на полу два дорожныхъ чемодана, одинъ у правой двери, другой у лѣвой. На столѣ горитъ лампа.

ЯВЛЕНІЕ І.

Г-жа ЖИРО, ВАЛЕНТИНЪ; ПОТОМЪ
ГОТЬЕ.

Г-жа ЖИРО (стоитъ въ
дверяхъ и зоветъ).

Эй, пріятель!

ВАЛЕНТИНЪ.

Кого вы зовете, тетущка Жиро?

Г-жа ЖИРО.

Готье, прозваннаго полуумнымъ, здо-
пняго каменьщика; онъ стоитъ на дорѣ-
гѣ, какъ будто бы кого ждетъ.

Кн. XI. — 1

ВАЛЕНТИНЪ.

Въ теперешнюю пору? Правда, что въ здѣшней сторонѣ этотъ полуумный слы-
ветъ колдуномъ.

Г-жа Жиро.

Да вѣдь онъ не можетъ сказать связ-
но двухъ словъ.

ВАЛЕНТИНЪ.

Именно по этому-то и прослылъ...

(Готье показывается у входа).

Г-жа Жиро.

Готье... не поможете ли вы намъ сн-
сти эти чемоданы на тележку, которая
отправляется въ Тарбъ?..

ГОТЬЕ.

Да.

ВАЛЕНТИНЪ.

Вы очень поздно возвращаетесь сего-
дня вечеромъ домой, дядюшка Готье.
Ужъ не были-ли вы на шабашъ.

ГОТЬЕ.

Нѣтъ!...

ВАЛЕНТИНЪ.

Вотъ все, что можно отъ него добыть-
ся (показывая ему чемоданъ на пра-
вой сторонѣ). Начнемъ съ этого..

ГОТЬЕ.

Да... (Уноситъ чемоданъ.)

Г-жа Жиро.

Онъ не былъ, однако жъ, такимъ че-
тыре года тому назадъ... и говорилъ какъ
всѣ добрые люди... но вдругъ сдѣлался
полунѣмымъ... Видите, это случилось съ
нимъ послѣ того дня, въ который Ба-
ронъ Ронкероль почевалъ въ замкѣ... Съ
тѣхъ поръ, онъ говоритъ только да и
нѣтъ, и здѣшніе жители прозвали его
полуумнымъ, или просто одурѣлымъ. Я
всегда думала, что у него лежитъ на ду-
шѣ какая нибудь тайна.. Однажды, когда
онъ поправлялъ печь у насъ на фермѣ...
я вздумала было его попытать; нѣтъ! да!
нѣтъ! вотъ все, чего я только могла отъ
него добиться.

ВАЛЕНТИНЪ.

Замѣтили ли вы Г-жа Жиро, что вся-
кой разъ, какъ кто нибудь прїѣзжаетъ въ
замокъ... Готье всегда тутъ, и не отхо-
дитъ отъ него.

Г-жа Жиро.

Ну вотъ это и доказываетъ, что онъ
полуумень... бѣдняжка...

ВАЛЕНТИНЪ.

Правда. (Вошедшему Готье) Говорятъ,
дядюшка Готье, что ваша жена собирает-
ся подарить васъ еще ребенкомъ... ни-
какъ седьмымъ?

ГОТЬЕ (съ глупой, но ко-
варной улыбкой).

Да...

Г-жа Жиро.

Развѣ васъ не затрудняетъ такое мно-
жество дѣтей?

ГОТЬЕ (съ той же улыб-
кой).

Нѣтъ...

Г-жа Жиро.

Признаюсь меня такъ оно бы затруд-
нило.

ВАЛЕНТИНЪ.

Ну, краснорѣчивъ же этотъ молодецъ! я
увѣренъ въ томъ, что я сказалъ... онъ
колдунъ...

Г-жа Жиро.

О, вы всему вѣрите. (Валентинъ по-
мощаетъ Готье поднять чемоданъ.)
Бьюсь объ закладъ, что онъ вполне убѣ-
жденъ въ истинѣ всѣхъ сказокъ про за-
мокъ Ронкероль... то у него зарыто здѣсь
огромное сокровище... то ему кажется,
что самъ нечистый духъ главный слу-
житель замка.

ВАЛЕНТИНЪ.

Спасибо, дядюшка Готье, спасибо за
подмогу...

Г-жа Жиро.

Конечно вы не откажетесь отъ стакана
вина?..

Готье (весело).

Нѣтъ... (пьетъ).

Валентинъ (въ сторону).

Нельзя ли попробовать развязать ему языкъ виномъ; (громко) правится ли оно вамъ?

Готье (такъ же).

Да...

Г-жа Жиро.

Еще стаканчикъ?..

Готье (грубо).

Нѣтъ!... (Опрокидываетъ на столъ пустой стаканъ, и уходитъ).

Валентинъ.

Экая каменная голова, видно, что изъ Лимузена....

ЯВЛЕНИЕ II

Г-жа Жиро, Валентинъ.

Валентинъ.

Ну, слава Богу! поклажа наша на телѣжкѣ; теперь могутъ прислать лошадей, когда хотять....

Г-жа Жиро.

Онѣ будутъ сюда не прежде какъ въ три четверти двѣнадцатаго ночи.

Валентинъ.

Я бы желалъ лучше ѣхать утромъ.... Ночью, тетушка Жиро, появляются духи.... я ужъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, вспомнивъ, что сегодня суббота....

Г-жа Жиро.

Такъ вы тоже вѣрите въ привидѣнія, Валентинъ?

Валентинъ.

Гмъ! еще бы не вѣрить!

Н. 1.

Да, я не изъ храбрыхъ! И что тутъ скрывать-ся,

Что вѣрю въ чертей я, что я ихъ боюсь.

Съ летучею мышью мнѣ страшно встрѣчаться,

На лицерицъ страшно смотреть, признаюсь!

Увижу ль сову я, невольно робкую,

Мерещатся черти мнѣ въ темномъ углу;

При мысли о вѣдмахъ дрожу и блѣднѣю,

И даже мнѣ страшно смотреть на метлу!

Г-жа Жиро.

Что вы это, пойдите!

Валентинъ.

Какъ поживешь, тетушка Жиро, въ продолженіе двухъ сотъ пятидесяти лѣтъ въ замкѣ Ронкероль....

Г-жа Жиро.

Что такое?

Валентинъ.

Разумѣется не самъ, но по нисходящему потомству, такъ по неволѣ станешь вѣрить въ нечистаго, который посѣщаетъ каждый разъ замокъ при появленіи новаго владѣльца.

Г-жа Жиро.

Когда я была ребенкомъ, меня всегда пугали этими сказками.... Но вотъ я живу здѣсь уже очень давно, и знаю, что нечистый смиренехонько сидитъ у себя дома.... гдѣ, вѣроятно, гораздо теплѣе, нежели въ нашихъ Пиренейскихъ горахъ.

Валентинъ.

Молчите.... не шутите такими серьезными вещами!... Если нечистый давно и не показывался, такъ потому только, что послѣдній владѣлецъ, Генераль Ронкероль, храбрый Наполеоновскій офицеръ, поселился послѣ войны въ Германіи.

Г-жа Жиро.

Правда, но за нѣсколько времени до смерти, въ 1823 году, тому четыре года назадъ, онъ воротился на родину, и провелъ ночь въ замкѣ.

Валентинъ.

Только одну ночь... такъ, можетъ быть, нечистаго не предувѣдомили....

Г-жа Жиро.

По этому, вы точно вѣрите этой сказкѣ?...

Валентинъ.

Какъ же не вѣрить, когда преданія цѣлой провинціи подтверждаютъ то же самое! Каждый разъ по пріѣздѣ новаго владѣльца, таинственный покровитель является за приказаніями.... Да я самъ вѣдѣлъ....

Г-жа Жиро.

Нечистаго?

Валентинъ.

Нѣтъ, по звонокъ, по которому онъ является.... сверху на немъ представленъ сатана, а хвостъ служить ему языкомъ.

Г-жа Жиро.

Такъ что же? Стоитъ только не звонить, и онъ не покажется.

Валентинъ.

Правда, если бы только это было возможно, но въ томъ-то и сила, что всегда кто нибудь дотронется до заклатаго колокольчика. А такъ какъ я не охотникъ до всякаго подобнаго колдовства, то и покидаю злѣшнюю сторону. Притомъ же, я никакъ не могу рѣшиться разстаться съ доброю моею барынею, въ то время, когда ее выгоняютъ изъ замка и объявляютъ незаконною женою Барона Ронкероля.

Г-жа Жиро.

И черезъ это наша несчастная, милая барышня остается въ свѣтъ безъ имени и состоянія.... Ахъ, Валентинъ, пусть толкуютъ что угодно, а мы никогда не повѣримъ, чтобъ такая добродѣтельная женщина, какъ Баронесса, могла быть незаконною супругою Г. Ронкероля, сына нашего стараго барина.

Валентинъ.

Тсъ!... Вотъ идетъ молодая барышня.

ЯВЛЕНІЕ III.

Г-жа Жиро, Марія, Валентинъ.

Марія.

Валентинъ, маменька прислала меня узнать, скоро ли будетъ готова карета.

Валентинъ (въ сторону).

Карета?... бѣдненькая! (громко.) Одно-колка готова, сударыня, но лошади будутъ не прежде полуночи.

Марія.

Еще три часа ожиданій!... Я страдаю не за себя, а за матушку! Надѣюсь, что она будетъ спокойнѣе въ Германіи, на-

шемъ милomъ отечествѣ, и забудетъ свои несчастія.

N. 2.

Нѣтъ! я еще надежды не теряю, и лучъ ея на сердце не погасъ. Я Францію охотно покидаю: Здѣсь съ матерью всего лишили насъ. Не стану я жалѣть о прошлой жизни, Хотя сердцу жаль родимыхъ нашихъ горъ — Я все снесу, и матери отчизна Пусть будетъ и моею съ этихъ поръ.

Г-жа Жиро.

Ахъ, какъ мы будемъ жалѣть о васъ... Вы такъ добры, такъ привѣтливый!... Вы были нашимъ Провидѣніемъ и радостію.... бѣдная барышня.

Марія.

Скажите лучше, бѣдная матушка! Эта тяжба лишила бы ее, можетъ быть, жизни, если бы здѣсь не было меня для ея утѣшенія.

Г-жа Жиро.

Но какъ же случилось, сударыня, что ваша матушка не сберегла хотя какого нибудь свидѣтельства о своемъ замужствѣ.

Марія.

Ахъ! Думаетъ ли счастливецъ обо всемъ? Притомъ есть несчастія непредвидимыя.... Матушка вышла замужъ въ маленькомъ городкѣ Ганау, близъ Франкфурта... Могъ ли себѣ воображать отецъ мой, чтодомъ священника сдѣлается жертвою пламени, и метрическія книги, доказывающія законность его брака, сгорятъ... Могла ли думать матушка, что смерть такъ скоро похититъ изъ ея объятій любимого мужа? Покуда батюшка былъ живъ, повсюду окружали насъ почтеніемъ и нѣжностію, но какъ скоро онъ умеръ, мы увидѣли себя оставленными всѣми, безъ всякаго покровительства; съ нами завели тяжбу, и лишили насъ всего.... имени.... состоянія.... Насъ принудили оставить нашъ домъ въ Парижѣ, а теперь одинъ изъ родственниковъ, кавалеръ де ла Рапиньеръ, беретъ въ свое владѣніе даже самый за-

мокъ Ронкероль. Маменька не желаетъ видѣть его.... и потому мы укрывались въ вашей фермѣ, добрая Г-жа Жиро... чтобъ никто не видѣлъ, какъ мы уѣдемъ.

Валентинъ.

Неужели? Г. де ла Рапиньеръ здѣсь въ замкѣ?... Вотъ, если бы нечистый-то выжилъ его отсюда!

Ла Рапиньеръ (спаружу).

Пускай коляска ждетъ меня здѣсь....

Марія.

Кто-то идетъ!...

Валентинъ (подходя къ двери).

Боже мой! вотъ легко на поминъ.... Самъ Г. де ла Рапиньеръ...

Марія.

О! избавимъ матушку отъ присутствія этого злаго человѣка.

(Уходитъ въ лѣвую дверь).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Г-жа Жиро, Ла Рапиньеръ, Готье, Валентинъ.

Г-жа Жиро.

Г. де ла Рапиньеръ, такъ поздно!

Ла Рапиньеръ.

Да, это я, это я.... что это за урокъ, не отстаетъ отъ меня во всю дорогу?

Г-жа Жиро.

Не опасайтесь его.... онъ бѣдный помѣшанный работникъ. (Готье.) Знаешь ли ты Г. де ла Рапиньера?

Готье.

Нѣтъ.

Ла Рапиньеръ.

Ты какъ будто ожидаешь, чтобъ я началъ съ тобою говорить?

Готье.

Да.

Ла Рапиньеръ.

А! вѣрно надѣешься получить милостыню?...

Готье.

Нѣтъ.

Ла Рапиньеръ.

Мнѣ нравится такое безкорыстіе... (Готье уходитъ.) Я не хотѣлъ оставить замка, тетушка Жиро, не побывавъ на маленькой фермѣ, и не отвѣдавъ овецкихъ сыровъ, которые ты такъ мастерски приготавливаешь.

Г-жа Жиро.

Угодно ли вамъ попробовать?

Ла Рапиньеръ.

Да, подай-ка мнѣ штукъ шесть и бутылку этого блага вина.... ты знаешь? (садится за столъ).

Валентинъ.

Только и думаетъ, какъ бы поѣсть да попить, скверный прожора.

Г-жа Жиро.

Тотчасъ накрою на столъ, Г. кавалеръ.

Ла Рапиньеръ.

Поторопись.... потому что я не ночую въ замкѣ, а возвращаюсь въ Тарбъ, до котораго осталось еще двѣ мили.

Валентинъ.

Я увѣренъ, что Г. кавалеръ, также какъ и я, боится Ронкерольскаго духа.

Ла Рапиньеръ.

А! это вы, Г. Валентинъ? Узналъ же я хорошія про васъ вещи! Вы отходите отъ насъ, чтобъ слѣдовать за этой бродягой и ея дочерью.

Валентинъ.

Тише, сударь! онъ здѣсь....

Ла Рапиньеръ.

Онъ здѣсь? а для чего онъ здѣсь? я васъ спрашиваю?

Валентинъ.

Они не думали, чтобъ вы пріѣхали на ферму.... черезъ часъ ихъ здѣсь уже не будетъ.

Ла Рапиньеръ.

Чтобъ я ихъ и не видалъ. (Валентинъ уходитъ. Ла Рапиньеръ глотаетъ цѣлый сыръ.) Отлично! (наливаетъ вина.) Знаете ли что, Г-жа Жиро? Я пріѣхалъ къ вамъ съ полною довѣренностію, а вы подвергаете меня непріятной встрѣчѣ лицомъ къ лицу съ.... (пьетъ.) Божествен-

но по чести! (плотаетъ другой сыръ.)
Берегитесь, если вы не будете совершенно мнѣ преданы.... Какой вкусъ! Какое тонкое вино! Я не возобновлю вашего найма.... Какое пріятное вино!

Г-жа Жиро.

Баронесса Ронкероль осыпала меня своими благодареніями.

Ла Рапиньеръ.

Будьте осторожны въ своихъ выраженіяхъ, она не Баронесса Ронкероль. Правосудіе запретило ей носить это имя.

Г-жа Жиро.

Какъ же мнѣ должно называть ее?

Ла Рапиньеръ.

Называйте ее госпожею.... госпожею.... ну, какъ вы хотите, но только не именемъ Ронкероль.... это не ея имя.... правосудіе такъ рѣшило.

Г-жа Жиро.

Правосудіе можетъ толковать себѣ какъ хочетъ, но здѣсь ее всегда будутъ называть Баронессой.... Она такая добродѣтельная женщина!

Ла Рапиньеръ.

Г-жа Жиро, замолчите, или я не въ состояніи буду окончить ужина.... ваши доводы.... Къ счастью эти маленькіе сыры говорятъ лучше въ вашу пользу, нежели вы сами.... имъ вы обязаны возобновленіемъ вашего найма, съ прибавкою только тысячи франковъ противъ прежняго.

Г-жа Жиро.

Тысячу франковъ надбавки.... Поощрите!

Ла Рапиньеръ.

Ге! ге! Каждому позволено извлекать по своему пользу изъ своихъ владѣній.
(встаетъ).

№ 3.

Здѣсь извѣстенъ я всѣмъ,
И горжуся лишь тѣмъ,
Что для денегъ я жилъ,
Что всю жизнь ихъ любилъ;
Чтобъ добыть ихъ, ни силъ,
Ни трудовъ не щадилъ.
Деньги! деньги — кумиръ,
Привлекающій міръ!

Этотъ свѣтъ, прахъ и ложь!
Вѣрныхъ здѣсь не найдешь
Ни родныхъ, ни друзей —
Что же денегъ вѣрный?
Я люблю ихъ сильнѣй,
Чѣмъ коварныхъ людей.
Денегъ! денегъ! Давай!
Все безъ нихъ пропадай!

Валентинъ (возвращаясь).

Баронесса Ронкероль.

Ла Рапиньеръ.

Баронессы Ронкероль уже болѣе нѣтъ.

Валентинъ.

Ну, такъ ваша родственница.

Ла Рапиньеръ.

У меня теперь нѣтъ родства....

Валентинъ.

Ну, наконецъ.... дама, вы знаете....

Ла Рапиньеръ.

Дама, вы знаете.... я ее знаю.... Что она отъ меня хочетъ?

Валентинъ.

Она желала бы съ вами поговорить.

Ла Рапиньеръ.

Невозможно.... покуда не окончится мое пищевареніе; я боюсь сильныхъ ощущеній и слезъ.

Г-жа Жиро.

Она слишкомъ горда, сударь, чтобы плакать.

Ла Рапиньеръ.

Чортъ возьми! я совѣтую ей погордиться! Если она хочетъ сказать мнѣ нѣсколько словъ.... я согласенъ выслушать.... пусть прійдетъ.... но съ условіемъ, чтобъ не было чувствительныхъ сценъ; онѣ меня задуютъ!

Валентинъ (въ дверяхъ).

Пожалуйте, сударыня, пожалуйста!...

—

ЯВЛЕНІЕ V.

Валентинъ, Марія, Баронесса, Ла Рапиньеръ, Г-жа Жиро.

Баронесса.

Извините, сударь! если я задержу васъ на минуту. Я писала уже нѣсколько разъ въ Парижъ, къ нашему родственнику,

Маркизу Лорміасу, но не получила от него ни какого отвѣта.... Требованія мои были однако жъ справедливы, и я васъ покорнѣе прошу склонить Маркиза выполнить ихъ.

Ла Рапиньеръ.

А какого рода эти требованія, сударыня?

Баронесса.

Въ первый годъ моего замужства, Баронъ Ронкероль подарилъ мнѣ свой портретъ.... онъ былъ залогомъ любви, и тѣмъ болѣе для меня драгоценнымъ.... что я получила его въ самый день рожденія моей дочери. Этотъ портретъ былъ для меня такъ дорогъ, что я, отказавшись отъ нарядовъ, велѣла осыпать его всеми брилліантами, которые достались мнѣ по наслѣдству отъ матери. Оставляя Парижъ, обремененная затрудненіями и безпокойствами, въ которыя повергли меня жестокіе обстоятельства и неожиданно скорый отъѣздъ.... я забыла портретъ въ уборной моего дома, который занимаетъ теперь Г. Маркизъ де Лорміасъ.... Никогда не прошу себѣ такой вѣтренности, но такъ какъ эта драгоценность есть личная моя собственность, и для меня священна, какъ по изображенію моего мужа, такъ и по воспоминанію о моей матери, я обязана передать этотъ двойной залогъ дочери, потому и льщу себя надеждою, что вы, по всей справедливости, возвратите мнѣ этотъ портретъ, составляющій теперь все мое состояніе.

Ла Рапиньеръ.

Безъ сомнѣнія, сударыня, оно кажется довольно правдоподобнымъ; однако прошу васъ замѣтить, что нѣтъ ни какого доказательства, чтобы эти брилліанты не составляли части наслѣдства... Что же касается до портрета.... такъ какъ законъ положительно объявилъ, что Баронъ нашъ двоюродный братъ, и не былъ вашимъ супругомъ....

Баронесса.

Милостивый государь....

Ла Рапиньеръ.

Извините, сударыня, извините, я долженъ избѣгать сильныхъ ощущеній.... И такъ какъ вы начинаете горячиться, я честь имѣю откланяться совсѣвозможнымъ къ вамъ уваженіемъ. (*Кланяется и уходитъ говоря*) Г-жа Жиро, ваши маленькіе сыры безподобны.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Валентинъ, Марія, Баронесса, Г-жа Жиро.

Барон сс.

Мерзавецъ!

Марія.

Маменька, успокойся, онъ не стоитъ этого....

Баронесса.

Ты говоришь правду, дитя мое, я одна виновата, забывъ портретъ.... О! если бы я была въ силахъ, то сама бы отправилась въ Парижъ требовать.... или хитростію похитить его у нихъ въ случаѣ отказа. Не ужели имъ не довольно было лишить меня всего? Ужасное дѣло лишиться всѣхъ правъ на уваженіе людей, безъ всякой къ тому причины.

Марія.

Маменька! вѣдь ты обѣщала мнѣ не терять бодрости....

Но 4.

О! не плачь, моя родная!

Дочь осталася съ тобой,

И молюсь моей внимая

Богъ пошлетъ тебѣ покой!

Ты свеси бѣды съ терпѣньемъ!

Богъ спасетъ насъ, охранять.

Дочь любовью, попеченьемъ

Муки матери смягчить.

Вмѣств.

Баронесса.

Я не плачу! дочь родная,

Здѣсь останется со мной.

Богъ, молюсь ей внимая,

Посылаетъ мнѣ покой.

Валентинъ (*Жиро*).

О! не плачьте! дочь родная

Въ помощь намъ дана судьбой;

Богъ, молюсь ей внимая,
Посылаетъ вамъ покой.

МАРІЯ.

О! не плачь, моя родная!

Дочь осталась съ тобой,

И, молюсь моей внимая,

Богъ пошлетъ тебѣ покой!

(Слышенъ звукъ конскаго бубенчика).

ВАЛЕНТИНЪ.

Вотъ и лошади пришли....

МАРІЯ.

Нечего дѣлать, часъ насталъ! Я право, не знаю отчего сердце мое такъ сжимается, и я чувствую въ себѣ непонятное смущеніе, когда подходитъ минута навсегда проститься съ этимъ краемъ.

(Громъ и молніи).

ВАЛЕНТИНЪ.

Ого! вотъ и гроза.

Г-жа Жиро.

Добрая барыня, послушайте меня.... останьтесь до утра.

МАРІЯ.

Она дѣло говорить, маменька... Подождемъ?

БАРОНЕССА.

Нѣтъ! я ни за что не хочу, чтобъ день засталъ меня въ помѣстьяхъ Ронкерольскихъ. Валентинъ, исполни мои приказанія.... еще одинъ.... послѣдній разъ.

Всѣ.

Ахъ!

ВАЛЕНТИНЪ.

Всегда, сударыня, всегда. (Сильный ударъ грома; вѣтеръ растворяетъ дверь. Среди молніи показываются Робенъ и Готье).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣже, РОБЕНЪ.

РОБЕНЪ (онъ закутанъ въ черный плащъ на красномъ подбѣ).

Какая ужасная погода! И какъ счастливъ тотъ, кто можетъ укрыться отъ непого-

ды. (Г-жѣ Жиро). Здорово, мой милые. (Готье исчезаетъ. Робенъ, увидѣвъ двухъ дамъ, кланяется).

Г-жа Жиро.

Да, скажите-ка мнѣ, развѣ можно входить самовольно въ чужія фермы, въ такую пору?

РОБЕНЪ.

О! для меня все равно, фермы, замки.... я вхожу всюду днемъ и ночью.

БАРОНЕССА.

Кто таковъ этотъ молодой человекъ, выражающійся такъ рѣзко?

ВАЛЕНТИНЪ (въ сторону).

Можетъ быть, это нечистый духъ Ронкероля!

МАРІЯ (въ полголоса Жиро).

Послушай-ка, Жервеза, вѣдь онъ очень не дурень собою.

Г-жа Жиро (тѣмъ же голосомъ).

Можетъ быть, какойнибудь мошенникъ.

МАРІЯ (такъ же).

О! быть не можетъ; посмотри, какая у него добрая и честная наружность.

РОБЕНЪ (снимая плащъ).

Съ позволенія вашего... Вода ручьями течетъ съ моего плаща.... (Кладетъ его на стулъ подлѣ камина). Я весь разбитъ. Сдѣлать четыре мили пѣшкомъ, по ужаснѣйшимъ дорогамъ, и быть застигнутымъ дождемъ и градомъ — не шутка. Только тогда можно вполнѣ оцѣнить хорошій ночлегъ и благосклонное гостепріимство, когда побываешь въ моей кожѣ! (Беретъ стулъ, садится подлѣ камина и тѣшитъ дрова). Какое пріятное пламя... Но вѣдь мѣста довольно. (Отодвигаетъ стулъ). Неужели я такъ несчастливъ, что навою мой присутствіемъ на васъ страхъ, сударыни?

БАРОНЕССА.

Признаюсь вамъ, что ваше неожиданное появленіе....

Робенъ (вставая).

Но 5.

Успокойтесь! успокойтесь!

Вѣрите мнѣ! меня не бойтесь:

Васъ спасти являюсь я —

Вамъ теперь вся жизнь моя!

Помощь вы мою примите;

Не старайтесь, не шчите

Вы узнать меня никакъ —

Пусть я страненъ, я чудакъ,

Пусть я чортъ, но вы не бойтесь!

Успокойтесь! успокойтесь!

Баронесса.

Странное посѣщеніе.

Робенъ (раздувая огонь).

Когда вашъ страхъ пройдетъ, мы по-
разговоримся... Между тѣмъ, я погрѣ-
юсь, если позволите?... Потому что,
признаюсь вамъ, здѣсь гораздо холоднѣе,
нежели у насъ....

Валентинъ (въ сторону).

Я очень вѣрю....

Робенъ.

Хозяюшка, сдѣлайте-ка одолженіе поло-
жите въ огонь вязанку дровъ; оно до-
ставитъ удовольствіе и молодой барыш-
нѣ; посмотрите, какъ она дрожить.

Марія.

Я не озябла.

(Г-жа Жиро уходитъ).

Баронесса.

Право, сударь?

Робенъ (не оставляя
камина, встаетъ и
поворачивается за-
домъ къ огню).

Сдѣлайте одолженіе, сударыня, не обра-
щайте вниманія на мое слишкомъ воль-
ное обращеніе... Признаюсь, до сихъ поръ
я не бывалъ въ слишкомъ отборномъ об-
ществѣ.... у всякаго свой кругъ пріате-
лей, свое состояніе.... но смѣло увѣрю
васъ, что я, право, добрый малый....

Валентинъ (въ сторону).

Ну! если бы я былъ суевѣренъ....
то....

Робенъ.

Имогу похвалиться, что никогда и никому

не сдѣлалъ ни малѣйшаго зла. Я думаю да-
же, что моимъ присутствіемъ приношу вамъ
большую пользу. (Г-жа Жиро входитъ,
бросаетъ въ огонь охапку дровъ, и са-
дится прѣсть).

Баронесса.

Вы сударь?

Робенъ.

Сейчасъ я васъ напугалъ.... теперь
удивлю; это, впрочемъ, для меня гораздо
лестнѣе. Вы, можетъ быть, считаете меня
обыкновеннымъ путешественникомъ, за-
стигнутымъ бурей, который зашелъ сю-
да нечаянно, чтобъ укрыться и обсохнуть,
и немедленно отправиться далѣе, какъ
скоро только стихнетъ непогода.... Со-
всѣмъ нѣтъ, я съ намѣреніемъ вошелъ въ
эту ферму: сюда-то я и шелъ.... и все
это для васъ.

Баронесса.

Но кто же вы такіе, сударь?

Робенъ.

Если бы вы знали, сударыня, кто я та-
ковъ, то не имѣли бы ко мнѣ ни малѣй-
шей довѣренности.... А чтобъ быть вамъ
полезнымъ, мнѣ необходимо имѣть не-
ограниченную вашу довѣренность.

Баронесса.

Развѣ можно съ перваго взгляда пріе-
брѣсти ее?

Робенъ.

Но какой же опасности подвергается
тотъ.. кому, какъ напрімѣръ вамъ, терять
уже болѣе нечего... а я предлагаю вамъ
все выиграть....

Г-жа Жиро.

Что такое? все выиграть?

Баронесса.

Ужъ не тяжбу ли мою?

Робенъ.

Нѣтъ, сударыня; тяжба проиграна безъ
возврата. Но я обладаю другими сред-
ствами помочь вамъ... Эти средства соб-
ственно мои!

Валентинъ (въ сторону).

Ужъ теперь навѣрняка... это нечистый
духъ, служитель замка.

Кн. XI. — 2

Г-жа Жиро (*Валентину*).

Вы опять напрасно пугаетесь....

Валентинъ.

О! вѣдь я убѣжденъ, что вы по мужеству.... вторая Іоанна д'Аркъ....

Марія (*тихо Баронесса*).

Я, право, не знаю почему, но мнѣ кажется, маменька, что этотъ молодой незнакомецъ достоинъ полной доверенности.

Баронесса (*тихо*).

Какъ же можно положиться на перваго встрѣчнаго. (*Громко*). Прошу извинить меня, сударь, но я тороплюсь ѣхать....

Робенъ.

Нѣтъ, сударыня, о! нѣтъ.... Я именно для того-то и пришелъ, чтобъ помѣшать вашему отъезду. Вы не поѣдете.... на то есть много причинъ... во-первыхъ, погода ужасная.... настоящая адская погода....

Валентинъ.

Ну, вотъ! вотъ! Такъ и вертятся у него на языкѣ безпрестанно слова, отзывающіяся жупеломъ.

Робенъ.

Ночь темная, невидать ни зги; я самъ до сихъ поръ плуталъ бы въ ущельяхъ горъ, безъ какого-то человѣка, похожаго на каменщика, который указалъ мнѣ дорогу на ферму, едва отвѣчая на всѣ мои вопросы.

Марія.

Вѣроятно только двумя словами: да и нѣтъ.... Это Готье, бѣдняжка провожалъ насъ отъ самаго Ронкероля....

Робенъ (*подходя къ Баронессѣ*).

Благодаря ему, я еще не опоздалъ, и увѣряю васъ, что вамъ и вашей любезной дочери не слѣдуетъ оставлять замка Ронкероля.

Баронесса.

Вамъ вѣроятно неизвѣстно сударь, что ояъ болѣе мнѣ не принадлежитъ?

Робенъ.

Знаю, очень хорошо знаю, если бы вы

его не лишили, то не для чего было бы мнѣ являться сюда, и хлопотать о томъ, чтобы его возвратить вамъ!...

Баронесса.

Вы хотите возвратить мнѣ замокъ Ронкероль?

Робенъ.

Да, Боже мой, да; и все остальное ваше имѣніе.... Для этого-то я и отправился въ дорогу.... не смотря на бурю.... Меня ничто не можетъ удержать къ достиженію предназначенной мною цѣли.

Но 6.

Хоть трудно дѣлу пособить,

Хоть до сихъ поръ идетъ все худо;

Но я рѣшившись вамъ служить,

Готовъ все сдѣлать — даже чудо!

Когда отдастъ вамъ низкій свѣтъ

Интъе ваше родовое —

Тутъ будетъ чудо, да такое,

Которому подобныхъ нѣтъ!

Баронесса.

Вы можете говорить что вамъ угодно, сударь; но я никакъ не предполагаю въ васъ дара производить невозможныя вещи.

Робенъ.

Возьмись же, послѣ этого, за какое нибудь небесное порученіе, для того, чтобъ всякій считалъ тебя за дурака!... Впрочемъ, тутъ нечему удивляться; смѣйтесь надо мною.... но только слушайте....

Баронесса (*въ полголоса Маріи*).

Онъ помѣшанный, убѣжавшій изъ дома сумасшедшихъ!...

Марія (*тихо*).

Какое дѣло, надо его выслушать, маменька... вѣдь говорятъ же, что есть умные сумасшедшіе.

Баронесса.

Нѣтъ, моя милая... и если этому незнакомцу угодно, чтобъ его слушали.... ояъ долженъ прежде всего объявить намъ свое имя.

Робенъ.

За этимъ дѣло не станетъ, и если вы непременно желаете узнать мое имя,

я открою вамъ его ; меня зовутъ Робень....

Всѣ.

Робень?

Валентинъ (въ сторону).

Робень значить лѣшій!

Марія.

Ахъ, мамочка! какое миленькое имя.

Робень.

Оно вамъ нравится, Марія?

Марія.

Почему вы знаете мое имя?

Робень.

А имя вашей матушки.... Вильгельмина д'Албергъ... Баронесса Ронкероль; вышла за мужъ въ Ганау, тому семнадцать лѣтъ назадъ, 9-го Января 1810.

Марія.

Вышла за мужъ!... не правда ли, сударь, она точно была за мужемъ?...

Баронесса.

Какъ? Неужели вы имѣете какія нибудь....

Робень.

Узнавъ, что вы сдѣлались жертвою гнусной клеветы, я все бросилъ, сударыня, чтобъ присутствіемъ моимъ оживить ваши погасшія надежды.

Баронесса.

Какая же была тому причина, не знавши меня?

Робень.

О! Я васъ зналъ, сударыня...

Баронесса.

Откуда же вы знали меня?

Робень (весело, послѣ минутнаго замѣшательства).

Изъ Судебной Газеты.

Валентинъ (въ сторону).

Видно ее получаютъ даже въ самомъ адѣ!

Робень.

Я не похожъ на вашихъ судей, сударыня; совѣсть моя ручалась мнѣ въ правотѣ вашего дѣла, и я тотчасъ написалъ

въ Ганау, желая получить оттуда, во что-бы то ни стало, конію съ вашего брачнаго свидѣтельства.

Баронесса.

Что же, сударь?

Робень.

Оказалось по моимъ справкамъ, что вашъ адвокатъ объявилъ въ судѣ справедливо; Лютеранская часовня, въ которой вы были обвиняемы, и домъ священника, сдѣлались точно жертвою пламени въ 1820 году. Оставалась еще одна надежда: достопочтенный пасторъ, совершавшій бракъ, могъ бы своимъ свидѣтельствомъ....

Баронесса.

Боже мой!...

Марія.

И эта надежда?

Робень.

Исчезла.... Пасторъ скончался.

Марія.

Вы прекрасно поступили, сударь!.. все, что вы сдѣлали, заслуживаетъ полное наше къ вамъ уваженіе и живѣйшую благодарность... Мы уже давно перестали считать на справедливость людей... одна осталась у насъ надежда на правосудіе небесное...

Робень.

Напрасно... на этотъ разъ вы получите правосудіе изъ ада.

Всѣ.

Изъ ада?

Валентинъ (въ сторону).

Неужели онъ хочетъ измѣнить самъ себя?

Баронесса.

Вы, видно, намѣрены издѣваться надъ моимъ жестокимъ положеніемъ, сударь! Въ послѣдній разъ я васъ спрашиваю, кто вы такіе?

Робень.

Развѣ я вамъ не сказалъ кто я, и неужели мнѣ должно еще яснѣе объясняться?... Ну, такъ слушайте же! я вашъ по-

кровитель!... Согласенъ, что есть немного гордости въ моемъ выраженіи... тѣмъ болѣе, что я намѣренъ предложить вамъ ни что иное... какъ нѣкотораго рода сдѣлка.... договоръ...

Валентинъ.

Наконецъ-то онъ не выдержалъ, выпустилъ слово!

Робенъ.

Сознайтесь откровенно, сударыня, что можетъ быть въ глазахъ вашихъ кажется весьма обыкновеннымъ существомъ такой человѣкъ, который не щадитъ усталости и трудовъ, и не боится, изъ одной любви къ ближнему, нанести себѣ смертельныхъ и сильныхъ враговъ?...

Баронесса.

Ни чуть... это-то и кажется мнѣ непостижимымъ.

Робенъ.

Развязка этой странной загадки объяснится вамъ не прежде, какъ черезъ мѣсяцъ, въ замкѣ Ронкероль.

Валентинъ *(въ сторону)*.

Именно, онъ хочетъ быть дома...

Марія.

Онъ меня все болѣе и болѣе удивляетъ, маменька...

Робенъ.

Послушайте, сударыня; я вовсе не хочу выдавать себя за какой нибудь призракъ... вы сами убѣдитесь въ этомъ, когда узнаете предлагаемое мною вамъ условіе...

Баронесса.

Договоръ, какъ вы сейчасъ сказали.

Робенъ.

Пожалуй, если вамъ угодно... положимъ хоть договоръ.

Валентинъ и Г-жа Жиро *(приближаясь)*.

Посмотримъ, что такое!...

Баронесса.

Въ чемъ же состоитъ этотъ договоръ?

Робенъ.

Онъ долженъ остаться между нами, сударыня, а потому не угодно ли вамъ удалить вашу дочь...

Баронесса *(про себя)*.

Этотъ таинственный молодой человѣкъ возбуждаетъ до чрезвычайности мое любопытство.. *(Марія.)* Оставь насъ однихъ, моя милая.

Валентинъ *(въ испугѣ)*.

Однако, благоразумно ли будетъ?...

Робенъ *(весело)*.

Что же! Развѣ вы боитесь, чтобы я не похитилъ Баронессы?

Баронесса.

Оставьте насъ...

Марія.

Милая маменька!... имѣй къ нему довѣренность... посмотри какую доброту выражаетъ его взоръ. *(Марія уходитъ въ лѣвую дверь; Валентинъ и Г-жа Жиро въ правую)*.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Баронесса, Робенъ.

Баронесса.

Ну, вотъ мы одни! Начинайте, сударь!...

Робенъ.

Угодно ли вамъ принять мои услуги?

Баронесса.

Ваши условія!

Робенъ.

Сейчасъ!... Предваряю васъ впрочемъ, сударыня, что я очень многого требую... Вы лишены несправедливымъ судомъ всего состоянія, имени... положенія въ свѣтѣ... я берусь все это возвратить вамъ прежде конца нынѣшняго мѣсяца.. а вы, сударыня, обязываетесь за то...

Баронесса.

На что же, сударь?

Робенъ.

Отдать мнѣ руку вашей дочери.

Баронесса.

Ахъ!

ВАЛЕНТИНЪ (*подслушавъ
въ форточку
окна, въ глу-
бинѣ сце-
ны*).

Я никакъ не думалъ, чтобъ чортъ былъ холостякомъ.

БАРОНЕССА.

Согласитесь сами, сударь, что мнѣ очень естественно сперва узнать, кто вы такіе?

РОБЕНЬ.

Я принадлежу довольно порядочному семейству... Впрочемъ, подумайте, сударыня, что въ теперешнемъ вашемъ положеніи...

БАРОНЕССА.

Милостивый государь!

РОБЕНЬ.

Я предлагаю возвратить вамъ новую жизнь... посредствомъ меня, вы сдѣлаетесь по прежнему богатою, всѣми уважаемою... не требуетъ ли послѣ того справедливость, чтобъ и вы для меня что нибудь да сдѣлали?...

БАРОНЕССА.

Если вы возвратите мнѣ честь, сударь, то требуйте какой хотите награды... я не постою за все золото, и даже за самый замокъ Ронкероль... но отдать вамъ дочь мою....

РОБЕНЬ.

Ахъ! какъ трудно ладить съ людьми на свѣтѣ. Вы предлагаете мнѣ золото... а я желаю получить руку вашей дочери!

БАРОНЕССА.

Прекратимте же этотъ бесполезный разговоръ, сударь... я право удивляюсь тому, какъ могла до сихъ поръ слушать хладнокровно ваши сумасбродныя рѣчи...

ВАЛЕНТИНЪ (*въ сторону*).

Вотъ что называется противостоять искушенію...

РОБЕНЬ.

И такъ вы мнѣ отказываете, сударыня?...

БАРОНЕССА.

Рѣшительно.

ЯВЛЕНІЕ. IX.

БАРОНЕССА, МАРІА, РОБЕНЬ.

МАРІА (*на порогъ двери*).

А я такъ соглашаюсь, сударь.

БАРОНЕССА.

Что ты говоришь?

РОБЕНЬ.

Продолжайте, сударыня...

МАРІА (*приблизилась*).

Да, матушка... да сударь... я согласна... не знаю кто вы таковы, но въ вашемъ странномъ правѣ есть что-то схожее съ моимъ... Я имѣю тайное предчувствіе, что мнѣ легко будетъ выполнить налагаемую мною на себя обязанность. Вѣрю вамъ, сударь, побѣщаніямъ вашимъ! Возвратите матушкѣ утраченное имя и состояніе... пристыдите враговъ нашихъ... и тогда, кто бы вы ни были, рука моя принадлежитъ вамъ...

ЯВЛЕНІЕ X.

БАРОНЕССА, МАРІА, РОБЕНЬ, Г-жа Жиро, ВАЛЕНТИНЪ.

№ 7.

Всѣ (*кромя Маріи*).

Марія согласилась!!
Чтобъ мать свою спасти,
Себя она рѣшилась
На жертву принести.

РОБЕНЬ.

Вы мной располагайте!

МАРІА.

О! намъ поможетъ оны!

РОБЕНЬ.

Мнѣ вашу ручку дайте—

И договоръ скрѣпленъ.

Всѣ.

Марія согласилась!

Чтобъ мать свою спасти,

Себя она рѣшилась

На жертву принести.

МАРІЯ.

О! да, я согласилась!
Чтобъ мать мою спасти,
Сама себя рѣшила
На жертву принести.

РОБЕНЪ.

Извините, сударыня, но я долженъ сознаться, что дочь ваша благоразумнѣе васъ.

БАРОНЕССА.

Нѣ, вѣдь я еще не сказала...

МАРІЯ.

Уже конечно, ты не откажешь мнѣ въ своемъ согласіи, милая маменька!... вѣдь ты полагаешь, что это предположеніе не удастся, слѣдовательно ничѣмъ себя не обязываешь.

РОБЕНЪ.

Если же я не сдержу слова, вы свободны ѣхать въ Германію... я прошу у васъ только мѣсяцъ сроку.

БАРОНЕССА.

Но какія же у васъ къ тому средства?

РОБЕНЪ.

Въ этомъ-то и вся тайна моего предпріятія; вы узнаете ее въ условленное время, въ присутствіи корыстолюбивыхъ родственниковъ вашего супруга... Позвольте мнѣ, Г-жа Баронесса, взять съ собою Валентина?

ВАЛЕНТИНЪ.

Куда это?

РОБЕНЪ.

Да куда мнѣ вздумается...

ВАЛЕНТИНЪ (съ увеличивающимся страхомъ).

Вотъ тебѣ новость!..

РОБЕНЪ.

Я имѣю въ немъ надобность, сударыня, потому что онъ знаетъ вашихъ родственниковъ, а я ихъ не видывалъ.

ВАЛЕНТИНЪ.

Какъ же я оставлю своихъ господъ, сударь?

РОБЕНЪ.

Онѣ не имѣютъ въ тебѣ надобности, когда при нихъ добрая Г-жа Жиро, ко-

торую я уважаю... и люблю всемъ сердцемъ.

Г-жа Жиро (съ удивленіемъ).

Развѣ вы меня знаете?

РОБЕНЪ.

Конечно, и когда я буду жить въ Ронкерольскомъ замкѣ, то каждый день буду навѣщать твою ферму.

ВАЛЕНТИНЪ (Госпожѣ Жиро).

Ну, что! начинаете ли вы мнѣ теперь вѣрить?

БАРОНЕССА.

Онъ въ полной увѣренности.

МАРІЯ.

Правда, онъ соединяетъ въ себѣ мужество съ великодушіемъ, и я думаю, что сердце мое меня не обманываетъ!..

РОБЕНЪ.

Отправимся, Валентинъ... надо воспользоваться экипажемъ, который ждетъ.

ВАЛЕНТИНЪ.

Сударыня!..

МАРІЯ.

Добрый Валентинъ... повинуйся этому господину... я прошу тебя!

РОБЕНЪ.

Посмотрѣлъ бы я, какъ онъ откажется... я унесу его силою... начать съ того, что онъ мнѣ необходимъ.

ВАЛЕНТИНЪ.

Ай! ай! попалъ же я въ петлю...

РОБЕНЪ.

Возьми свою поклажу, и въ дорогу... Позвольте мнѣ, передъ моимъ отъѣздомъ, сударыня, поручить вамъ этотъ портфель...

ВАЛЕНТИНЪ.

Портфель! Неужели онъ только первый министръ сатаны?

РОБЕНЪ.

Въ немъ заключаются бумаги, которыя обрѣмѣнили бы меня въ моемъ опасномъ предпріятіи, потому что если они будутъ у меня похищены, или вы не сбережете ихъ, сударыня.... все будетъ потеряно.... и потеряно безвозвратно.

БАРОНЕССА.

Не подвергнуть ли они меня или дочь мою какому нибудь злословію, сударь?...

РОБЕНЬ.

О, не беспокойтесь на этотъ счетъ, сударыня... это простыя записки.... Когда вы вздумаете открыть портфель, остерегитесь только, чтобъ не распечатать бумагъ, находящихся въ немъ... Если я не возвращусь къ назначенному сроку, что будетъ означать мою смерть... тогда даю вамъ полное право прочесть бумаги... и избрать себѣ другаго защитника, счастливѣе меня...

МАРІЯ.

Но если вы точно подвергаетесь опасности, сударь, такъ....

РОБЕНЬ.

Но 8.

Пусть на меня весь свѣтъ вооружится! Опасностей, препятствій не боюсь.

Вамъ имя, честь, и жизньъ возвратится;

Изъ битвы я со славою вернусь!

Теперь меня ничто не пугаетъ!

Унижу я и разобью враговъ!

Ахъ! здѣсь меня награда ожидаетъ —

Я для нее на смерть идти готовъ!

(Робенъ беретъ свой плащъ и проходитъ между Маріей и Г-жею Жиро).

МАРІЯ.

Положимъ, что онъ сумасшедшій, маленька; согласись же въ такомъ случаѣ, что это прелюбезный сумасшедшій.

БАРОНЕССА.

Признаюсь тебѣ, я право не знаю, что ужъ и думать....

РОБЕНЬ.

Отправимся, Валентинъ.

ВАЛЕНТИНЪ.

Добрая барыня... неужели вы отъ меня требуете....

МАРІЯ.

Какъ онъ блѣденъ....

РОБЕНЬ.

Да развѣ вы не замѣчаете, что онъ считаетъ меня за злаго духа... можетъ быть, за самого дьявола.

Вся (со смѣхомъ).

Ха! ха! ха!

ВАЛЕНТИНЪ.

За дьявола, разумѣется очень смѣшно.... Но если бы вы знали какъ я....

РОБЕНЬ.

Ну же, въ дорогу, дуралей.... (Валентинъ уходитъ въ лѣвую дверь.) Прощайте, Г-жа Баронесса... и вы прекрасная Марія, не забудьте нашего условія.

МАРІЯ.

Исполните только обѣщаніе... я желаю вамъ отъ души успѣха... и ожидаю вашего возвращенія!...

Но 9.

Вѣрьте мнѣ! за насъ клянусь

Отомстить я всѣмъ врагамъ,

И чрезъ мѣсяцъ возвращуся

Въ этотъ день я снова къ вамъ.

БАРОНЕССА и МАРІЯ.

О! я вѣрю! Противъ воли

Радость въ сердцѣ разлилась.

Кто бъ онъ ни былъ — въ грустной доли

Онъ одинъ спасаетъ насъ.

РОБЕНЬ.

Спокойны будьте!

Но не забудьте

Чрезъ мѣсяцъ, вновь

Вы здѣсь явитесь.

Пора проститься —

Я въ путь готовъ!

Защита правыхъ — небо! знаю, —

Но къ хитрости я прибѣгаю!
Два покровителя вѣдь лучше одного!

ВАЛЕНТИНЪ.

Теперь ужъ не спасетесь никакъ мнѣ отъ него!

Вмѣстѣ.

РОБЕНЬ.

Спокойны будьте!

Но не забудьте

Чрезъ мѣсяцъ вновь

Вы здѣсь явитесь.

Пора проститься —

Я въ путь готовъ.

БАРОНЕССА, МАРІЯ, ВАЛЕНТИНЪ,
Жиро.

Спокойны будемъ!

И не забудемъ

Чрезъ мѣсяцъ вновь

Мы здѣсь явитесь.

Пора проститься!
Онъ въ путь готовъ!

(Робертъ и Валентинъ уходятъ, гроза продолжается. Г-жа Жиро провожаетъ ихъ съ лампою за дверь.)

ЯВЛЕНІЕ XI.

БАРОНЕССА, МАРІЯ, Г-жа Жиро.

Г-жа Жиро.

Ну, вотъ тебѣ на, вѣтеръ задулъ лампу.

(Полусвѣтъ на театрѣ).

МАРІЯ.

Маменька.... маменька.... опомнись....

БАРОНЕССА.

Сонъ ли это? Мечта воображенія? Незнакомецъ.... дочь моя обѣщала свою руку.... о вѣтъ!... конечно, это было сновидѣніе!

МАРІЯ.

Что касается до меня, я твердо убѣждена, что онъ выполнитъ обѣщанное.... да, маменька, если бы ты знала, что я чувствую, въ какомъ прелестномъ видѣ является для меня будущность съ той минуты, какъ этотъ молодой, человекъ... Не страшись ничего... посмотри, какъ я теперь весела и счастлива.... если онъ составитъ твое благосостояніе, то какого же лучшаго мужа мнѣ можно желать?

БАРОНЕССА (сидя на лавочкѣ).

Этотъ портфель заключаетъ въ себѣ, безъ сомнѣнія, объясненіе этой странной загадки.... и я должна прежде всего....

(Хочетъ открыть его).

МАРІЯ.

Нѣтъ маменька! нѣтъ.... онъ запретилъ открывать его.

Г-жа Жиро (зажигая въ каминъ лампу).

Онъ вовсе про это ничего не говорилъ.... а только просилъ не распечатывать бумагъ, лежащихъ въ портфелѣ.

БАРОНЕССА.

О! печать останется неприкосновенною.... но одно слово... только одно слово.... могло бы вывести меня изъ мучительнаго безпокойства.

МАРІЯ.

Такъ въ чемъ же дѣло, маменька.... откроемъ портфель, но уважимъ запечатанные бумаги.

БАРОНЕССА (отворивъ портфель и вынувъ изъ него свертокъ бумагъ).

Непремѣнно надобно! это моя обязанность; что-то написано на красной бумагѣ.... Жервеза подай-ка лампу.

Г-жа Жиро.

Сейчасъ, сударыня.

МАРІЯ.

Вѣдь онъ сказалъ, что это его записки.

БАРОНЕССА (читаетъ).

Записки Демона. (Громъ и молнія).

МАРІЯ.

Ахъ!

(Громъ и молнія продолжаются, Марія роняетъ лампу, которая потухаетъ; совершенная темнота).

Всѣ.

Ахъ!...

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляет гостиную съ тремя отворенными дверями, изъ которыхъ видны балъный залы. По бокамъ двѣ маленькія двери. Направо диванъ, каминъ и столовые часы на перепомъ плитѣ; столикъ, прислоненный къ стѣнѣ на лѣво, люстры канделябры, кресла, и проч.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Маски кружатся въ балъной галерей, и сходятся при началѣ для привѣтствіа Маркиза).

Но 10.

Хоръ.

Маркизу слава!
Какъ пышенъ балъ!
Какъ убранъ залъ!
Прекрасно, право!
Отличный хоръ;
Здѣсь все сіяетъ,
Горитъ, блистаетъ;
Все ослѣпляетъ
И слухъ и взоръ.

(Хоръ возвращается въ галерею, и мало по малу исчезаетъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Ла Рапиньеръ, Графиня, Маркизь.

Ла Рапиньеръ.

Маркизь.... вамъ надобно вполнѣ отдать честь!... Вы накормили насъ отличнымъ столомъ, и вашъ балъ такъ великолепенъ....

Графиня.

Уже теперь нестерпимая тѣснота въ залахъ; я, право, боюсь, чтобы не было слишкомъ много гостей.

Маркизь.

Тѣмъ болѣе будетъ число вашихъ обожателей, прекрасная кузина! Надо признаться, что вы одѣты съ рѣдкимъ вкусомъ, съ удивительною прелестію... Г-жа де Севинье!... А что касается до ума, то онъ не будетъ противорѣчить вашему костюму.

Ла Рапиньеръ.

А я взялъ костюмъ одного изъ моихъ предковъ, Рауля Иларіона Гамаша де ла Рапиньера, главнаго мундхоха Короля Карла IX, потому что Ла Рапиньеры получили свое названіе изъ собственныхъ устъ Короля.

Маркизь.

И вы съ достоинствомъ поддерживаете честь этого гастрономическаго происхожденія.

Ла Рапиньеръ.

Будьте откровенны, любезный Маркизь: вашъ праздникъ имѣетъ цѣль. Не дають такого великолѣпнаго бала изъ одного только удовольствія заставлять плясать вовсе для насъ постороннихъ людей.

Маркизь.

Какую же вы тутъ предполагаете цѣль, кавалеръ?

Ла Рапиньеръ.

Почему мнѣ знать? Честолюбіе, можетъ быть!

Маркизь.

Я.... честолюбивъ?..

Ла Рапиньеръ.

Носится слухъ, что вы домогаетесь какой-то важной должности.... Я сейчасъ замѣтилъ мимоходомъ, въ гостиной, одного министра.

Маркизь.

Такъ что жъ такое? Теперь у насъ во Франціи министръ приглашается вездѣ, наравнѣ съ банкиромъ или знаменитымъ художникомъ.

Графиня.

Оно хотя менѣе занимательно, за то производить болѣе дѣйствія....

Кн. XI.—3

Маркизъ.

Что касается до меня, клянусь вамъ, что весьма мало занимаюсь присутствіемъ здѣсь этой особы, и въ глазахъ моихъ министръ ни чуть не важнѣе любого изъ приглашенныхъ мною....

Ла Рапиньеръ.

Вотъ по этому-то видно, какъ мнѣ показалось, Его Превосходительство крѣпко скучаетъ.

Маркизъ (съ безпокойствомъ).

Какъ?... Неужели?... Я составилъ однако жъ для него вистъ изъ любимыхъ его игроковъ.... Пойду....

Ла Рапиньеръ (останавливая его).

Ого! да какой же вы хитрецъ!... Успокойтесь; Его Превосходительство такъ доволенъ, какъ вы только того можете желать.... Я хотѣлъ испытать васъ....

Графиня.

Кавалеръ! вѣдь это вѣроломство съ вашей стороны!...

Маркизъ.

Причина, по которой я даю балъ, очень проста, и вамъ казалось бы не трудно было понять ее.... Развѣ вы не знаете, что выигранная нами тяжба у мнимой родственницы нашей, бывшей Баронессы де Ронкероль, надѣлала намъ много завистниковъ въ городѣ, и даже при Дворѣ! Я хотѣлъ упрочить благорасположеніе друзей нашихъ моею пышностію и шампанскимъ, и выиграть въ общемъ мнѣніи, доказавъ, что мы достойны новаго нашего богатства, умѣя благороднымъ образомъ тратить его.

Ла Рапиньеръ.

Безъ сомнѣнія, мы умѣемъ благородно проживаться.

Графиня.

Но неужели мы ничего не слѣжаемъ въ пользу бывшей Баронессы де Ронкероль?

Маркизъ.

Ничего.

Ла Рапиньеръ.

Ничего.

Графиня.

Это было бы, можетъ быть, лучшимъ средствомъ прекратить завистливыя и живые толки.

Ла Рапиньеръ.

Напротивъ того, на всякую уступку съ нашей стороны станутъ смотрѣть какъ на переговоры, угрызенія совѣсти.... люди страхъ какъ злы!

Маркизъ.

И притомъ, желая смягчить судебный приговоръ, мы бы обидѣли правосудіе, которое окончательно отдало намъ все наследство нашего покойнаго двоюроднаго брата.

Графиня.

Такъ, по крайней мѣрѣ, возвратимъ бывшей Баронессѣ портретъ, который она требуетъ! Хотя законъ объявилъ, что эта иностранка не была законною женою Барона.... и въ этомъ никто не долженъ смѣть сомнѣваться.... но все таки она была любимую его подругою... портретъ былъ залогомъ ихъ любви, и по этому праву....

Ла Рапиньеръ.

Ахъ! Графиня, это право основано на совершенной безпачастности....

Маркизъ.

Портретъ, какъ и все остальное, находится въ числѣ наследства.

Ла Рапиньеръ.

Притомъ же, онъ осыпанъ брилліантами.... мы должны его оставить за собою.

Маркизъ.

Я того же мнѣнія...

Графиня.

А я совершенно другаго, и очень сожалѣю, что нахожусь въ необходимости уступить большинству голосовъ.

Ла Рапиньеръ.

Впрочемъ, я только что возвратился изъ замка Ронкероль; мнимой Баронессы

и ее дочери тамъ уже не было... и теперь эти двѣ искательницы приключеній должны быть близъ Германіи.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Графъ Серни.

Графъ Серни.

Наконецъ-то я до васъ добрался!

Графиня.

Вотъ мой мужъ.

Маркизъ.

Откуда ты вырвался, Серни?

Серни.

Чортъ возьми! я до сихъ поръ оставался за столомъ съ нѣкоторыми добрыми ребятами, гдѣ мы поспраживали за твоимъ виномъ... по-Англійскому обычаю...

Графиня.

Оно и замѣтно.

Ла Рапиньеръ.

Не могу надвинуться, какъ мнѣ не пришла та же самая мысль...

Серни.

Разбивъ стройные ряды войскъ Шампаніи, Иоганисберга и другихъ породъ, мы вышли въ большую залу, гдѣ я былъ свидѣлемъ самаго забавнаго зрѣлища... Тамъ очень веселятся!

Маркизъ.

Что ты хочешь этимъ сказать?

Серни.

Да, любезный, ни въ чемъ нѣтъ недостатка въ твоемъ праздникѣ; къ довершенію, самъ демонъ взялся оживить его своимъ присутствіемъ.

Ла Рапиньеръ.

Демонъ?

Серни.

Я сказалъ, что тамъ очень веселятся... ну, веселятся, да не всѣ... Демонъ этотъ преотважный... онъ все знаетъ, и вовсе не скромничаетъ.

Маркизъ.

Кто же эта маска?

Серни.

Если бы ее знали, она уже не была бы такъ занимательна... Страніе всего, что никто не узнаетъ его, хотя лице едва прикрито крошечною полу-маскою... Впрочемъ, онъ вѣрный мужчина, и демонскій нарядъ ему очень къ лицу!

N. 11.

Серни.

Онъ оживилъ блестящій праздникъ!

Толпой несмѣтной окруженъ,

На балъ, правду вѣсть, проказникъ,

Шутя высказываетъ онъ.

Насмѣшки градомъ такъ и льются,

Здѣсь никого онъ не щадитъ.

Но, впрочемъ всѣ надъ тѣмъ смѣются,

Что онъ сосѣду говорить.

Маркизъ.

Это, однако, очень беспокоитъ меня; Министръ можетъ оскорбиться... если демонъ начнетъ высказывать ему всѣ свои истины!

Графиня.

По дѣломъ вамъ, Маркизъ. Вы сами желали, чтобъ у васъ задыхались отъ жара. Вы разослали ужаснѣйшее множество пригласительныхъ билетовъ; каждый хотѣлъ имѣть ихъ, и получалъ; снѣжи мы открыто носились на биржѣ.. Это чрезвычайно опасно, особенно въ маскарадѣ.. вы даже не приняли предосторожности узнать лицъ, приглашенныхъ на балъ...

Маркизъ.

Я хотѣлъ придать болѣе пѣтливости празднику этою неизвѣстностію... я не могъ себя представить... но вѣдь никто не позволилъ себѣ преступить границы благопристойности.. Впрочемъ, я предвидѣлъ всякую опасность, написавъ на билетахъ условіе, которое вамъ извѣстно... «Никто изъ посѣтителей не имѣетъ права оставить балъ прежде полуночи. Въ полночь каждый будетъ обязанъ снять маску.»

Серни.

Ну, клянусь же вамъ, что онъ вовсе не

боятся этого условія... и какъ будто увѣренъ, что полночь не пробьетъ никогда.

Графиня.

Что же такое онъ рассказываетъ?

Серни.

Богъ знаетъ что! Онъ сказалъ толстому Виконту, что онъ...

(Говоритъ на ухо Ла Рапильеру).

Ла Рапильеръ.

Неужели!

Серни.

А Маркизъ Лерисъ, что на послѣднемъ курсъ водъ, она... (также Маркизу).

Маркизъ.

Это нестерпимо; узнаю непременно...

Серни (останавливая его).

Напрасный трудъ... вы не въ состояніи будете подойти къ нему... онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ... его слушаютъ, нападаютъ на него, онъ возражаетъ; это борьба одного противъ всѣхъ, и на этотъ разъ побѣда не на сторонѣ большинства... Когда я оставилъ гостиную, онъ началъ рассказывать одному изъ нашихъ государственныхъ людей исторію его превращеній. Я думаю, что не кончилъ еще до сихъ поръ...

Маркизъ.

Боже мой! Если ему попался Министръ!

Ла Рапильеръ.

Это можетъ повредить вамъ въ занятіи мѣста, котораго вы добиваетесь...

Серни.

Какого мѣста?

Маркизъ.

Ничего.... ничего.... Ла Рапильеръ вбилъ себѣ въ голову какое-то предположеніе! (слышенъ вдали смѣхъ.) Что за шумъ! Клянусь честию! это нашъ ораторъ.

Графиня.

Демонъ?

Серни.

Именно; за нимъ слѣдуетъ многочисленная свита.

Маркизъ.

Надѣнемъ маски... Въ нашемъ присутствіи онъ, можетъ быть, оробѣетъ... а я хочу посмотрѣть до какой степени доходить его смѣлость. (Надѣваютъ маски).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Робенъ (Маркизъ и Графиня садятся на диванъ).

Хоръ.

N. 12.

Вотъ онъ! Насъ онъ знаетъ,

Смѣшитъ, занимается,

Къ себѣ привлекаетъ —

Ктобъ могъ это быть?

Смотри, мы толпою

Бѣжимъ за тобою,

И долженъ собою

Дополненъ ты быть.

(Толпа масокъ подходитъ къ дверямъ и окружаетъ Робена).

Робенъ (маскамъ).

Дайте мнѣ здѣсь отдохнуть нѣсколько минутъ... я сейчасъ возвращусь къ вамъ... Ступайте. (Маски удаляются. Въ сторону, показывая на Маркиза, Графиню и Ла Рапильера.) Вотъ люди, которыхъ я отыскиваю.. (Громко, становясь между Серни и Маркизомъ) Извините, Г. Маркизъ, что я до сихъ поръ не засвидѣтельствовалъ вамъ моего почтенія... толпа, наполняющая ваши залы, препятствовала мнѣ до сихъ поръ исполнить эту обязанность.

Маркизъ.

За кого же вы меня принимаете, сударь?

Робенъ.

Разумѣется за хозяина дома... Маркиза де Лорміаса.

Маркизъ.

Вы ошибаетесь...

Робенъ.

Никогда.

Ла Рапиньеръ.

Какое тщеславіе!

Робенъ.

Демонское!

Серни (*Ла Рапиньеру*).

Ну, что, не говорил ли я тебѣ?

Робенъ (*Маркизу*).

Какія бы причины ни заставляли васъ притворяться, предвараю, что это будетъ напрасный трудъ... я увѣренъ въ своемъ мнѣніи...

Маркизь (*снимая маску и вставая*).

Очень вижу.

Робенъ.

Я вижу сквозь стѣны, угадываю мысль, укрывающуюся подъ маскою лицемѣрія... а тѣмъ болѣе лице, едва прикрытое тонкою шелковою или бархатною матеріею! (*Приближаясь къ Графинѣ*). Вотъ именно въ этомъ-то и заключаются лучшія мои преимущества... потому что я могу видѣть прелестныя черты Графини Серни, не смотря на маску, скрывающую ихъ отъ взоровъ.

Графиня (*снимая маску*).

Маска бесполезна.

(*Встаетъ*).

Робенъ.

Само собою разумѣется!... Я не эгоистъ.. и если Графъ Серни, супругъ вашъ, позволить...

Серни (*снимая маску*).

Онъ тоже и меня знаетъ.

Ла Рапиньеръ.

Одного только меня не знаетъ.

Робенъ (*Графинѣ*).

Ваше отсутствіе лишаетъ балъ лучшаго его украшенія, сударыня; скоро ли вы намѣрены возвратиться туда?

Ла Рапиньеръ.

Вы очень любопытны, любезный демонъ.

Робенъ (*пристально посмотрѣвъ на кабалера*).

Я только повторяю всеобщее желаніе.

Ла Рапиньеръ.

Мнѣ кажется, что сатана долженъ бы быть менѣе пошлымъ въ своихъ возраженіяхъ. (*Тихо Серни*). Онъ обидѣлся, я начну его интриговать.

Робенъ.

Напрасно же вы не одолжите его своимъ умомъ....

Ла Рапиньеръ.

Рѣшительно, онъ меня не знаетъ.

Робенъ (*продолжая*).

Г. де ла Рапиньеръ!

Ла Рапиньеръ.

Ахъ!

(*Снимаетъ маску*).

Маркизь.

Мы всѣ сняли маски, сударь; неужели вы захотите послѣ того сохранить передъ нами преимущество?...

Робенъ.

Я пользуюсь моимъ правомъ; полночь еще не наступила...

Маркизь.

Правда; если бѣ, однако, я гасъ попросилъ....

Робенъ.

Я прибѣгнулъ бы подъ защиту закона, самими вами начертаннаго.

Маркизь.

А! вы составили себѣ особенныя отъ прочихъ правила, сударь; говорятъ, что сейчасъ вы преступили границы маскаральной вольности.

Робенъ.

Ничуть не бывало, Г. Маркизь: я рассказывалъ только всѣмъ извѣстное; я бы могъ много что поразсказать, чего никто не знаетъ... по успокойтесь...

Графиня (*съ гордостію*).

Намъ успокоиться, сударь?...

Робенъ (*приближаясь къ Графинѣ*).

Ахъ! сударыня! самая добродѣтельная

женщина может имѣть тайну, которую она должна тщательно скрывать.

Серни (услышавъ).

Что такое? Какая тайна?

Робенъ (въ сторону Серни, отводя его на лѣво).

Какое вамъ дѣло, любезный Графъ, лишь бы она была не оперная.

Серни.

Оперная!

Робенъ.

Ну, да; театръ мое пристанище, мой увеселительный замокъ, т. е. сатанинскій... Я вчера былъ тамъ, когда вы вручили изумрудный уборъ прелестной нашей танцовщицы Делін....

Графъ.

Тсъ!

Робенъ.

Безподобные камни.

Ла Раппиьеръ (подслушавъ).

Камни?...

Робенъ (подходя къ нему).

Берегитесь, кавалеръ, я могу добраться и до васъ.

Ла Раппиьеръ.

Ого!

Робенъ.

И это лишило бы васъ аппетита и наслажденія за ужиномъ.

Ла Раппиьеръ.

Правда; я большой гастрономъ.... Но въ томъ нѣтъ еще большой бѣды, и это обвиненіе не изъ числа тѣхъ грозныхъ истинъ, коихъ надо бояться.

Робенъ.

Какъ знать, можетъ быть у васъ лежатъ нѣсколько трофеевъ....

Ла Раппиьеръ.

На желудкѣ?

Робенъ.

Нѣтъ, на совѣсти.

Ла Раппиьеръ.

На совѣсти.... я право не понимаю....

Робенъ.

Подумайте хорошенько! (Маркизъ въ сторону). Что касается до вашей тайны, Маркизъ, я ничего не говорилъ, и не скажу никому ни слова.

Маркизъ.

Какая тайна, сударь?

Робенъ.

А ваше посольство.

Маркизъ.

Ахъ!

Робенъ.

Эге! демонъ очень часто пользуется довѣренностью Министра.

Маркизъ.

Какъ! вамъ это извѣстно?...

Робенъ.

Успокойтесь Г. Маркизъ, я буду нѣмъ какъ рыба, и не стану вредить вамъ... но съ условіемъ, однако жъ...

Маркизъ.

Съ какимъ?

Робенъ.

Вы узнаете его... позже, когда мы будемъ съ глазу на глазъ.... Черезъ часъ.... (Показываетъ на часы). Смотрите же, черезъ часъ?

Маркизъ.

Согласенъ. (Въ сторону, смотря на Робена) Не секретарь ли это министра?

Графиня (также).

Другъ Полковника.

Серни (также).

Всегдашній посѣтитель оперы.

Ла Раппиьеръ.

Непременный членъ трактира Верн.

Робенъ.

Теперь, вѣроятно, ваше общее любопытство возрасло до чрезвычайности.... вы ожидаете съ нетерпѣніемъ, чтобы я снялъ маску.... Ну! ужъ такъ и быть! Я доставляю вамъ это удовольствіе.

(Снимаетъ маску).

Маркизъ (посмотрѣвъ на прочіихъ).

Васъ никто не знаетъ изъ числа при-

существующихъ здѣсь, сударь! Кто же вы таковы?

Робенъ.

Кто я такой?... Робенъ.

Всѣ.

Робенъ!

Робенъ.

Р-о-ро-б-с-н-бенъ, Робенъ, какъ написано на пригласительномъ билетѣ, который я имѣлъ честь получить отъ Г-на Маркиза.

(Показываетъ билетъ).

Маркизъ.

Точно!

Робенъ (съ насмѣшкою).

Такъ какъ я теперь вамъ извѣстенъ.... то надѣюсь, что Графиня удостоитъ меня чести протанцовать съ нею контръ-дансъ?

Графиня.

Я уже ангажирована.

Робенъ.

На первый, знаю. (Таинственно). Съ молодымъ Полковникомъ де Версакъ... по второй!

Графиня.

Пожалуй, я согласна.

Робенъ.

Благодарю васъ.... слышите, подають знакъ.... Полковникъ ожидаетъ.... Позвольте мнѣ проводить васъ до залы....

(Подаетъ ей руку).

Но 13.

Робенъ.

Позвольте мнѣ вамъ руку предложить.

Графиня.

Но кто же онъ? (они уходятъ.)

Серни.

Она птти рѣшилась!...

Маркизъ! скажи, кто можетъ это быть,

И что жена такъ съ чортомъ подружилась?

Маркизъ.

Не самъ ли ты тому причиной сталъ?

И чорта тутъ тебѣ не обвинять бы.

Припомни-ка, какъ послѣ вашей свадьбы

Не разъ жену ты къ чорту посылалъ.

Вмѣстѣ.

Серни.

Пить! шутки прочь! и объясниться

Я долженъ тотчасъ съ сатаной!

Я даже чорту вполочиться

Не позволяю за женой.

Ла Рапиньеръ, Маркизъ.

Уже ль безъ шутокъ объясниться

Онъ хочетъ тотчасъ съ сатаной,

И даже чорту вполочиться

Не позволяетъ за женой?

ЯВЛЕНИЕ V.

Ла Рапиньеръ (одинъ).

Эта маска довольно остроумна.... Но все таки далеко ей до меня. (Бросается на диванъ). Ей Богу! Кавалеръ Ла Рапиньеръ, надо сознаться, другъ мой, что вы счастливѣйшій изъ смертныхъ, и что вы чрезвычайно умно поступили, потрудившись родиться на свѣтъ. Мнѣ же чѣмъ въ шесть лѣтъ я получилъ два значительныхъ наслѣдства; теперь достается въ мои руки новое богатство въ цѣтъ лѣтъ, когда я вполнѣ могу имъ наслаждаться, имѣя отъ природы отличнѣйшій желудокъ и желѣзное здоровье.

ЯВЛЕНИЕ VI.

Валентинъ (входитъ съ подносомъ, на которомъ стаканы).

Валентинъ.

Г-нъ де ла Рапиньеръ! (Хочетъ уйти, но ла Рапиньеръ останавливаетъ его).

Ла Рапиньеръ (подходитъ

къ Валентину, и беретъ одинъ стаканъ

съ подноса. Вален-

тинъ протягиваетъ

подносъ и отворачи-

вается).

Ура! да здравствуетъ пуншъ... Удивительный напитокъ.... Тутъ чего-то недостаетъ.... мало положено лимона.... (Опоражниваетъ другой стаканъ). Точно ли, однако, мало лимона?... Да, именно, въ

немъ недостатокъ. (Уходитъ потомъ снова подходитъ къ Валентину съ другой стороны; сей послѣдній отворачивается въ противоположную сторону). Посоветуй-ка положить въ пуншъ болѣе лимонцовъ!...

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Валентинъ (одинъ).

Да, дождайся, старая губка! Къ счастью онъ меня не узналъ.... впрочемъ, я и забылъ, что Г-нъ Робень велѣлъ мнѣ надѣть ливрею Маркиза Лорміаса... «Входи какъ можно чаще въ залы» сказалъ мнѣ Г. Робень, «чтобъ я могъ отдавать тебѣ мои приказанія....» Вотъ уже цѣлый часъ какъ я брожу съ подпосомъ и не могу встрѣтиться съ баринкомъ! Силы меня оставляютъ, надо чѣмъ нибудь прибодриться.... (Ставитъ подносъ на столъ, который льется, и выпиваетъ стаканъ пунша). Я ничуть не нахожу, чтобъ здѣсь было мало лимона... Попробуемъ ка этого пирога....

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Баронесса, Марія (объ въ домино),
Валентинъ.

Баронесса.

Вотъ мы и на балѣ, Марія! Дѣло сдѣлано! Теперь да защититъ насъ Провидѣніе!

Марія.

Маменька, посмотри-ка, и Валентинъ здѣсь.

Валентинъ.

Кто-то называлъ меня. (Баронесса и Марія снимаютъ маски). Что я вижу, Г-жа Баронесса и молодая барышня!

Баронесса (Валентину).

Тише!...

Валентинъ.

Вы въ Парижѣ, на этомъ балѣ.... какимъ образомъ?

Баронесса (съ живостію).

Едва вы оставили ферму, любезный Валентинъ, какъ я сильно раскаялась въ моемъ легкомысліи, вѣтряясь такъ скоро этому молодому незнакомцу....

Валентинъ.

Ахъ! сударыня, напрасно вы такого дурного о немъ мнѣнія? Если бы вы знали, какъ онъ вамъ преданъ!

Марія.

Не правда ли, Валентинъ? (Баронессѣ). Не моя ли правда?

Баронесса.

Въ нашемъ положеніи, бѣдная моя Марія, надобно въ особенности не подавать повода къ злословію.... Предпріятія этого молодого человѣка могутъ внушить людямъ разные подозрѣнія.... Я обѣщала сохранить свято тайну порученныхъ мнѣ имъ бумагъ, но мое присутствіе здѣсь необходимо, чтобъ въ случаѣ надобности положить предѣлъ тѣмъ глупостямъ, которыя онъ можетъ надѣлать нашимъ именемъ.

Марія.

А я увѣрена, что намъ останется только поблагодарить его за услуги.

Валентинъ.

Я готовъ положить за него руку въ огонь.... Онъ честный и благородный молодой человѣкъ.... О! я его ужъ болѣе ничуть не боюсь!

Баронесса.

Все это хорошо.... у него прекрасное сердце, но кто можетъ поручиться мнѣ за его неопытность и пылкость права?

Валентинъ.

И вы не бонтесь, чтобы на этомъ балѣ....

Баронесса.

Другая, важѣйшая причина привлекла меня въ Парижъ, и на этотъ балъ, въ домъ, который принадлежалъ мнѣ въ счастливое время жизни. Я хочу, во что бы то ни стало, получить обратно портретъ моего мужа, котораго я такъ несправедливо лишилась, и мнѣ не возвращаютъ,

ни какая власть не имѣетъ права отнять его у меня, потому что онъ вполне моя собственность.

Валентинъ.

Какъ же вы надѣетесь привести это въ исполненіе?

Баронесса.

Портретъ всегда находился на каминѣ моего будуара.... онъ долженъ быть тамъ по сію пору....

Марія (надъвая маску).

Матушка, кто-то идетъ....

Валентинъ.

Это самъ Г-нъ Робень....

Баронесса (надъвая маску).

Прошу тебя, Валентинъ, никому не говорить, что мы здѣсь на балѣ.

Валентинъ.

Какъ, даже ни Г-ну Робену?

Баронесса.

Никому совершенно.

Валентинъ.

Положитесь на меня, Г-жа Баронесса.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣже, Робень.

Робень.

А! ты здѣсь, Валентинъ! А я велѣлъ тебѣ находиться въ галереѣ, чтобы въ случаѣ надобности отыскать тебя?

Валентинъ.

Виноватъ, сударь, я подносилъ лимонадъ этимъ дамамъ.

Робень.

Прекрасно. Ты начинаешь образовываться; прежде всего надо думать о дамахъ.

Марія (тихо).

Маменька, не правда ли, какъ онъ хорошъ въ этомъ костюмѣ?

Баронесса.

Будь осторожна Марія....

Робень (Валентину).

Ступай вонъ.... Я ожидаю здѣсь кой-

кого; контръ-дансъ скоро начнется, и Графиня, увидѣвъ какъ я вошелъ въ эту гостиную.... прійдетъ сюда непремѣнно....

Марія (тихо).

Графиня....

Баронесса.

Да, родственница твоего отца.

Марія (со вздохомъ).

Все равно!

Баронесса.

Это онъ все хлопочетъ по нашему дѣлу.... Оставимъ его.

(Уходятъ въ одно время съ Валентиномъ).

ЯВЛЕНІЕ X.

Робень (одинъ, глядя въ слѣдъ за удаляющимися Баронессою и Марією).

Двѣ прелестныя талия, особенно у голубаго домно, и я замѣтилъ сквозь маску одинъ такой взглядъ... Нѣтъ, замолчите Г. Робень, вѣдь вы не для этого на балѣ, чтобы во всѣхъ всматриваться; у васъ есть важнѣйшія занятія, и время вашихъ шалостей миновалось. Музыканты подають знакъ.... Графиня Серии.... Посмотримъ....

ЯВЛЕНІЕ XI.

Графиня, Робень.

Графиня.

Что же, сударь, вы вѣрно меня забыли, Робень.

Я васъ забылъ, сударыня! можете ли вы это думать?

Графиня.

Мнѣ кажется это довольно ясно: я васъ считала болѣе вѣжливымъ; контръ-дансъ, о которомъ вы меня такъ спрашивали....

Робень.

И на который вы согласились съ такою любезностію!...

Кн. XI. — 4.

Графиня.

Повидимому вы имъ не очень дорожите.

Робенъ.

Я не уступлю никому на свѣтѣ тѣхъ блаженныхъ минутъ, которыя онъ мнѣ общаетъ.

Графиня.

Если такъ, то вы ужасно разсѣяны.... Развѣ вы не слышите оркестра?

Робенъ.

Очень хорошо слышу.

Графиня.

Вѣдь это начало контръ-данса?

Робенъ.

Знаю.

Графиня.

И вы остаетесь здѣсь, заставляете меня искать васъ.

Робенъ.

Я надѣялся, сударыня, что вы будете до этой степени снисходительны.

Графиня.

Вотъ еще новость, какое неумѣстное тѣславіе! Контръ-дансъ начался, пойдемте же.

Робенъ.

Если онъ ужъ начался, то для чего же намъ не остаться лучше здѣсь?

Графиня.

Какъ?

Робенъ.

Боже мой!... развѣ вы непременно хотите танцовать? Развѣ вся прелесть контръ-данса заключается только въ фигурахъ или въ прыжкахъ? Ни чуть не бывало; полное наслажденіе заключается въ короткомъ разговорѣ между собою танцующихъ.... Согласитесь, сударыня, что для этого нельзя выбрать лучшаго мѣста, какъ эта гостиная, гдѣ мы будемъ удалены отъ толпы и шума. Сдѣлайте одолженіе, садитесь на диванъ, и позвольте мнѣ сѣсть подлѣ васъ. *(Беретъ стулъ и садится возлѣ.)* Пусть это будетъ спичій контръ-дансъ.

Графиня.

Вотъ странное предложеніе!

Робенъ.

Напротивъ, весьма обыкновенное.

Графиня.

Этотъ разговоръ насдѣй вовсе бесполезенъ; я напередъ знаю, что вы хотите мнѣ сказать...

Робенъ.

Сомнѣваюсь.

Графиня.

Я такъ много разъ слышала подобныхъ объясненій!... говорю вамъ напередъ, что ваша участь будетъ не лучше прочихъ.

Робенъ *(благодаря ее)*.

Ахъ! сударыня!

Графиня.

Исполняя свято свои обязанности, я положила себѣ за правило не отвѣчать на любовныя объясненія молодыхъ людей нынѣшняго вѣка.

Робенъ.

Согласенъ.... но вѣдь я не обыкновенный молодой человекъ, сударыня.... я....

Графиня.

Да кто же вы таковы?

Робенъ.

Кто я таковъ? демонъ.... и, знаю напередъ, вамъ покажется удивительнымъ услышать отъ меня, что я не имѣю вовсе намѣренія объясниться въ любви.

Графиня *(съ досадою)*.

А! ну въ такомъ случаѣ я васъ слушаю.

Робенъ.

Я надѣялся на вашу снисходительность, сударыня, и ожидаю еще болѣе, потому что тотъ, кого природа одарила такими обворожительными чертами и такою прелестною наружностію, долженъ имѣть отличное сердце.

Графиня.

Вы развѣ забыли наше условіе? Можно ли говорить мнѣ вслухъ такія вещи?...

Робенъ.

Не бойтесь.... Графъ запялъ картами и виномъ.

Графиня.

Не въ одномъ моемъ мужѣ дѣло!

Робенъ.

Справедливо... но и Полковникъ де Версакъ озабоченъ въ эту минуту игрою.

Графиня (съ удивленіемъ).

Полковникъ? А что вы смѣете этимъ подразумевать, сударь?

Робенъ.

Совершенно ничего, потому что я намѣренъ бесѣдовать съ вами не о настоящемъ, а о прошедшемъ!

Графиня.

О прошедшемъ?

Робенъ.

Да, сударыня, объ одномъ чувствѣ, которое вѣроятно еще не совсѣмъ погасло въ вашемъ сердцѣ.

Графиня.

Говорите яснѣе.

Робенъ.

Не были ли вы прежде дружны съ вашею несчастною родственницею, Баронессою де Ронкероль?... Я хочу говорить съ вами о ней, напомнить вамъ ея права, такъ жестоко поправныя.

Графиня.

Какъ! и для этого вы лишаете меня удовольствій бала? Это очень дѣлѣжливо съ вашей стороны, сударь.

Робенъ.

Вы можете исправить ошибку правосудія, сударыня, признать права Баронессы, возратить ей имя и часть, которая вамъ досталась въ удѣлъ: вы богаты, очень богаты, и можете вполнѣ располагать вашимъ состояніемъ.

Графиня (вставая).

Довольно, сударь, довольно! На этотъ счетъ я столько же неумолима, какъ если бы вы стали говорить мнѣ о любви.

Робенъ (въ сторону).

Какъ бы не такъ.

Графиня.

Законь отдавъ мнѣ эту часть наслѣд-

ства, и потому позвольте ужъ мнѣ при ней остаться?

Робенъ.

Нѣтъ, я этого не позволяю, сударыня.

Графиня.

Вы вѣрно хотите шутить?

Робенъ.

Я никогда не шучу. Я пришелъ сюда изъ... изъ ада, чтобъ возстановить права Баронессы, и потому всѣ ея права будутъ непременно признаны.

Графиня.

Ея права? Этой искальницы приключеній!

Робенъ.

Баронесса была всегда неукорызненною супругою, нѣжною матерью, и вамъ это очень хорошо извѣстно, сударыня; но если положить даже и противное, все таки хорошо ли имѣть такъ мало снохожденія къ своей родственницѣ и старой приятельницѣ. Неужели вы не знаете какой нибудь другой матери, которая можетъ сдѣлаться несчастіе Баронессы.

Графиня.

Я не понимаю васъ, сударь?

Робенъ.

Ахъ! сударыня, въ дни нашей молодости и красоты, мы не всегда можемъ владѣть сердцемъ; а въ послѣдствіи, обязательные выйти замужъ по расчету, видимъ иногда необходимость тщательно скрывать тайну.

Но 14.

Вдали отъ Парижа, въ одной деревушкѣ Былъ на руки отданъ убогой старушкѣ Плодъ частыхъ свиданій двухъ нѣжныхъ сердецъ. Старушка ребенка отъ свѣта скрываетъ, Ребеночекъ тотъ матерью васъ называетъ, Но мужъ вашъ, Графиня, ему не отецъ!

Графиня.

Какимъ образомъ вы могли узнать....

Робенъ.

Да развѣ вы забыли, кто я?

Графиня.

Нѣтъ, нѣтъ, васъ обманули.

Робенъ.

Я имѣю доказательства на то, что говорю, сударыня!

Графиня.

Гдѣ же они?

Робенъ.

Въ *Запискахъ Демона*.... тамъ есть ваши письма.... свидѣтельство на собственность въ пользу одного несчастнаго спроты.... все это будетъ напечатано, если вы....

Графиня.

Пощадите, сударь, я на все согласна!

Робенъ.

Хорошо.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же, Серни.

Графиня.

Мужь!

Серни.

Жена моя въ обществѣ демона? Я почувствовалъ. (*Примѣчая.*) Это замѣшательство, волненіе; что съ вами, сударыня?

Робенъ.

Чему тутъ удивляться.... Графиня почувствовала себя нездоровую.... и не мудрено — шумъ, жаръ.....

Серни (*въ сторону*).

Да, жаръ разговора.

Робенъ.

Но что сдѣлалась съ вами, любезный Графъ, на васъ лица нѣтъ?

Серни.

Что со мною?... когда я застаю жену мою здѣсь.... съ....

Робенъ (*со смѣхомъ*).

Ну, такъ что же! Не думаете ли вы оскорбить вашу супругу, а мнѣ доставить честь ревновать меня къ ней? Это было бы очень забавно!

Серни.

Можетъ быть....

Робенъ.

Какъ! ужъ не сердитесь ли вы!

Серни.

Вольность, которую вы себѣ со мною позволяете, сударь, вовсе не у мѣста.

Робенъ.

А! а!

Серни.

Вы слишкомъ забываете, съ кѣмъ вы говорите!

Робенъ.

Совсѣмъ нѣтъ.

Серни.

Ваше мѣсто не въ нашемъ обществѣ.

Робенъ.

А я такъ думаю напротивъ, что демонъ здѣсь совершенно ко двору пришелъ.

Серни.

Я прошу васъ держать себя передо мною въ должномъ разстояніи.

Робенъ.

На такомъ разстояніи, какъ вамъ будетъ угодно.... въ пятнадцати... десяти шагахъ... или на длину шпаги, если хотите.

Серни.

Вызовъ.

(*Графиня становится между ими*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же, Ла Раппиьеръ.

Ла Раппиьеръ.

Что за шумъ? Кто съ кѣмъ ссорится?

Серни.

Да вотъ этотъ господинокъ слишкомъ заважничался!

Робенъ.

Успокойтесь, сударыня! (*Ла Раппиьеръ.*) Это ничего не значитъ. Графъ не въ пору вмѣшался въ одно довольно важное дѣло, которое мы замыслили выполнить съ Графиней. Она согласна возвратить Баронессѣ де Ронкероль часть наслѣдства, доставшагося на ея долю.

Ла Раппиьеръ.

Какъ?

Серни.

Что онъ говорить?

Графиня.

Правду!

Серни.

Такъ это-то было предметомъ вашего разговора?... И вы рѣшаетесь?

Графиня.

Да, сударь....

Серни.

Но, Графиня....

Графиня.

Увольте меня отъ вашихъ неумѣстныхъ возраженій.... я не мѣшаю вамъ мотать мое имѣніе, а себѣ предоставляю право сдѣлать эту уступку.

(Уходитъ въ сопровожденіи Робена).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Серни, Ла Раппиьеръ, Робень.

Ла Раппиьеръ.

Ты не предполагалъ такой невзгоды, любезный Графъ.

Серни.

Я не прійду до сихъ поръ въ себя!

Робень.

А по мнѣ такъ это очень просто... и я увѣренъ, что Г. кавалеръ будетъ точно также свисходителемъ въ отношеніи своей доли.

Ла Раппиьеръ.

Я вамъ за это ручаюсь, что пѣтъ....

Робень.

Не ручайтесь напередъ!

Ла Раппиьеръ.

Мои правила всѣмъ извѣстны! если бы даже весь адъ вооружился противъ меня.

Робень.

Достаточно одного демона. А какъ велика ваша часть? Сто тысячъ экю, бездѣлица!

Серни.

Вамъ хорошо такъ говорить.

Робень.

Есть столько средствъ на свѣтѣ нажать сто тысячъ экю, и даже болѣе; я на этотъ счетъ знаю много анекдотовъ,

которые могли бы послужить вамъ... Между прочимъ одинъ....

Ла Раппиьеръ.

Вы съ ума сошли.... возвратимся въ залу, Серни, отказаться отъ ста тысячъ экю! Вотъ нашель.... Пойдемъ.

(Собираются уходить).

Робень.

Однако, анекдотъ удивительно занимателенъ. Прислушайте-ка....

Ла Раппиьеръ (удаляясь).

Напрасно теряете время, мой милый!

Робень (въ сторону).

Подожди! (громко) Жаль было въ Тулузѣ пѣкто Г. Террасъ.

Ла Раппиьеръ (издали).

Гмъ? что вы сказали....

Робень (въ сторону).

Я былъ увѣренъ, что онъ возвратится.

Ла Раппиьеръ (приближаясь).

Г. де Террасъ?...

Робень.

Вы, вѣроятно были съ нимъ знакомы, кавалеръ, потому что обыкновенно по полугоду проживали въ Тулузѣ.

Ла Раппиьеръ.

Да, я кажется, припоминаю....

Робень.

Этотъ Г. де Террасъ имѣлъ одного друга....

Серни (остатійся въ любви).

Пойдемъ же, Ла Раппиеръ....

(Лакей проходитъ съ мороженымъ, Серни беретъ порцію).

Робень.

Ступайте, кавалеръ... я пошщу другихъ слушателей... и непремѣнно найду, вонъ тамъ, въ залѣ....

Ла Раппиьеръ.

О пѣтъ.... вы меня очень заинтересовали!

Робень.

Станемъ продолжать.... Друга Г. де Терраса звали.... постойте-ка.... Ну, за-

былъ... не припомните ли вы мнѣ, кавалеръ.

Ла Раппиьеръ (съ смѣшнымъ безпокойствомъ).

Нѣтъ, я не думаю....

Робенъ.

Вы не думаете.... Ну, все равно.... другъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ гнусный скупецъ.... назовемъ его скрягою.... Онъ имѣлъ большое состояніе и, издерживая на себя ежегодно не болѣе тысячи эку.

Ла Раппиьеръ.

Скряга! Я бы....

Робенъ.

Да, развѣ я сказалъ, что это вы?... Съ своей стороны Г. де Террасъ также былъ не очевъ....

Ла Раппиьеръ.

Торовать.

Робенъ.

Именно.

Серни.

Ты, какъ видно, былъ съ нимъ знакомъ?

Робенъ.

Повидимому Г. де ла Раппиьеръ зналъ его....

Серни.

Впрочемъ, свой своему по неволѣ братъ....

Робенъ.

Эти два друга были почти равно богаты; каждый изъ нихъ вздумалъ сдѣлать законнымъ своимъ наследникомъ того, кто изъ нихъ переживетъ другаго....

Ла Раппиьеръ.

Что тутъ удивительнаго.... между друзьями часто случаются такіа сдѣлки.... Это утѣшаетъ пережившаго.

Серни.

И ничего не стоитъ покойнику.

Робенъ.

Доселѣ, все кажется въ порядкѣ вещей.... но до конца еще далеко.... Какъ

скоро сдѣлано было завѣщаніе.... скряга желая утѣшиться.... задумалъ избавиться.... отъ нетороватаго.

Серни.

Какое злодѣйство!

Робенъ.

Нашъ скряга былъ слишкомъ уменъ для того, чтобъ употребить для своего умысла желѣзо или ядъ, и вотъ тутъ-то доказалъ исполнѣть весь свой умъ; онъ придумалъ неслыханное средство.

Серни.

Посмотримъ.

Робенъ.

Онъ рѣшился убить своего друга... разстройствомъ желудка.

Серни (со смѣхомъ).

Богъ знаетъ, что за исторія; она съ того свѣта.

Робенъ.

Я самъ оттуда же....

Ла Раппиьеръ (съ обманчивою увѣренностію).

Это безсмыслица!

Робенъ.

Какъ, кавалеръ, вамъ кажется это безсмыслицей, вамъ, извѣстному гастроному! однако происшествіе не выдуманно.... Какъ скоро скряга рѣшился на это убійство, онъ отложилъ въ сторону свою скупость, или лучше сказать, сдѣлался роскошнымъ скрягою. Сталъ жить открыто, и всякій день приглашалъ несчастнаго друга на свои ширшества. Ему ничего не стоило, онъ сѣялъ, чтобъ собрать потомъ обильную жатву; за столомъ его появились самыя пзыщныя и самыя пудобосваримыя блюда. Долго Г. де Террасъ крѣпился, потомъ сталъ чаще хворать, и наконецъ, разъ, за ужиномъ своего щедраго друга, онъ такъ пался трюфлей... что на другое же утро Г. де Террасъ умеръ.

Серни.

Бѣдняга!

Робенъ.

Какъ вамъ правится анекдотъ мой, Г. кавалеръ?

Ла Раппиьеръ.

Я остаюсь при своемъ мнѣнїи: это безсмыслица, невозможное дѣло; другъ не виноватъ; его оклеветали....

Робенъ.

Я самъ сперва былъ того же мнѣнія.... но къ несчастію есть на это неоспоримое доказательство: бѣдная жертва успѣла еще написать къ своему страчному слѣдующее: «Мой другъ, мерзавецъ...» Тфу, чортъ возьми, никакъ не вспомню имени... «лишилъ меня сегодня жизни своимъ шампанскимъ и трюфлями, для того, чтобъ сдѣлаться моимъ наслѣдникомъ. Хотя завѣщаніе и въ его пользу, но я посылаю вамъ прибавленіе къ моей духовной, которое уничтожаетъ завѣщаніе, и передаетъ мое имѣніе прямымъ наслѣдникамъ.»

Серни.

Прекрасно сдѣлалъ.

Ла Раппиьеръ (съ возрастающимъ безпокойствомъ, но съ большою утѣренностью).

Опять выдумка!

Робенъ.

Я вовсе не выдумываю.... Эта приписка, которую хитрый стряпчій скрылъ, у меня въ рукахъ.

Ла Раппиьеръ (въ ужасѣ).

У васъ!

Робенъ.

Да.... наслѣдники Г. Терраса всѣ умерли.... Но другъ его, амфитріонъ, существуетъ, и я имѣю средство заставить его согласиться на мое требованіе.

Серни (весело).

Какъ жаль, что вы забыли имя друга. Весьма было бы любопытно узнать его.

Робенъ.

Позвольте.... я кажется начинаю припоминать имя.... ла.... ла.... Р....

Ла Раппиьеръ (тихо).

Радъ Бога тише, сударь, я понимаю васъ.

Робенъ (тихо).

Согласитесь ли вы на уступку?

Ла Раппиьеръ (тихо).

Вы возвратите мнѣ письмо и приписку.

Робенъ (тихо).

Черезъ недѣлю, въ замкѣ Ронкероль.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣже, Маркизь.

Маркизь.

Послушайте, Графъ! я хочу рассказать вамъ странную новость, и вы тоже кавалеръ!.. только боюсь, что вы мнѣ не поверите.

Ла Раппиьеръ (бросаясь на диванъ).

Теперь, маркизь, вы смѣло можете увѣрять меня, что я дуракъ, нѣвъ состоянїи исполнѣ согласиться!... А что такое съ вами случилось?

Маркизь.

Ха, ха, ха, вообразите, что Графиня Серни не шутя совѣтовала мнѣ отказаться отъ наслѣдства Ронкероля! Не правда ли какъ это смѣшно, кавалеръ?

Робенъ (ла Раппиеру).

Что же вы не смѣтаетесь съ Маркизомъ. (Раппиеръ смѣется принужденно).

Маркизь.

Она отказывается отъ своей части.

Серни.

Мы знали это прежде васъ.

Маркизь.

Но вѣдь это можно сдѣлать только въ бѣлой горячкѣ!... не правда ли, кавалеръ?

Ла Раппиьеръ.

Отъ чего же.... можетъ быть отъ доброты души.... надо подумать.... и я съ своей стороны....

МАРКИЗЪ.

Какъ, и ты хочешь?...

ЛА РАПИНЬЕРЪ *(вставая)*.

Я подумаю, рассмотрю хорошенько дѣло.... Мнѣ бы не хотѣлось имѣть на совѣсти....

МАРКИЗЪ

Пу, ужъ если вы заговорили о совѣсти, кавалеръ, то вѣрно нездоровы.

СЕРНИ.

Мнѣ самому кажется, что онъ не въ своей тарелкѣ. *(Робенъ подходитъ къ Маркизу, показывая на часы)*.

МАРКИЗЪ *(Робену)*.

Тотчасъ, я къ вашимъ услугамъ.

ЛА РАПИНЬЕРЪ.

Я и въ правду что-то не совсѣмъ здоровъ.

СЕРНИ.

Ты вѣрно хочешь ужинать?

ЛА РАПИНЬЕРЪ.

Дай мнѣ руку, Серни, возвратимся въ залу....

СЕРНИ *(уходя съ ла Рапиньеромъ)*.

Маркизъ... попроси Г. Робена повторить тебѣ анекдотъ, который мы сейчасъ слышали.... ты будешь очень смѣяться. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

МАРКИЗЪ, РОБЕНЪ.

РОБЕНЪ *(въ сторону)*.

Теперь дѣло доходить до васъ, Г. Маркизъ.

МАРКИЗЪ.

Что за анекдотъ вы рассказывали?

РОБЕНЪ.

То была шутка... предметъ нашего разговора гораздо важнѣе.

МАРКИЗЪ.

Посмотримъ; но говорите тише, если это касается до посольскаго мѣста, которое я скоро получу.

РОБЕНЪ.

Которое вы получите? Да вѣдь надо прежде на то мое согласіе.

МАРКИЗЪ *(съ улыбкою презрѣнія)*.

Ваше?... да, я и забылъ, что вы говорили мнѣ про какое-то условіе? *(сидитъ)*. Извольте начинать!

РОБЕНЪ *(беретъ стулъ и облакачивается на спинку)*.

Это именно то условіе, надъ которымъ вы сейчасъ смѣялись, на счетъ Графини. Я требую уступки вашей части въ послѣдствіи Ронкероля.

МАРКИЗЪ.

Только-то? Сто тысячъ эку!

РОБЕНЪ.

Да, Г. Маркизъ; само собою разумѣется, что кто требуетъ такой огромной жертвы, долженъ предложить равномѣрное вознагражденіе.

МАРКИЗЪ.

Что же такое вы мнѣ предлагаете?

РОБЕНЪ.

Посольское мѣсто ваше.

МАРКИЗЪ *(съ насмѣшкою)*.

Что такое! Вы хотите меня увѣрить, Г. Робенъ, что имѣете возможность раздавать подобныя мѣста?

РОБЕНЪ.

Я вовсе этого не говорю, но имѣю средство не позволить вашимъ покровителямъ дѣйствовать въ вашу пользу. Но касаясь до назначенія, я могу помѣшать исполненію его.

МАРКИЗЪ *(съ усмѣшкой)*.

Понимаю!... вы воспротивитесь моему назначенію.

РОБЕНЪ.

Именно, Г. Маркизъ.

МАРКИЗЪ.

Какая смѣшная самонадѣянность!...

РОБЕНЪ.

Вы перестанете удивляться, если согласитесь только выслушать меня.... *(Са-*

дится). Станемъ говорить дѣльно, Г. Маркизь.... Кто желаетъ быть представителемъ такой державы, какова Франція, долженъ соединять въ себѣ всѣ добродѣтели, украшающія частнаго человѣка, и составляющія уважать тотъ народъ, который онъ собою представляетъ.

Маркизь (*съ надмѣнно-стїю*).

Мнѣ кажется, сударь, что всѣмъ этимъ вполнѣ обладаетъ Маркизь де Лорміасъ!... Я происхожу отъ знаменитаго Испанскаго поколѣнія; за важныя государственныя заслуги получилъ права Французскаго гражданина, и обладая огромнымъ состояніемъ, именно предназначенъ какъ бы судьбою быть представителемъ великаго народа. Кромѣ того, я слышу за человѣка образованнаго, и извѣстная всѣмъ моя честность....

Робенъ.

Оказалась во всемъ своемъ блескѣ въ несправедливой тяжбѣ.... которую вы сами завели и продолжали съ такимъ ожесточеніемъ.

Маркизь.

Если вы не имѣете противъ меня другаго оружія, то я мало опасуюсь вашихъ угрозъ.... Прекратимте, сдѣлайте одолженіе, этотъ бесполезный разговоръ.. Я освобождаю васъ отъ конца...

(*Встаетъ и хочетъ уйти*).

Робенъ.

А я такъ вовсе не согласенъ перестать говорить... и вы должны меня выслушать или я васъ буду преслѣдовать....

Маркизь.

Даже на самомъ балѣ.... а!

Робенъ.

Далѣе.... подъ самыя стѣны Лейпцига!...

Маркизь (*возвращаясь, съ сторону*).

Подъ стѣны Лейпцига!... Что бы это такое значило?...

Робенъ (*вставая*).

Видно, Г. Маркизь, вы не хотите за-

ставить меня совершить такое дальное путешествіе?... Мы оба должны быть этимъ довольны.... Вы оградили себя сейчасъ блистательною стѣною.... знаменитымъ происхожденіемъ, важными заслугами отечеству, добродѣтелями, честностію.... отъ одного моего дуновенія все это обратится въ прахъ.... и вы упадете въ собственныхъ глазахъ своихъ съ высоты величія, такъ низко....

Маркизь.

Подобныя дерзости не выносимы, милостивый государь и я....

Робенъ.

Останетесь здѣсь, и дослушаете меня.... Если самолюбіе совершенно отбило у васъ память.... я постараюсь возвратить вамъ ее....

№ 15.

Чтобъ эту должность важную

Могли вы занимать —

Душею непродажною

Должны вы обладать!

Чтобъ горькой укоризною

Смутить васъ не могли,

Чтобъ вы, гордясь отчизною,

Честь нашу берегли!

Но тотъ кто побѣдителямъ

Насъ продалъ безъ стыда —

Отчизны прадставителемъ

Не будетъ никогда.

Маркизь (*въ ужасѣ шатаясь*).

Великій Боже!

Робенъ.

Садитесь, Г. Маркизь, вы шатаетесь...

Маркизь (*падая на стулъ, на которомъ сидѣлъ Робенъ*).

Я!... я!...

Робенъ.

Именно вы.... Видите, что такое значить угрызеніе совѣсти....

Маркизь.

Но, милостивый государь....

Робенъ.

У васъ стало духу, Маркизь, продать въ 1813 году, въ Лейпцигѣ, усыновившее васъ отечество?...

Кн. XI. — 5

Маркизь.

Творецъ небесный!

Робенъ.

Занимая должность высшего чиновника, вы вели переписку съ непріятелемъ, и причиною этого было истребленіе цѣлой нашей арміи на берегахъ Салы, при деревнѣ Люценъ, 14-го и 16-го Октября.

Маркизь.

Проклятіе!

Робенъ.

Неправда ли, я хорошо знаю всѣ подробности, Маркизь? Что же, можете вы получить званіе Посла безъ моего согласія?

Маркизь.

Доказательство, подтверждающее сказанное вами...

Робенъ.

Я его отыскалъ...

Маркизь.

Гдѣ же?...

Робенъ.

Въ *Запискахъ Демона*, моего патрона.... Къ этимъ запискамъ, которыя въ вѣрныхъ рукахъ, присоединены документы.... ваша переписка съ непріятелемъ.... Три письма.... вотъ копіи съ оригиналовъ... (*Подаетъ ему письма*).

Маркизь (*пробѣгая письма*).

Прошу васъ, сударь, сохранить все это въ тайнѣ.... Я согласенъ на все.... Но теперь.... мое смущеніе...

Робенъ.

Очень хорошо, Г. Маркизь.... увѣренный въ вашемъ согласіи, я даю вамъ восемь дней срока, чтобъ успокоиться.... По прошествіи ихъ ожидаю васъ въ замкѣ Ронкероль.... гдѣ мы рѣшимъ дѣло.

Маркизь.

Явлюсь непременно... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Робенъ (*одинъ*).

Охъ! приступы были жестоки... но спра-

ведливость восторжествовала!... они сдались... всѣ трое у меня въ рукахъ... черезъ восемь дней формальный актъ возвратитъ Боронессѣ де Ронкероль всѣ права ея... Никогда еще сатана не совершала ничего похвальнѣе этого!...

(*Брасается на диванъ*).

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Робенъ, Марія, Валентинъ.

Марія.

Я потеряла маменьку!...

Валентинъ.

Я отыщу ее.. останьтесь съ Г. Робеномъ... съ нимъ вамъ нечего бояться, (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Марія, Робенъ.

Робенъ (*смотря на Марію, которая не двигалась, стоитъ въ нѣкоторомъ разстояніи*).

Кто бы такая была въ этомъ голубомъ domino? Она разсматриваетъ меня съ такимъ вниманіемъ!

Марія (*въ сторону*).

Къ чему робѣть!... онъ не узнаетъ меня...

Робенъ.

Не та ли эта самая прелестная таія, которою я сейчасъ здѣсь любовался?.... Именно она... Не грѣшно повеселиться послѣ трудовъ.. (*подходитъ*) Я знаю тебя, прекрасная маска...

Марія.

Право?.... увѣрены ли вы точно въ этомъ... Мнѣ кажется, что скорѣе я васъ знаю...

Робенъ.

Ты позволишь мнѣ усомниться!... Какъ дрожитъ твоя прекрасная ручка.... Не боишься ли ты меня?

МАРІЯ.

Нѣтъ.

РОБЕНЬ.

Ну, такъ на оборотъ!

МАРІЯ.

Я этого не говорю... Оставьте меня, пожалуйста...

РОБЕНЬ.

Я боюсь, чтобъ ты не ушла.

МАРІЯ.

Я сама пришла къ вамъ, и вовсе не намѣрена такъ скоро васъ оставить.

РОБЕНЬ (начиная ходить съ Маріей).

Прекрасно!... ужъ не хочешь ли ты меня интриговать?

МАРІЯ.

А почему бы и не такъ?

РОБЕНЬ.

А потому... что меня нельзя интриговать... я интригую другихъ.

МАРІЯ.

Увидимъ!... Довольны ли вы вашимъ вечеромъ?

РОБЕНЬ.

Странно было бы увѣрять въ противномъ...

МАРІЯ.

Сдѣлайте одолженіе, безъ комплиментовъ... я васъ спрашиваю о настоящей цѣли, для которой вы на балѣ, а не о случайныхъ встрѣчахъ.

РОБЕНЬ.

Какая цѣль? Разумѣется, удовольствіе!..

МАРІЯ.

Дѣлать добро...

РОБЕНЬ.

Что это такое?... (въ сторону) О! это случай!...

МАРІЯ.

Что же вы не отвѣчаете?

РОБЕНЬ.

Да, вечеръ имѣлъ прекрасное начало... и отъ тебя зависитъ сдѣлать его совершенно счастливымъ...

МАРІЯ.

Въ самомъ дѣлѣ!... Г-нъ Робень?

РОБЕНЬ.

Тебѣ извѣстно мое имя?... Да, вѣдь я и забылъ, что самъ сейчасъ здѣсь проговорился...

МАРІЯ.

Меня тутъ и не было.

РОБЕНЬ (всматриваясь въ нее съ увеличивающимся любопытствомъ).

Неужели мы и впрямь знакомы?...

МАРІЯ.

Чтожъ тутъ удивительнаго?

РОБЕНЬ.

По всему замѣтно... ты хочешь, чтобъ я угадалъ кто ты?...

МАРІЯ.

Невозможно!...

РОБЕНЬ.

О! я бьюсь объ закладъ!...

МАРІЯ.

Не бейтесь!... если прозорливость ваша хотя однажды вамъ измѣнитъ... все очарованіе тотчасъ исчезнетъ...

РОБЕНЬ.

Постой... постой... наконецъ-то я угадалъ!... точно, твой голосъ возбуждаетъ во мнѣ одно воспоминаніе! Эта прекрасная ручка, маленькая ножка, красивая талія, взглядъ, блистающій сквозь маску... я все узнаю... точно, я видѣлъ уже всѣ эти прелести... но порознь... У одной маленькая ножка, у другой кроткій взоръ... но, что меня восхищаетъ!... это именно соединеніе всѣхъ прелестей въ одно цѣлое, въ тебѣ одной!...

МАРІЯ.

Оно въ то же время и затрудняетъ васъ?...

РОБЕНЬ.

Правда! сознаюсь въ томъ...

МАРІЯ.

Я могу удивить васъ еще болѣе... исчислить ваши качества и недостатки...

РОБЕНЬ.

Будь снисходительна!

МАРІЯ.

Вы мужественны, благородны, великодушны... но какъ невозможно быть въ злѣшнемъ свѣтѣ существомъ совершеннымъ... Провидѣнію угодно было въ то же время сотворить васъ злымъ и обманщикомъ...

РОБЕНЬ.

Злымъ я никогда не бывалъ! обманщикомъ случилось. Ты развѣ испытала это на себѣ, прекрасная маска?...

МАРІЯ.

Да...

РОБЕНЬ.

Какъ? и я былъ такъ счастливъ!... или лучше сказать, такъ несчастливъ!...

МАРІЯ.

Я васъ считала постояннымъ... но сильно разочаровалась на этотъ счетъ... О! я много кой-чего о васъ знаю, будьте въ этомъ увѣрены!

РОБЕНЬ.

Что же тебя останавливаетъ? Говори, ангелъ мой!...

МАРІЯ (въ сторону).

Онъ называетъ меня ангеломъ... однако не узнаетъ меня... (громко) Такъ какъ вы хотите непременно (въ сторону) и маменьки здѣсь нѣтъ... (громко) Помните ли вы Сусанну?...

РОБЕНЬ.

Не очень.

МАРІЯ.

А Юлію?

РОБЕНЬ.

Откуда ты выкопала Юлію?... клянусь, это такая старина, что ужъ я и не припомню...

МАРІЯ.

Кольцо, которое у васъ на рукѣ, не ея ли подарокъ?

РОБЕНЬ.

Это кольцо не имѣетъ въ глазахъ моихъ ни какой цѣны...

МАРІЯ.

Докажите это на дѣлѣ.

РОБЕНЬ.

Какимъ образомъ?

МАРІЯ.

Отдайте мнѣ его!...

РОБЕНЬ.

Съ охотою...

МАРІЯ.

Однако жъ, я все не перестану продолжать исчисленія вашихъ любовныхъ приключеній...

№ 16.

МАРІЯ.

Гортензію когда-то вы любили;

Луизой вы пѣвничали опять,

Цепили вы постѣ измѣнили,

И какъ же васъ за то не упрекать?

Въ любви мѣнялся безпрестанно,

Вы правитесь хотите намъ,

Ахъ! будьте вѣрны, постоянны!

Вотъ что вашъ ангелъ скажетъ вамъ.

РОБЕНЬ.

Ужъ это изъ рукъ вонъ... цѣлая исторія моей жизни...

МАРІЯ (передразнивая его).

Вѣдь меня нельзя интриговать!.. я интригую другихъ... Ну, вотъ вы ужъ и совершенно смуглились.

РОБЕНЬ.

Да! ты приводишь меня точно въ такое же удивленіе, какъ я сейчасъ Маркиза, кавалера, Графиню, даже цѣлый балъ... Наконецъ я отыскалъ своего властителя!.. и теперь не я, а ты настоящий демонъ!...

МАРІЯ.

Прекрасно... сейчасъ была ангеломъ... теперь попала въ демоны... положимъ такъ... но вѣдь иногда и демоны могутъ давать полезные совѣты... и по этому я скажу вамъ...

Не стыдноль вамъ? гдѣжъ клятвы всѣ святыя? И ктожъ теперь положится на нихъ?

Ужели вы измѣните Марію?

Ужели вы полюбите другихъ?

Хоть съ нею свелъ васъ случай странный,

Но договоръ кто сдѣлалъ, самъ?

Ахъ! будьте вѣрны, постоянны!

Вотъ что вашъ демонъ скажетъ вамъ.

Робень.

Я совсѣмъ потерялся!.. Я долженъ непременно узнать...

Марія.

Успокойтесь... я вамъ не измѣню... вы должны сохранить теперь все ваше присутствие духа, все ваше мужество...

Робень.

Мужество... на балѣ!

Марія.

Я полагаю, что вы надѣлали себѣ здѣсь множество враговъ... я слышала въ гостиной разговоръ, испугавшій меня!.. Противъ васъ составляется заговоръ.

Робень.

Заговоръ?...

Марія.

Да... и я совѣтую вамъ не дожидаться окончанія бала... и уйти...

Робень.

Уйти... когда я съ тобою!.. Перестань, ради Бога... мнѣ стоитъ только сказать одно слово, и они обратятся въ прахъ... Да, моя милая... я не только не боюсь за себя, но ты сама не могла бы отыскать лучшаго себѣ защитника...

Марія.

Развѣ вы меня защитили бы?

Робень.

Клянусь, отъ всей души готовъ!... (въ сторону) Ангелъ или демонъ... а я таки добьюсь кто она...

ЯВЛЕНІЕ XX.

Тѣже, Баронесса. (Въ то время какъ

Марія приближается къ зрителямъ,

Баронесса выходитъ съ испуганнымъ видомъ).

Баронесса (тихо дочери).

Что ты дѣлаешь, Марія!..

Марія.

Все идетъ хорошо, маменька, прекрасно!

Баронесса.

Вотъ портретъ твоего отца... Я только одного боюсь... не видалъ ли меня кто нибудь... Уѣдемъ поскорѣе...

Ла Рапиньеръ (снаружи).

Запереть всѣ двери... и никого не выпускать отсюда!...

Баронесса и Марія.

Боже мой!...

Робень.

Что это значить?... неужели я тому причиною?

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Тѣже, Ла Рапиньеръ, Маркизь, Графъ Серни и всѣ приглашенные.

Н. 17.

Хоръ.

Какъ? здѣсь покража, преступленіе!

Чтобъ обвинять не смѣли насъ,

Мы уничтожимъ подозрѣніе,

Мы снимемъ маски всѣ сейчасъ!

Маркизь.

Вы говорите, что сдѣлалась покража!..

Ла Рапиньеръ.

Точно, Маркизь... какая-то замаскированная женщина вошла въ маленький будуаръ, и увесла съ каминна портретъ, осыпанный брилліантами.

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Тѣже, Графиня.

Графиня.

Правда... портрета нѣтъ, но брилліанты цѣлы... вотъ они.. (Ла Рапиньеръ беретъ брилліантовую оправу, и кладетъ ее въ карманъ).

Серни.

Какая странность... портрета, однако жъ, все таки нѣтъ... разумѣется, никого нельзя въ этомъ винить изъ числа гостей.

Маркизь (показывая на часы).

А если пробрались какимъ нибудь слу-

чаемъ незнакомые люди, то мы сейчасъ увидимъ... Бьетъ полночь... наступила минъ та снять маски. (*Всѣ снимаютъ маски*).

СЕРНИ.

Какія прелестныя женщины!

Маркизь (*Баронессъ и Маріи, которыя не снимаютъ масокъ*).

Милостивыя государыни! чего же вы ждете?

Марія.

Ахъ! маменька!

Баронесса.

Какая неудача!..

СЕРНИ.

Вотъ двѣ упрямщицы.

Ла Рапиньеръ.

Этого нельзя дозволить!.. Условіе сдѣлано для всѣхъ...

Всѣ.

Безъ сомнѣнія... Снимайте ваше маски.

Марія (*въ испугъ*).

Ахъ!.. сударь!..

Робенъ (*ставъ передъ ними*).

Не опасайтесь ничего, сударыни.. вы въ домъ Г-на Маркиза де Лорміаса, который вѣроятно не потерпитъ, чтобъ у него совершилось какое нибудь неприличное происшествіе.

Маркизь.

Я хочу, сударь, узнать, кто причиною случившейся покражи.

Робенъ.

Покражи?.. если я хорошо вслушался, то пропалъ одинъ только портретъ, а брилліанты остались... Такъ это еще не покража... а только признакъ иѣжнаго чувства; это такая тайна, которой благородный человѣкъ не долженъ стараться обнаруживать... особливо публично.

СЕРНИ.

Да вамъ какое дѣло?...

Всѣ.

Разумѣется.

Робенъ (*прерывая Серни*).

Тише, сударь!.. я принялъ этихъ дамъ подъ свою защиту... и увѣряю васъ, что не допущу причинить имъ ни малѣйшей обиды... Онѣ не знали условія, назначеннаго Маркизомъ, и ни за что не будутъ повиноваться такому грубому приказанію!

СЕРНИ.

Посмотримъ!

Робенъ.

Вы сейчасъ увидите.

Маркизь.

Однако жъ..

Робенъ.

Я за нихъ отвѣчаю, Маркизь!..

СЕРНИ.

Хороша порука!.. да вы-то кто та- кой?

Робенъ.

Если вы не знаете... то спросите Г-на Маркиза, Графиню, кавалера, все общество... я демонъ... и черезъ восемь дней буду въ замкѣ Ронкероль... До кого это касается — тотъ пойметъ... (*зоветъ*) Валентинъ! (*Баронессъ и Маріи*) слѣдуйте за нимъ!.. я стану у двери, и клянусь честью, что никто изъ этихъ господъ за вами не послѣдуетъ!..

(*По знаку Робенъ, Баронесса и Марія уходятъ чрезъ кабинетъ на право. Робенъ становится передъ дверьми. Мужчины подходятъ съ угрозами. Дамы отходятъ въ глубину театра*).

СЕРНИ.

Господа, накажемте дерзкаго!

Робенъ.

Какъ, господа... васъ двадцать чело- вѣкъ на одного!.. Пускай... демона не испугаете такими пустяками... Если смѣ- те, подходите!..

(*Вынимаетъ изъ кармана два писто- лета. Дамы вскрикиваютъ съ ужасомъ, мужчины отступаютъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Театръ представляетъ готическую залу въ замкѣ Ронкероль. На второмъ планѣ двѣ боковыя двери; въ глубинѣ, по срединѣ стѣны, большой щитъ съ гербомъ. По сторонамъ его двѣ артургія двери. Столъ и мебель въ старинномъ вкусѣ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Готье (*спитъ въдали*), Марія (*сидитъ возлѣ стола на право*), Баронесса (*прислонясь къ стулу, смотритъ на Готье*).

Баронесса.

Добрый Готье! всегда здѣсь, не отходить отъ насъ! Усталость лишила его однакожь бодрости, и онъ заснулъ.. Не унывай, дочь моя, имѣй терпѣніе.

Марія.

Вотъ ужъ восемь дней, какъ мы воротились изъ Парижа... и до сихъ поръ ни одной вѣсточки.

Баронесса.

А сегодня кончается срокъ мѣсяца, назначеннаго Г-мъ Робеномъ... «Если я не возвращусь черезъ мѣсяцъ,» сказалъ онъ при отъѣздѣ своемъ, «то вы можете прочитать порученныя мною вамъ бумаги...»

Марія.

«Потому что тогда,» прибавилъ онъ, «это будетъ значить, что со мною случилось ужасное несчастье, и что я не въ состояніи болѣе быть вашимъ защитникомъ» Ахъ! маменька, вѣдь я говорила, что мы не должны были оставлять такъ скоро Парижа; намъ слѣдовало узнать какая участь постигла нашего благороднаго защитника... Что съ нимъ случилось на этомъ бадѣ? На него всѣ были такъ озлоблены.

Баронесса.

Я опасалась быть узнанною, а главное, боялась, чтобъ снова у меня не похитили портрета твоего отца... Если черезъ нѣсколько дней Г-нъ Робенъ не возвратит-

ся, мы исполнимъ наше прежнее намѣреніе, и отправимся въ Германію.

Марія.

Уѣхать! уѣхать не выдавшись съ нимъ!

Баронесса.

Завтра, по условію нашему, мы можемъ прочитать знаменитыя *Записки Демона*, которыя, мнѣ кажется, ничто иное, какъ сказка, выдуманная Г-мъ Робеномъ, чтобъ придать фантастическій видъ обязанности, которой, по его словамъ, онъ посвятилъ себя.

Марія.

Маменька! не послышалось ли мнѣ?

Баронесса.

Что такое?

Марія.

Кажется, это голосъ Валентина.

Баронесса.

Онъ самый!

Марія (*съ радостью*).

Безъ сомнѣнія, Г-нъ Робенъ вмѣстѣ съ нимъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Баронесса, Валентинъ, Марія,

Готье (*все спитъ*).

Баронесса.

Тебя ли я вижу, любезный Валентинъ!

Валентинъ.

Да, Баронесса, да, сударыня, разумѣется, вы видите меня... Къ вашимъ услугамъ, барышня.

Марія.

Какъ ты блѣденъ и печаленъ... А Г-нъ Робенъ?

Валентинъ.

Увы!

Баронесса.

Что такое?

Марія.

Неужели ты намъ принесъ печальную новость?... Ты не отвѣчаешь?... Боже мой!..

Баронесса.

Успокойся, дочь моя.

Валентинъ.

Успокойтесь, сударыня... потому, что хотя и несчастіе... я не утверждаю однако жъ... Вотъ въ чемъ дѣло: вамъ извѣстно, какимъ образомъ онъ защитилъ васъ на балѣ Маркиза де Лорміаса, не зная кто вы таковы... Посадивъ васъ въ карету, я возвратился къ Г-ну Робену, не объявивъ, по моему обѣщанію, вашего имени; господинъ мой стоялъ передъ дверью изъ которой вы ушли, смотря на всѣхъ съ грознымъ видомъ.

Баронесса и Марія.

Что жъ далѣе?

Валентинъ.

Балъ прекратился потому, что невозможно было продолжать танцовать послѣ такого происшествія, но передъ уходомъ Г-нъ Робенъ получилъ по крайней мѣрѣ десять вызововъ на поединки.

Марія.

Этого именно мы и боялись!

Валентинъ.

Онъ принялъ всѣ вызовы съ улыбкою, какъ бы ни въ чемъ не бывало; потомъ сказалъ мнѣ: «ты подождешь меня дома; если я не возвращусь, отправься въ замокъ Ронкероль, и скажи Г-жѣ Баронессѣ и ея дочери, что онъ могутъ прочитать *Записки Демона*, которыя я имъ оставилъ... въ нихъ состоитъ вся сила...» Потомъ, пожавъ мнѣ руку, онъ ушелъ, какъ будто-бы на пиръ... Съ тѣхъ поръ я болѣе не видалъ моего добраго и несчастнаго господина.

Марія.

Боже мой!

Баронесса (*подходя къ ней*).

Марія! Марія! я была увѣрена, что она его любитъ...

Н. 18.

Баронесса.

Что съ тобой, моя Марія?

Успокойся, не рыдай!

Что надежды всѣ земныя!

Сердца грустью не терзай!

Марія.

О! прости мнѣ слезы эти —

Ихъ скрывать не въ силахъ я!

И теперь на этомъ свѣтѣ

Нѣтъ надежды для тебя —

Нѣтъ и счастья для меня!

Вмѣстѣ.

Баронесса.

Что съ тобой, моя Марія?

Успокойся, не рыдай!

Что надежды всѣ земныя?

Сердца грустью не терзай.

Марія.

Ахъ! всему конецъ, Марія!

Нѣтъ его! грусти, рыдай!

Гдѣ надежды золотыя?

Вѣрный другъ! навѣкъ прощай!

(*Во время хора, Готье просыпается; Валентинъ провозжааетъ дамъ; оборачивается и видитъ передъ собою Готье*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Готье, Валентинъ.

Валентинъ.

Ахъ! Боже мой!.. Ну, какъ же я глупъ! это Готье... всегда тутъ... какъ цѣпная собака замка.. Здоровъ ли ты, Готье?

Готье (*съ добродушіемъ*).

Да.

Валентинъ.

Другой бы сказалъ: а вы какъ можете?.. но вѣдь!.. ты узналъ меня, видишь, что я свой...

Готье (*также*).

Да.

Валентинъ.

И что, слѣдовательно, тебѣ нечего здѣсь дѣлать.

Готье (всматриваясь въ него).

Нѣтъ. (Валентинъ провожаетъ его до лѣвой двери, Г-жа Жиро входитъ въ правую).

ЯВЛЕНИЕ IV.

Валентинъ, Г-жа Жиро.

Г-жа Жиро (съ шкатулкою въ рукахъ).

Большая готическая комната, должно быть здѣсь.

Валентинъ.

Что такое вы принесли, Г-жа Жиро?

Г-жа Жиро.

Шкатулку, которую сторожъ Губертъ, вашъ преемникъ, но еще трусливѣе васъ, просилъ меня поставить на этотъ столъ.

Валентинъ.

А что такое въ этой шкатулкѣ?

Г-жа Жиро.

Въ ней ключи и таинственный колокольчикъ. Старикъ Губертъ, отдавая мнѣ ее, былъ блѣденъ какъ смерть.

Валентинъ.

Экой трусишка!

Г-жа Жиро.

Не смотря на ваше таинственное повѣрье, о которомъ вы намъ безпрестанно толковали, демонъ Ронкерольскій не хочетъ имѣть дѣла съ такими ничтожными людьми, какъ мы съ вами... Онъ является только по призыву одного владѣльца замка.

Валентинъ.

По первому звонку... какъ слѣдуетъ въ хорошемъ домѣ... динь!.. динь! и онъ является... При одной только мысли морозъ подираетъ по кожѣ.

Г-жа Жиро.

Послушайте, Г. Валентинъ, могу ли я быть съ вами откровенною?

Валентинъ (съ ужасомъ осматривается).

Пожалуй, милая Г-жа Жиро, будьте со мною откровенны, но только говорите, ради Бога, какъ можно громче.

Г-жа Жиро.

Я сама начинаю думать, что вы правы.

Валентинъ.

Я тоже.

Г-жа Жиро.

Тутъ, впрямь, есть что нибудь сверхъестественное... Въ прошлую ночь, должно быть, случилось кой-что ужасное въ замкѣ, потому что сторожъ Губертъ былъ сегодня совершенно разстроенъ.

Валентинъ (тихо).

Ему что нибудь вѣрно привидѣлось.

Г-жа Жиро.

Отъ него станется.

Валентинъ.

И можетъ быть, въ этой самой комнатѣ?

Г-жа Жиро.

Г-мъ!... въ этой комнатѣ?... вы думаете?...

Н. 19.

Жиро.

Я боюсь!

Валентинъ.

Я боюсь!

Вмѣстѣ.

Признаюсь!

Что-то страхъ

Вдругъ беретъ!

И впередъ

Сдѣлать шагъ

Я боюсь —

Признаюсь!

Валентинъ.

Ахъ! что-то здѣсь случится!

Жиро.

И кто насъ защититъ?

Валентинъ.

Да какъ она боится?

Жиро.

Да какъ же онъ дрожитъ!

Вмѣстѣ.

Я боюсь!

Признаюсь!

Что-то страхъ

Вдругъ беретъ!

И впередъ

Сдѣлать шагъ —

Я боюсь!

Валентинъ (прислушиваясь).

Кажется, барыня зоветъ меня.

Г-жа Жиро.

А можетъ статья меня.

Валентинъ.

Что тамъ за шумъ?

Г-жа Жиро.

Пойдемте же, вѣдь насъ зовутъ... пойдете же поскорѣй!

(Уходятъ съ поспѣшностію, показывающею страхъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Ла Раппиьеръ, Готье.

(Кавалеръ входитъ въ маленькую дверь на лѣво.)

Ла Раппиьеръ.

Что значить?.. всѣ скрываются!— Ужъ не сочли ли меня за домового... хорошъ домовый... еще съ пустымъ желудкомъ. (Увидя Готье, который вошелъ емъ съ нимъ) Ты еще здѣсь?

Готье.

Да.

Ла Раппиьеръ.

Пошелъ вонъ!

Готье (съ недоверчивостію).

Да.

(Уходитъ въ дверь на правой сторонѣ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Ла Раппиьеръ (одинъ).

Пѣсносная фигура!.... такъ вездѣ и преслѣдуетъ... Здѣсь все таинственно... Къ счастью, Серни оказалъ намъ всѣмъ большую службу, отправивъ этого воплощеннаго демона на тотъ свѣтъ... Сатана возвратился во свояси, и навѣрняка уже болѣе не появится... но послѣ него остались записки... Экая дурацкая выдумка!.. Всѣ хотятъ издавать записки... Эти-то демонскія записки и заставили меня отправиться въ дорогу, безъ вѣдома моихъ благородныхъ родственниковъ, оставшихся

въ Тарбѣ, куда мы собрались для раздела наследства. Такъ какъ я здѣсь одинъ, то отыщу непременно средство потребить слѣды этой непріятной сказки... Кто-то идетъ... спрячемся.

(Прячется за боковой лѣвой дверью).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Ла Раппиьеръ за дверью, Графиня, Готье.

Графиня. (Готье, входитъ справа).

Здѣсь ли привратникъ замка назначилъ мнѣ дожидаться Баронессу, которую пошли уведомить о моемъ пріѣздѣ.

Готье.

Да.

Графиня.

Вотъ тебѣ за труды.

Готье (съ пристыженными видомъ).

Нѣтъ.

(Уходитъ въ правую дверь).

Графиня.

Этотъ проводникъ или глупъ или скрывать... Пдуть... не покажемся вдругъ; поглядимъ, что дѣлается.

Но 20.

Графиня.

Я пріѣхать согласилась,

Чтобы выслушать его —

Лишь бы тайна сохранилась

Посещенья моего.

(Прячется въ боковой кабинетъ на лѣво).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Ла Раппиьеръ, Графиня не показываются, Маркизь, Готье возвратился и идетъ на встрѣчу Маркизу, который показывается въ глубинѣ у лѣвой двери.

Маркизь.

Послушай, голубчикъ, правда ли, что минная Баронесса де Ронкероль еще не уѣзжала въ Германію, а здѣсь въ замкѣ?

Готье (смотря на него с большим вниманіемъ).

Да.

Маркизь.

Ну, так поди и скажи ей, что одинъ незнакомецъ хочетъ съ нею видѣться. (Готье смотритъ на него, качаетъ головою и уходитъ.) Она здѣсь... вѣроятно демонъ, бывшій на балѣ, увѣдомилъ ее, что мы сюда будемъ.

(Маркизь въ глубинѣ театра, за боковыми дверями.)

Вмѣстѣ.

Ла Рапиньеръ (отворяя дверь съ левой стороны) и Маркизь.

Я прѣхать согласился,

Чтобы послушать его —

Только скрыть бы онъ рѣшился

Цѣль пріѣзда моего.

Графиня (отворяя правую дверь).

Я прѣхать согласилась,

Чтобы послушать его —

Лишь бы тайна сохранилась

Посѣщенія моего.

Ла Рапиньеръ (въ сторону).

Ничего не слышать.

Графиня.

Пустая тревога.

(Ла Рапиньеръ и Графиня выходятъ на сцену, въ то же время какъ приближается Маркизь; всѣ сходятся.)

Графиня.

Ла Рапиньеръ, Маркизь!

Маркизь.

Графиня, кавалеръ.

Ла Рапиньеръ.

Маркизь, Графиня! вотъ встрѣча!...

Графиня.

Странная!

Маркизь.

Неожиданная!

Ла Рапиньеръ.

Какъ вы здѣсь очутились, не сказавъ никому ни слова?

Графиня (Маркизу).

А вы?

Маркизь (кавалеру).

А вы?

Ла Рапиньеръ.

Слѣдовало, разумѣется, быть введену во владѣніе.

Графиня.

Право? нѣтъ ли другой причины?

Ла Рапиньеръ.

Но....

Графиня.

Полноте.... говорите откровенно; сознайтесь, что мы всѣ трое прѣехали сюда для одной цѣли.... по приглашенію молодого человѣка, бывшаго на балѣ.... ну, однимъ словомъ, демона....

Ла Рапиньеръ.

Справедливо; по, какъ онъ умеръ...

Графиня.

Онъ-то умеръ, но остались еще слѣды нѣкоторыхъ тайнъ....

Маркизь.

Къ несчастію!

Ла Рапиньеръ.

Къ несчастію!

Графиня (кавалеру).

Видно вы очень боятесь этихъ записокъ?

Ла Рапиньеръ (Маркизу).

А вы?

Маркизь (Графинѣ).

А вы?

Ла Рапиньеръ.

Опасны ли онѣ намъ или нѣтъ, а надобно, во что бы то ни стало, ихъ уничтожить.

Графиня.

Но у кого же онѣ теперь въ рукахъ?

Маркизь.

Безъ сомнѣнія, у Баронессы.

Ла Рапиньеръ.

Знаете ли вы, что она снова поселилась въ замкъ?

Графиня.

Знаю.... и я велѣла предвѣрить ее, что одна незнакомка хочетъ съ нею видѣться....

Ла Раппиньеръ.

Вы слишкомъ поторопились.... она сейчасъ придетъ, что дѣлать?

Графиня.

Надобно ее дожидаться, и заключить съ нею условія, выгодныя для обоихъ сторонъ.

Маркизь.

Да.... только положить первымъ условіемъ, чтобъ она уничтожила записки, не читая ихъ.

Графиня.

Я того же мнѣнія.

Ла Раппиньеръ.

Разумѣется... Кто-то идетъ... Безъ сомнѣнія, Баронесса... чуръ не выдавать другъ друга.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Маркизь, Баронесса, Ла Раппиньеръ,

Графиня.

Баронесса.

О небо!...

Ла Раппиньеръ.

Извините, сударыня, что мы васъ потревожили.

Баронесса (въ сторону).

Неужели они пріѣхали въ слѣдствіе угрозъ Г. Робена?

Ла Раппиньеръ.

Надѣюсь быть счастливѣе на сей разъ, сударыня, нежели при послѣдней нашей встрѣчѣ на фермѣ Г-жи Жиро... мы никакъ не могли сойтись... Если мнѣ помнится, вы требовали возвращенія какого-то портрета?

Баронесса.

Да, сударь.

Ла Раппиньеръ.

Теперь намъ совершенно невозможно исполнить вашего желанія.

Маркизь.

Не изъ каприза... а потому что онъ даже болѣе не въ нашихъ рукахъ.

Ла Раппиньеръ.

Случай.... покража...

(Баронесса вздрагиваетъ).

Графиня.

Ахъ! повѣрьте, сударыня....

Баронесса.

Я очень вѣрю, что портрета у васъ болѣе нѣтъ.

Ла Раппиньеръ.

Это приключеніе кончилось, впрочемъ, весьма счастливо.... по крайней мѣрѣ для насъ.... открывъ намъ глаза на счетъ одного пролаза, по имени Робена.

Баронесса.

Я совершенно другого мнѣнія, сударь, объ этомъ молодомъ человѣкѣ.

Маркизь (съ живостію).

Такъ вы его знали?

Баронесса.

Я его видала.

Ла Раппиньеръ (въ сторону Графини).

Записки должны быть у нее....

Маркизь.

Не правда ли? этотъ Г. Робенъ былъ стряпчій?...

Ла Раппиньеръ.

Общавшій вамъ вѣроятно возвращеніе состоянія, котораго вы лишились по рѣшительному приговору суда.... и вы сдѣлались жертвою его обмана....

Но 21.

Ла Раппиньеръ.

Всѣ адвокаты этихъ знаютъ —

И это мнѣ не мое!

Чужое дѣло теряютъ,

За то обдѣляютъ свое.

Такъ домъ иной и много стоитъ,

Трудится архитекторъ въ немъ —

А тамъ, глядяны, себѣ построитъ

Онъ изъ остатковъ славный домъ!

Баронесса.

Впрочемъ, мы избавились этого Г. Робена.... онъ умеръ.

Баронесса.

Умеръ!

Маркизь.

Убить на поединкѣ!...

Графиня (Баронесса, которая как будто ее спрашивает).

Къ несчастію, это справедливо!...

(Баронесса въ отчаяніи.)

Ла Рапиньеръ.

Знаете ли вы, чѣмъ занимался этотъ молодой промышленникъ?... Онъ сочинилъ на насъ какой-то мерзкій пасквиль...

Баронесса (съ презрѣніемъ).

Пасквиль!...

Ла Рапиньеръ (въ сторону).

Онъ хранится у нее.

Графиня (тоже).

Я боюсь того же!...

Маркизь.

Есть пролазы.... особенно въ Парижѣ.... слѣдшіе за общей молвой, за низкой клеветой, которую они потомъ распространяютъ, увеличиваютъ, перетолковываютъ въ разныя стороны.... и грозятъ обрушить ее на головы людей, подобно карающему мечу, устрашаютъ ихъ, заставляютъ согласиться на ихъ желанія, и производить всеобщій соблазнъ.

Баронесса (устремивъ на нихъ глаза).

Кого ни въ чемъ не упрекаетъ совѣсть, тому нечего бояться.

Маркизь.

Вотъ причина, почему мы и не обращали на это вниманія, покуда Г. Робенъ былъ живъ.

Ла Рапиньеръ (въ сторону).

Рѣшительно онъ у нее.

Маркизь.

Но теперь мы хотимъ поступить съ вами совсѣмъ иначе.

Ла Рапиньеръ.

Потому что никто уже не можетъ пугать насъ этими баснословными записками.

Баронесса.

Онъ у меня, сударь!

Всѣ.

Ахъ!

Баронесса.

Сохраняя свято данное мною обѣщаніе Г. Робену, я ихъ еще не читала...

Ла Рапиньеръ.

И, разумеется, истребите ихъ?

Баронесса.

Смерть этого молодаго человѣка, налагасть на меня другую обязанность.... я хочу узнать, не заключаютъ ли въ себѣ эти записки....

Ла Рапиньеръ.

Чего?... какого нибудь документа.... Да тогда Г. Робенъ давно представилъ бы его прямо въ судъ.

Баронесса (въ сторону).

Правда!

Маркизь.

Повѣрьте, сударыня, что мнимыя эти записки заключаютъ въ себѣ оружіе, недостойное васъ.

Графиня.

Которое можетъ причинить намъ вредъ.. не принесъ вамъ ни какой пользы....

Маркизь.

Согласитесь же истребить ихъ...

Ла Рапиньеръ.

Не требуемъ, чтобы вы сдѣлали это даромъ... и предлагаемъ вамъ въ замѣнъ...

Баронесса (съ пренебреженіемъ).

Какое нибудь вознагражденіе?

Ла Рапиньеръ.

Что нибудь получше...

Баронесса.

Что же такое, напримѣръ?

Ла Рапиньеръ.

Позволяемъ вамъ сохранить фамлію де Ронкероль.

Баронесса (съ радостію).

Дочь моя будетъ носить названіе своего отца?

Ла Рапиньеръ.

Надѣюсь, это славная цѣна за ничтожныя бумаги...

Баронесса.

Конечно, конечно... и если эти записки точно не заключаютъ въ себѣ ни какого положительнаго документа въ мою пользу.

Маркизъ.

Такъ вы непременно хотите прочитать ихъ?

Баронесса.

Будьте спокойны.... я ихъ просмотрю одна.

Ла Рапиньеръ.

Для чего же?...

Баронесса.

Я такъ хоту.

Ла Рапиньеръ.

Пусть будетъ по вашему... и мы узнаемъ вашъ рѣшительный отвѣтъ...

Баронесса.

У меня, черезъ часъ.

Ла Рапиньеръ.

И такъ, дѣло рѣшено.

ЯВЛЕНІЕ X.

Ла Рапиньеръ, Графиня, Маркизъ.

Ла Рапиньеръ (съ громкимъ смѣхомъ).

Я былъ увѣренъ, что она сдастся за дешевую цѣну.

Графиня.

Бѣдная Баронесса!....

Маркизъ.

Что васъ такъ трогаетъ, Графиня; напротивъ, мы должны радоваться.

Графиня.

Но вѣдь Баронесса прочтетъ эти записки, и узнаетъ изъ нихъ...

Ла Рапиньеръ.

Чтожъ такое! Она уѣдетъ въ Германію съ пышнымъ титуломъ, которымъ она такъ довольна!

Маркизъ (весело).

И тогда мы получимъ миръ и наследство; этотъ готическій замокъ, полный самыми странными воспоминаніями... Вотъ, напротивъ, именно тотъ таинственный

колокольчикъ, по волшебному звуку котораго, если вѣрить смѣшному преданію... появится духъ замка Ронкероля...

(Вынимаетъ изъ ящика колокольчикъ).

Ла Рапиньеръ и Графиня (со смѣхомъ).

Ха! ха! ха!

(Маркизъ звонитъ, Робенъ входитъ въ маленькую дверь, на лѣвой сторонѣ).

Всѣ (въ изумленіи).

Боже мой!

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же, Робенъ.

№ 22.

Робенъ (на порогѣ).

Вотъ и я!

Вотъ и я!

Звалъ чорта, вы, друзья!

Я припряталъ лишь рога!

Вашъ слуга!

Вашъ слуга!

Я на вашъ явился звонокъ!

Всѣ.

Это онъ!

Это онъ!!

Маркизъ (падая въ кресла).

Опять онъ! Я пропалъ.

Робенъ.

Видите, господа, я не заставляю себя ждать.

Графиня (улыбаясь).

Рѣшительно, тутъ есть что-то адское.

Ла Рапиньеръ (въ глубинѣ театра, пораженный страхомъ).

Развѣ вы, сударь, не умерли?

Робенъ.

Какъ видите!

Ла Рапиньеръ.

Однако, вѣдь Серни васъ убилъ же!

Робенъ.

Какъ убилъ! Вы, видно, забыли кто я... развѣ можно убить демона!

Графиня.

Ах! сударь, кто бы вы таковы ни были, и что бы вам ни было известно, я въ восхищеніи, удостовѣрясь, что этотъ поединнокъ не имѣлъ несчастныхъ послѣдствій.

Робенъ.

Вѣрю словамъ вашимъ, сударыня. Что же касается до вашихъ почтенныхъ родственниковъ, они люди твердые, и слухъ о моей смерти придалъ имъ бодрости. Не правда ли, любезный кавалеръ? не правда ли храбрый Маркизь? *(треплетъ ихъ по плечу)*.

Ла Рапиньеръ.

Ах! можете ли вы предполагать, юный другъ мой!... Но такъ какъ вамъ все известно... сверхъестественное существо... то вы должны также знать, что мы пріѣхали сюда съ разными намѣреніями...

Робенъ *(приближаясь къ сценѣ)*.

Жалкими!

Ла Рапиньеръ.

Помилуйте!... мы хотѣли предложить честную сдѣлку.

Робенъ.

Какъ бы не такъ! честную сдѣлку?... Нѣтъ, господа, что за сдѣлка... Вы выкупите записки демона цѣною уступки всего наслѣдства, если же не согласны, то, повѣрьте, я найду не одного издателя, который за нихъ заплатитъ очень дорого... Рѣшайтесь, господа, не цѣните слишкомъ дешево вашей чести!

Маркизь.

Правда, надо кончить. Гдѣ эти записки?

Робенъ.

Здѣсь, теперь ступайте.... Даю вамъ цѣлый часъ срока для приготовленія законнаго свидѣтельства, по которому вы признаете всѣ права Баронессы.

Ла Рапиньеръ *(тихо Маркизу)*.

Пойдемте къ ней вмѣстѣ.... Она не

знаетъ о его возвращеніи.... Еще не все потеряно!

N. 23.

Вмѣстѣ:

Ла Рапиньеръ, Маркизь.

Къ Баронессѣ всѣ скорѣе
Мы отправимся сейчасъ!
Можетъ быть, поладимъ съ нею
И она избавитъ насъ!

Графиня.

Къ Баронессѣ мы скорѣе
Всѣ отправимся сейчасъ —
И она объ насъ жалѣя,
Отъ бѣды избавитъ насъ.

Робенъ.

Къ Баронессѣ вы скорѣе
Отправляйтесь сейчасъ!
Баронесса не жалѣя
Не спасетъ отъ чорта васъ!

ЯВЛЕНІЕ XII.

Робенъ *(одинъ)*.

Эге! ну, хороша же была бы штука, если бъ Графъ Серни дѣйствительно меня убилъ... Они не теряли времени, и одни съ Баронессой... По счастью я здѣсь, и уже велѣлъ предувѣдомить Марію... Хочу сперва видѣться съ нею... *(Марія входитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Марія, Робенъ.

N. 24.

Вмѣстѣ:

Марія.

Вы возвратились! какъ я рада!
Я васъ ждала съ слезахъ, съ тоской
Но вновь надежду и отраду
Вы намъ приносите съ собой.

Робенъ.

Я возвратился. Какъ? вы рады?
И ждали вы меня съ тоской?
Да, вамъ надежду и отраду
И счастье я принесъ съ собой!

Робенъ.

Не ужели вы могли когда нибудь сомнѣваться въ моемъ возвращеніи...

МАРІЯ.

Подумайте же... ваша ссора, поединки... всё опасности, которым вы подвергались... за матушку и за меня...

РОБЕНЬ.

Что въ томъ... я такъ счастливо отдался незначительною раной...

МАРІЯ.

Вы были ранены?

РОБЕНЬ.

Не стоить и говорить объ этомъ... Г. Серни, который, по обыкновенію, былъ пьянъ, счелъ меня убитымъ... Меня перенесли въ больницу, и черезъ три дня я уже могъ отправиться въ дорогу... Теперь наступила минута окончательнаго разрѣшенія великой загадки...

МАРІЯ.

Такъ вы во всемъ успѣли?

РОБЕНЬ.

Сверхъ моихъ ожиданій!

МАРІЯ (съ притворною радостію).

Я никогда не сомнѣвалась въ этомъ... и вы пришли требовать обѣщанной награды...

РОБЕНЬ.

Ахъ! Марія! (беретъ у нее руку).

МАРІЯ.

Можетъ быть, вы переѣхали ваше имѣніе... Вы вѣдь страхъ, какъ измѣнчивы.

РОБЕНЬ.

Я?

МАРІЯ.

Въ Парижѣ много соблазна! балъ Маркиза де Лорміаса наполненъ былъ множествомъ прелестныхъ женщинъ, съ которыми вы много любезничали!...

РОБЕНЬ.

Отъ кого бы вы могли узнать?...

МАРІЯ.

Отъ Валентина... А вашъ разговоръ съ замаскированной дамой въ продолженіе цѣлаго часа?

РОБЕНЬ.

Какъ!

МАРІЯ.

Я все узнала отъ Валентина!... О! не одному вамъ только извѣстны важныя тайны.

Н. 25.

МАРІЯ.

Припомните: на этомъ пышномъ балѣ Вы встрѣялись съ ней забыли тотчасъ все, И говоря съ ней долго, называли То ангеломъ, то демономъ ее!

Она—непра да, это странно.

Просила насъ меня любить!

Ахъ! будьте вѣрны, постоянны,

И вы могли ее забыть?....

РОБЕНЬ.

Неужели подозрѣніе мое сбылось.... (беретъ у нея руку) Откуда у васъ это кольцо...

МАРІЯ.

Оно подарено мнѣ весьма любезнымъ кавалеромъ!

РОБЕНЬ (все еще сомнѣваясь).

Вы ли это точно были, Марія?...

МАРІЯ.

Вы видите, что можно быть такимъ демономъ, какъ и вы, и находиться въ одно время въ Парижѣ и въ Рокеролѣ.

РОБЕНЬ.

Всѣ сомнѣнія теперь исчезли.... такъ точно, эти двѣ дамы, которыхъ я принялъ подъ свою защиту...

МАРІЯ.

Были маменька и я.

РОБЕНЬ.

Теперь мнѣ все ясно... пропажа портрета! откуда только вы узнали все, касающееся до моей жизни?

МАРІЯ.

Изъ Записокъ Демона.

РОБЕНЬ (съ упрекомъ).

Такъ вы ихъ читали?

МАРІЯ.

Только двѣ маленькія странички... случайно... перевертывая рукопись, я замѣтила, что два листа худо прикрѣплены... они выдвинулись... я прочтала на нихъ

ваше имя... да, это была послѣдняя глава, подѣ названіемъ: *Робенъ*. О! признаюсь вамъ, что изъ любопытства... Согласитесь! что это немножко касалось меня... я вынула листы, прочитала ихъ, вотъ они.

(Отдаетъ ихъ ему).

РОБЕНЪ.

Теперь мнѣ ясно все, что вы мнѣ говорили подѣ маской... Старый бездѣльникъ, демонъ, не забывалъ никого въ своихъ запискахъ.

МАРІЯ.

Не сердитесь ли вы за мою нескромность?...

РОБЕНЪ.

Мнѣ на васъ сердиться! За что, что вы берете во мнѣ участіе!

МАРІЯ.

Какъ обрадуется мамеңка!

РОБЕНЪ.

Ступайте къ ней; вѣроятно теперь ваши родственники унижаются передъ нею.

МАРІЯ (въ ужасѣ).

Какъ? они здѣсь!

РОБЕНЪ.

Не безпокойтесь, кротость и послушаніе замѣнили въ нихъ прежнюю дерзость и гордость... звонъ этого колокольчика былъ достаточенъ, чтобы усмирить ихъ.

МАРІЯ.

У васъ ничего не поймешь, Г. Робенъ... Если такъ, то этотъ колокольчикъ заключаетъ въ себѣ видно большую силу?

РОБЕНЪ.

Весьма большую, потому что въ вашихъ рукахъ онъ можетъ составить мое благополучіе!

МАРІЯ.

Что вы хотите этимъ сказать?

РОБЕНЪ.

Выслушайте, Марія.

Н. 26.

РОБЕНЪ.

Сознайтесь! вамъ не легко признаться!

Но если вы полюбите меня,

И если мнѣ судьба пошлетъ дожждаться

Счастливаго и радостнаго дня,

Когда меня любовью захотите

Вы наградить, и руку мнѣ отдать.

Не тратьте словъ, а только зазвоните—

И будетъ мужъ у вашихъ ногъ лежать!!

МАРІЯ.

О! что бы ни случилось, я не забуду условленнаго знака!

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ XIV.

РОБЕНЪ (одинъ).

Чудесно! Достигаю предѣла моихъ желаній... просмотримъ-ка эти двѣ страницы, чтобы удостовѣриться не повредилъ ли мнѣ старый демонъ въ мѣтвѣ Маріи своимъ описаніемъ. (Читаетъ.) «Тщательно перебравъ всѣхъ, меня окружающихъ, отдаю преимущество Робену: онъ уменъ,» — это не можетъ повредить мнѣ — «смѣлъ, трудолюбивъ... не игрокъ и не мотъ... онъ проложитъ себѣ прямую дорогу,» — прекрасно, какъ будто нарочно писано для невесты — «я знаю за нимъ только одинъ недостатокъ» — ай, ай, ай — «простительный впрочемъ въ молодости. Юлія заставила его позабыть Сусанну; Гортензія Элзу... женится — перемѣнится.» — Вотъ объясненіе намековъ Маріи. — «Если мнѣ нельзя будетъ самому видѣться съ Баронессой де Ронкероль, которая меня не знаетъ, я употреблю Робена на это доходное дѣло» — очень благодаренъ; старый демонъ хотѣлъ ограбить семейство Ронкероль, и меня сдѣлать орудіемъ своего мошенничества! — «Робенъ увидится съ камешникомъ Готье» — да! да! съ дурачкомъ — «и скажетъ ему три кабалистическія слова, условленные между нимъ и генераломъ!» Кабалистическія слова? да я ихъ не знаю... Демонъ умеръ, не открывъ тайны... и даже не написавъ этихъ словъ... Нѣтъ нужды! однимъ только страхомъ этихъ записокъ можно вразумить наслѣдниковъ.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Робень, Марія и Баронесса *вбѣгаютъ*; Баронесса, пораженная горестію, не можетъ держаться на ногахъ, войдя должна съестъ; позади ихъ Г-жа Жиро.

Баронесса (*въ отчаяніи*).

Сгорѣли!... сгорѣли!...

Робень.

Какъ! сударыня, бумаги, которыя я вамъ поручилъ!...

Баронесса.

Я только что начала читать ихъ, какъ вдругъ Ла-Раншьеръ подкрался, и...

Робень.

Боже мой!

Марія.

Памя изстребило все.

Робень.

Бездѣльничъ!

(Баронесса сидитъ, погруженная въ со-
вершенное уныніе.)

Г-жа Жиро.

Не унывайте такъ скоро, добрая ба-
рыня!

Марія.

Увы! теперь намъ остается, маменька,
только ухать.

Робень (*разсматривая
листки*).

Ухать! погодите, у меня остается еще
последняя надежда. Г-жа Жиро....

(Говоритъ ей на ухо.)

Г-жа Жиро.

Вонъ онъ тамъ.... шатается около замка.

Робень.

Сходите за нимъ!

Г-жа Жиро.

Сию минуту, Г. Робень.

(Уходитъ.)

Марія (*тихо Баро-
нессѣ*).

Что онъ такое хочетъ дѣлать?

Робень.

Ваша нескромность, прелестная Марія,

о которой вы сейчасъ сожалѣли, была
можетъ быть, внушена вамъ небомъ!

Баронесса (*вставая*).

Какъ?

Робень (*про себя, раз-
сматривая ли-
стки*).

Да, ясно; существуетъ тайна, которая
извѣстна только этому человѣку.... Сдѣ-
лайте одолженіе, сударыня.... скажите
мнѣ.... судя по моимъ справкамъ, супругъ
вашъ оставилъ Германію тому четыре го-
да назадъ?

Баронесса.

Онъ провѣлъ цѣлый день въ этомъ зам-
кѣ, потомъ отправился въ Парижъ.

Марія.

Мы должны были ѣхать туда же
вслѣдъ за нимъ; но увы!... когда мы при-
ѣхали....

Робень.

Знаю... скоропостижная смерть лишила
его возможности сдѣлать какое-либо рас-
поряженіе.... даже написать вамъ.... по
кратковременное его пребываніе въ этомъ
замкѣ имѣло цѣль, слѣды которой я на-
хожу здѣсь.... Какого рода эта тайна,
знаетъ только одинъ человѣкъ, бывший
повѣреннымъ Барона, и этотъ человѣкъ
(показывая на входящую Готье) вотъ
онъ!...

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Робень, Баронесса, Марія, Готье.

Марія.

Дурачокъ!

Робень.

Дурачокъ!... Ваша честь, имя, состоя-
ніе въ его рукахъ, все зависитъ отъ од-
ного его слова.... не правда ли, что по-
чти нѣтъ ни какой надежды?... Однако по-
пробуемъ.... (Готье.) Я велѣлъ позвать
тебя, мой милый.... знаешь ли ты меня?

Готье.

Нѣтъ.

РОБЕНЬ.

Имя мое Робень, я здѣшній домашній, стряпчій и повѣренный Г-жи Баронессы. (Баронесса дѣлаетъ утвердительный знакъ головою.) Вѣдь ты Жанъ Готье, каменщикъ?

ГОТЬЕ.

Да.

РОБЕНЬ.

Ты добрый малый?

ГОТЬЕ.

Да.

РОБЕНЬ.

У тебя большое семейство?

ГОТЬЕ.

Да.

РОБЕНЬ.

Ты содержишь его своими трудами?

ГОТЬЕ.

Да.

РОБЕНЬ.

Ты не забылъ твоего прежняго господина, Барона де Ронкероля?

ГОТЬЕ (съ чувствомъ).

Нѣтъ.

РОБЕНЬ.

Ты знавалъ его ребенкомъ, до его отъѣзда въ армию, и былъ всегда ему преданъ!

ГОТЬЕ.

Да.

РОБЕНЬ.

Ты потомъ снова увидѣлся съ нимъ, четыре года назадъ, когда онъ ночевалъ въ замкѣ?

ГОТЬЕ.

Да.

РОБЕНЬ.

Онъ повѣрилъ тебѣ большую тайну?

ГОТЬЕ (смотря на него).

Да.

РОБЕНЬ.

Кажется, онъ отдалъ подь твоё сохраненіе деньги?... бумаги?... (въ сторону наблюдая Готье, который недвижимо.) Отъ него ничего не добьешься. (Громко.)

Ну, однимъ словомъ, какое нибудь сокровище?

ГОТЬЕ.

Нѣтъ.

РОБЕНЬ.

Кому нибудь свести?

ГОТЬЕ.

Нѣтъ.

РОБЕНЬ (въ сторону).

Онъ каменщикъ... (громко) Спрятать?

ГОТЬЕ (съ живостию).

Да.

РОБЕНЬ.

Заложить въ стѣну?

ГОТЬЕ.

Да.

РОБЕНЬ.

Въ погребъ?

ГОТЬЕ (опуская глаза въ землю).

Нѣтъ.

РОБЕНЬ.

Въ шкафъ?

ГОТЬЕ.

Нѣтъ.

РОБЕНЬ (съ безпокойствомъ).

Послушай же... Генералъ сказалъ тебѣ: Готье, бери инструменты: ты взялъ молотокъ, известку, и онъ повелѣлъ тебѣ... въ какую нибудь часть замка... вотъ это я и забылъ... припомни-ка мнѣ, а...

ГОТЬЕ.

Нѣтъ.

РОБЕНЬ (съ нетерпимостию).

Я знаю, что Генералъ показавъ тебѣ открыть эту тайну только тому, кто тебѣ скажетъ три слова, въ которыхъ вы условились между собою.

ГОТЬЕ (съ большими изумленіемъ).

Да.

РОБЕНЬ.

Мнѣ были известны эти три слова... но я ихъ забылъ... Генералъ сказалъ мнѣ

ихъ, чтобъ повторить тебѣ.... но вѣдь онъ уже умеръ?

Да.

Готье (съ горестію).

Робенъ.

Все, что ему принадлежало, не должно ли достаться послѣ него вдовѣ и дочери?

Готье.

Да.

Робенъ.

Слѣдовательно, и спрятанное сокровище.... Не обязанъ ли ты по этому открыть имъ гдѣ оно?... Посмотри, онъ спрашиваютъ тебя о немъ, умоляютъ тебя.

Баронесса и Марія.

Да, Готье, да.

Готье (посмотрѣвъ на нихъ).

Нѣтъ.

(Отворачивается и плачетъ).

Робенъ.

Ужасное дѣло — честность безъ разсудка! (Удалется безъ всякой надежды; вдругъ въ бодростію начинаетъ разговаривать.) Такъ неужели потому только, что никто не можетъ сказать тебѣ этихъ трехъ словъ, кладъ останется вѣчно сокрытымъ. (Готье дѣлаетъ утвердительный знакъ.) И ты заставишь добрыхъ господъ твоихъ ухажать, въ бѣдности, печали и униженіи, когда однимъ словомъ могъ бы возвратить имъ честь, званіе и состояніе.

Готье (со слезами).

Да.

Робенъ.

Знаешь ли ты, что такой странный поступокъ съ твоей стороны даетъ поводъ къ подозрѣнію! Можетъ быть, ты для того не хочешь показать мѣста, гдѣ сокрыто сокровище, чтобъ имъ воспользоваться самому! Ты, можетъ статься, похитилъ его?...

Готье (съ гордостію).

Нѣтъ.

Робенъ.

О! ты напрасно запраешься!... мы будемъ жаловаться, и Королевскій Прокуроръ по неволѣ заставитъ тебя говорить.

Готье.

Нѣтъ.

Робенъ.

Ничто не трогаетъ.

Готье.

Нѣтъ.

(Уходитъ въ отчаяніи).

Робенъ.

Всѣ средства истощены... (Баронессъ.) Теперь, сударыня... можно сказать, что все потеряно безвозвратно.

(Садится на стулъ, въ уныніи, на лѣво).

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣ же, Графиня.

Графиня.

Баронесса, Г. Робенъ! прошу васъ не считать меня участницею въ гнусной измѣнѣ, которой вы сдѣлались жертвою... Вотъ мое отреченіе отъ доставшейся мнѣ по законамъ части наслѣдства.

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Тѣ же, Ла Рапиньеръ и Маркизъ.

Ла Рапиньеръ (входя).

Мы здѣсь!... мы здѣсь!... Пора уже кончить.

Маркизъ.

Родственники того, кого вы называли вашимъ супругомъ, сударыня, не хотѣли заставить васъ нуждаться, и вотъ подписанное обязательство, по которому вамъ предоставлено шестьсотъ ливровъ ежегоднаго дохода.

Баронесса (подходя къ Маркизу).

Я отказываюсь, сударь, отъ вашего дара, основаннаго на жалости. Правосудіе могло разорить меня.... но никто

не будетъ имѣть права и возможности удивлять Баронессу де Ронкероль.

Ла Рапиньеръ.

Да вы никогда ея и не бывали.

Робенъ.

Презрѣнный!... ты убѣжденъ въ противномъ....

Ла Рапиньеръ.

Что такое? (оборачивается) А! а! вы опять здѣсь, Г. Робенъ?...

Робенъ.

Мое присутствіе беспокоитъ васъ, кавалеры!...

Ла Рапиньеръ.

Меня!... ни чуть!... какое мнѣ до васъ дѣло?... я удивляюсь только, что вы до сихъ поръ все еще важничаете, когда вамъ это теперь вовсе не къ лицу.... Ха! ха! ха! мой милый, обстоятельства нѣсколько измѣнились, и знаменитыя Записки Демона возвратились во свояси.... А право жаль: вамъ нельзя уже будетъ сочинять забавныхъ сказокъ!...

Робенъ.

Правда, но зато отложивъ въ сторону все сверхъестественное, я обращаюсь къ законамъ судебнымъ порядкомъ?...

Маркизь.

Какъ?...

Робенъ.

Я вооружусь всѣмъ.... любовію здѣшней страны къ этому благородному семейству... приверженностію тѣхъ, которые окружали его... покажу наконецъ вотъ этотъ послѣдній листокъ, уцѣлѣвшій какъ бы чудомъ, изъ Записокъ Демона.... Подождите, вамъ еще рано дрожать, господа!... Хотя этотъ листокъ ничего не значитъ самъ по себѣ.... не заключаетъ въ себѣ ни какихъ на васъ доказательствъ, но онъ подтвердитъ справедливость существованія Записокъ.... И всякій тому повѣритъ, когда я скажу, что они заключали въ себѣ описаніе вашей жизни.... и доказательства вашихъ преступленій!... Что доказательства эти были собраны старикомъ, знавшимъ всѣ ваши тайныя дѣла,

и старавшимся употребить во зло власть свою надъ вами, для того, чтобы прибрать къ рукамъ чужое наслѣдство, которое вы сами желали присвоить себѣ несправедливымъ образомъ.... Я все это скажу, господа, и мнѣ повѣрять, потому что я буду говорить съ убѣжденіемъ.... мнѣ повѣрять, когда я скажу, что эти Записки составилъ человекъ, вамъ всѣмъ хорошо извѣстный.... вашъ нотариусъ... (съ крайнимъ презрѣніемъ) Марсильякъ честный человекъ.

Готье (появившійся при послѣднихъ словахъ).

Да... да... они и есть.... вы выговорили ихъ.... три слова....

Всѣ.

Боже мой!...

(Всеобщее удивленіе).

Робенъ (даетъ знакъ, чтобы всѣ замолчали).

Не прерывайте его... оставьте его договорить.... Готье! эти три слова, которыя я выговорилъ.... Марсильякъ честный человекъ....

Готье.

О! точно тѣ... всѣ посылаютъ Генералъ.... и я могу говорить.... господинъ мой, который уже тамъ (показываетъ на небо) дозволяетъ мнѣ теперь....

(Падаютъ на колѣни).

Робенъ.

Очень хорошо, другъ мой.... ну, теперь это сокровище, этотъ кладъ, о которомъ я тебя сейчасъ спрашивалъ?...

Готье.

Принадлежитъ вамъ, Г. Робенъ... вамъ... однимъ вамъ.... вы сказали три слова, вы.... тетюшка Жиро, поскорѣе молотокъ! молотокъ! (Г-жа Жиро выходитъ.) Алъ! вы не повѣрите, что со мною было.... когда я смотрѣлъ на бѣдныхъ госпожъ моихъ.... Виновать! виноваты!... но что же мнѣ было дѣлать: я далъ клятву, и долъ

женъ былъ сдержанъ се... я боялся, чтобъ кто не выкралъ у меня моей тайны... я сказалъ самъ себѣ... съ этихъ поръ ты будешь говорить только да и нѣтъ... а меня называли дурачкомъ, полоумнымъ... Пусть такъ... но я хотѣлъ остаться честнымъ человѣкомъ!.. Скоро ли же принесутъ молотокъ?.. Ну, слава Богу!.. (Г-жа Жиро подаетъ ему молотокъ.) Скорѣй за работу.

ЛА РАПИНЬЕРЪ.

Но что же все это значить?

РОБЕНЬ.

Вы сейчасъ узнаете, кавалеръ...

(Готье подходитъ къ гербу, и ударяетъ по нему молоткомъ).

ЛА РАПИНЬЕРЪ.

Какъ! унижать нашъ замокъ... я не позволю.

РОБЕНЬ.

Не мѣшайте ему...

ГОТЬЕ (подымая на Ла Рапиньера молотокъ).

Не подходите ко мнѣ!..

(Ударяетъ снова молоткомъ, гербовый щитъ разбивается и открываетъ въ стѣнѣ тайное отверстіе... Готье вынимаетъ оттуда пергаментный свертокъ).

ЛА РАПИНЬЕРЪ.

Сокровище! банковые билеты... это принадлежитъ наследникамъ... это наша собственность!..

ГОТЬЕ.

Нѣтъ... оно принадлежитъ тому, кто произнесъ три слова... я ничего другого знать не хочу... (подавая Робену бумагу). Теперь, мое порученіе исполнено... пойду къ женѣ и дѣтямъ, съ которыми я не говорилъ четыре года ни слова... Я! ах! ничего... небольшое волненіе... (Шатается; его всѣ окружаютъ).

РОБЕНЬ (разсматривая бумагу).

Кавалеръ де Ла Рапиньеръ, п вы, Г.

Маркизъ, прошу прислушать;.. это не принадлежитъ къ числу наследства, которое вы получили по ошибкѣ... это не золото и не денежные документы, но лучше всего этого...

МАРКИЗЪ.

Что же такое, сударь?..

РОБЕНЬ.

Свидѣтельство о бракѣ Генерала!..

БАРОНЕССА.

Псужела?..

РОБЕНЬ.

Позвольте припятъ, Г-жа Баронесса, драгоценный документъ, возвращающій вамъ ваше имя и богатство (Ла Рапиньеру). Онъ составитъ вторую часть Записокъ Демона... и его кавалеръ, вы ужъ не бросите въ огонь... Готье, наблюдай за нимъ...

ГОТЬЕ.

Хорошо.

(Становится возлѣ кавалера).

ЛА РАПИНЬЕРЪ.

Отойдешь ли ты?..

ГОТЬЕ (съ смѣшною радостію).

Пѣтъ!..

РОБЕНЬ.

Теперь, господа, я могу вамъ сказать, кто я таковъ... Если вы считали меня за демона, такъ ошиблись немногимъ... я просто бѣднякъ, занимающій должность втораго писца у нотаріуса.

ЛА РАПИНЬЕРЪ.

Въ конторѣ Марсильяка?

РОБЕНЬ.

Вы угадали... Въ конторѣ Марсильяка, котораго нѣкоторые изъ жертвъ его мошенничества прозвали въ насмѣшку честнымъ человѣкомъ; и этотъ Марсильякъ (подходя къ Ла Рапиньеру) былъ страстнымъ-душеприкащикомъ вашего умпрающаго друга.

ЛА РАПИНЬЕРЪ.

Старый бездѣльникъ...

Робенъ (Маркизу).

Вы имѣли неосторожность доставить ему покровительство Генерала, съ которымъ вели переписку... и который умеръ въ Парижѣ въ 1814 году.

Маркизъ.

Какая досада!

Робенъ (Графиня).

Тому же Марспляку... сударыня, вы поручили производить тайную пенсію...

Графиня.

Пошадите....

Робенъ.

Не бойтесь, сударыня!

Ла Рапиньеръ.

Дѣлать нечего! Ёду въ Тулузу... но только послѣ обѣда...

Маркизъ.

А я въ Парижъ... Мы здѣсь ужъ не у мѣста

Робенъ.

Ёду съ вами... мое порученіе кончилось... Въ моемъ поступкѣ, можетъ быть, заключается что нибудь и хорошее... не хочу испортить его, требуя за то награды, которая превыше всѣхъ заслугъ!

Марія.

Что такое онъ говоритъ? (Оркестръ начинаетъ играть тихо мелодію колокольчика).

Робенъ (Баронесса).

Возвращаю вамъ данное мнѣ обѣщаніе, сударыня... и прошу простить меня, что я осмѣлился помышлять о томъ счастьи, котораго я чувствую себя недостойнымъ... Вы обладаете знатнымъ именемъ, большимъ богатствомъ... я ѣденъ, неувѣстенъ... Прощайте.

Баронесса.

Какъ! сударь, вы отвергаете нашу благодарность...

Робенъ (Марія).

Сохраните для меня мѣстечко въ вашемъ воспоминаніи, и труды мои будутъ вознаграждены съ лихвою.

(Въ теченіе предшествующаго разговора, Марія робко подходитъ къ колокольчику; при ея приближеніи оркестръ начинаетъ играть припѣвъ аріи).

Марія (тихо поетъ припѣвъ):

Не тратьте словъ, а только зазвоните —
И будетъ мужъ у вашихъ ногъ лежать!

(Раздается звонъ колокольчика; Робенъ, стоявшій у дверей, быстро возвращается и вскрикиваетъ падая къ ногамъ Баронессы).

Ахъ! Баронесса!... Матушка!

Баронесса.

Да... горжусь, что могу назвать васъ сыномъ!

II. МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА, И СЛОВЕСНОСТЬ.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ БЕТГОВЕНА. (*)

Музыканты, бесспорно, занимаютъ одно изъ главныхъ мѣстъ въ области поэзии. Трудно найти поэта, котораго сочиненія отражали бы на себѣ съ такою полнотою и точностію характеръ сочинителя, какъ созданія гениальнаго Бетговена. Достоинства и недостатки артиста, его гений, благородство, смѣлость, независимость, странности, обнаруживаются въ той же степени и въ *человѣкѣ*. Творенія Бетговена всегда служатъ вѣрнымъ отголоскомъ его чувствованій и мыслей. Счастье въ любви и дружбѣ, надежду, довѣренность, муки подозрѣнія и ревности, бѣдность, грусть настоящаго, безпокойный взглядъ на будущее — все это выражалъ Бетговень музыкою. Кто хочетъ понимать артиста, долженъ непременно изучать *человѣка*; кто хочетъ постигнуть истинный смыслъ его твореній, тому надобно знать, въ какихъ обстоятельствахъ и подъ какимъ вліяніемъ онъ писаны. Въ

Бетговень, болѣе нежели въ комъ другомъ, невозможно отдѣлить артиста отъ *человѣка*. Знаменитый композиторъ хотѣлъ, въ 1816 году, самъ указать на поэтическія идеи, въ слѣдствіе которыхъ написаны имъ многія сонаты. Къ несчастію для искусства и особенно для собственной музыки Бетговена, онъ не кончилъ начатаго труда, и до сихъ поръ глубокіе знатоки не постигаютъ смысла, скрытаго въ наибольшей части его твореній. Симфонія пастушеская или даже симфонія героическая могли ли бы показаться столь прекрасными, если бы, внимая имъ, мы не знали и не понимали основныхъ идей, послужившихъ композитору темою? Простое объясненіе чувствъ, *прощаніе*, *отсутствіе*, *возвращеніе*, не придаютъ ли сонатѣ (сочиненіе 81) сугубое достоинство въ сравненіи съ тѣмъ, которое бы она имѣла, если бы Бетговень не написалъ сихъ трехъ словъ надъ каждою частію?

(*) Въ иностранныхъ, а потомъ и въ Русскихъ журналахъ много было писано о Бетговень; но въ походѣ прошедшаго года помещена въ *Revue Britannique* статья о великомъ музыкантѣ, заимствованная изъ различныхъ Английскихъ повременныхъ изданій и изъ сочиненія Мошелеса. Эта статья заключаетъ въ себѣ, кажется, нѣсколько новыхъ подробностей о Бетговень. *Ред. Реп.*

Родители Бетговена были люди недостаточные; молодой музыкантъ видѣлъ необходимость работать для насущнаго хлѣба, и не смотря на величайшее отвращеніе свое къ урокамъ, рѣшился прибѣгнуть къ этому средству. Госпожа Брейнингъ, вдова Надворнаго Совѣтника, одна имѣвшая надъ капризнымъ музыкантомъ нѣко-

торую власть, никакъ не могла приучить его къ аккуратному исполненію обязанностей преподавателя. Однажды, долго уговаривала она Бетговена идти въ назначенный часъ къ ученику, который жилъ насупротивъ. Бетговенъ наконецъ пошелъ; но у самыхъ воротъ дома остановился, задумался и опять явился къ госпожѣ Брейнингъ. «Сжальтесь надо мною, вскричалъ онъ: я не могу давать сегодня урока; завтра, пожалуй, дамъ два.»

Въ этомъ семействѣ, состоявшемъ, кроме матери, изъ трехъ сыновей и дочери, Бетговенъ провелъ лучшіе дни жизни. Здѣсь принимали его истинно какъ роднаго, и онъ подружился съ однимъ изъ сыновей, Стефаномъ, и съ дѣвицею Элеонорою, которая, въ послѣдствіи, вышла замужъ за Доктора Вегелера. Здѣсь же развился у Бетговена вкусъ къ литературѣ, который онъ сохранилъ до смерти, и наконецъ здѣсь онъ впервые ощутилъ чувство любви. Предметомъ его страсти была Жаннета Гонратъ, изъ Кельна, по нѣскольку недѣль гостившая въ домѣ Брейнингъ. Она была дѣвица любезная и прекрасная собою, имѣла порядочный голосъ, обожала музыку, и будто насмѣхаясь надъ своимъ поклонникомъ, часто пѣвала извѣстную пѣснь: «И такъ съ тобой разстаться должно!»

Жаннета вышла за мужъ за Майора Грета, также Кельнскаго уроженца.

Когда Бетговенъ поселился въ Вѣнѣ, куда пріѣхалъ изъ Бонны для окончательнаго образованія себя въ музыкѣ, этотъ городъ, болѣе всѣхъ столицъ Европы, заключалъ въ своихъ стѣнахъ богатѣйшія средства для человѣка, посвятившаго себя наукамъ и искусствамъ. Гердеръ, Виландъ, Лессингъ, Гете, Глюкъ, Себастьянъ Бахъ съ сыновьями, Моцартъ, Гайднъ, Саліери, распространили въ высшихъ классахъ общества чувство изящнаго. Въ продолженіе сего золотого вѣка искусства, Бетговенъ написалъ свои главные произ-

веденія: три сонаты, посвященные Гайдну, шесть первыхъ квартетовъ, неподражаемый септуоръ, первую и вторую симфоніи, и ораторію: Спаситель на Масличной Горѣ. Всѣ эти сочиненія явились прежде 1804 года, когда извѣстность автора распространилась по всей Европѣ. 29 Іюня 1800 года, Бетговенъ писалъ, между прочимъ, къ другу своему Вегелеру: «Мнѣ очень хорошо платятъ за сочиненія, и по множеству требованій, я даже не успѣваю исполнять ихъ. На одно сочиненіе является по шести и по семи издателей, или и больше, если захочу. Никто со мной не торгуется: я назначаю цѣну, и мнѣ платятъ. Дѣло, какъ видишь, не дурное. Напримѣръ, я встречаю друга въ нуждѣ, а кошелекъ не позволяетъ помочь ему; мнѣ стоитъ сѣсть за столъ, написать, и черезъ нѣсколько часовъ другъ мой ни въ чемъ не нуждается.»

Впрочемъ, Бетговенъ получалъ незначительныя цѣны за свои главные творенія. За септуоръ ему заплатили *двадцать* червонцовъ; столько же за первую симфонію; *десять* червонцовъ за первый концертъ; за большую сонату въ В тоже двадцать червонцовъ. Попробуйте теперь предложить подобную цѣну, то есть, отъ 250 до 125 рублей, какому нибудь жалкому кропатею плаксивыхъ романсовъ; онъ, не ответивъ вамъ ни слова, вѣрно отвернется съ негодованіемъ.

Только немногимъ знатокамъ и любителямъ извѣстно, что Бетговенъ писалъ музыку на народныя пѣсни Шотландіи, Ирландіи и Валлійскаго Княжества. Жоржъ Томсонъ издалъ въ Эдинбургѣ, подъ названіемъ *Шотландскія Мелодіи*, собраніе статей, относящихся къ поэзіи и музыкѣ Шотландіи, одно изъ великолѣпнѣйшихъ и важнѣйшихъ музыкальных твореній. Издатель поручалъ великимъ современнымъ музыкантамъ украшать мелодіи симфоніями и характерическими аком-

паппиментами. Большая часть труда исполнена Гайдномъ, послѣ смерти котораго Томсонъ обратился къ Бетговену, и дѣлательно переписывался съ нимъ отъ 1809 по 1820 годъ. Въ теченіе сихъ одиннадцати лѣтъ, Бетговенъ написалъ много пѣснь, какъ для собранія Шотландскаго, такъ и для собраній Ирландскаго и Валлійскаго, того же издателя. Почти всѣ письма писаны по-Французски, собственною рукою Бетговена. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ этихъ писемъ:

23-го Ноября 1809 года, соглашаясь на различныя предложенія Томсона, Бетговенъ прибавляетъ: «Однимъ словомъ, государь мой, будьте увѣрены, что вы имѣете дѣло съ истиннымъ артистомъ, который, конечно, любитъ благородное вознагражденіе за труды, но вмѣстѣ съ тѣмъ гораздо болѣе любитъ собственную славу и славу своего искусства, который никогда не доволенъ самимъ собою, и безпрерывно старается дѣлать большіе успѣхи въ своемъ искусствѣ.»

3-го Декабря 1812 года, требуя болѣе выгодныхъ условій въ сравненіи съ предложенными, Бетговенъ пишетъ: «Гайднъ увѣрялъ меня, что ему платили по четыре червонца за каждую пѣсню, а между тѣмъ онъ писалъ только для фортепіана, безъ симфоній и виолончеля. Что касается до господина Кацелуха, который пишетъ вамъ пѣсню съ акомпаниментомъ за два червонца, то я желаю, чтобы Англіійскіе и Шотландскіе дилеттанты тѣшились вдоволь его произведеніями. Самъ я почитаю себя, въ этомъ отношеніи, гораздо выше Г. Кацелуха (*miserabilis!*), и надѣюсь, что вы въ состояніи отдать мнѣ справедливость.»

Томсонъ предложилъ однажды Бетговену написать двѣнадцать пѣсень на Англіійскія слова, и положить на музыку Балтійскую Баталію Кампбелля. Бетговенъ отвѣчалъ: «За двѣнадцать пѣсней на Англіійскія слова, пѣна семьдесятъ червонцовъ; а кантата баталіи на Балтійскомъ Морѣ

будетъ стоить шестьдесятъ.» Въ этомъ же письмѣ, Бетговенъ обнаруживаетъ желаніе воодушевиться Шотландскими пѣснями, чтобы придѣлать къ нимъ акомпаниментъ. «Убѣдительно прошу васъ всегда присылать мнѣ слова Шотландскихъ пѣсень. Не понимаю, какимъ образомъ вы, знатокъ музыки, не сообразите, что сочиненія мои были бы совершенно другія, если бы я имѣлъ передъ собою слова. Если вы не будете присылать мнѣ словъ, то пѣсни никогда не могутъ быть совершенными произведеніями, и я найдусь въ необходимости отказаться отъ вашихъ предложеній.» Бетговенъ оканчиваетъ письмо требованіемъ одного червонца прибавки на каждую пѣсню, и въ заключеніе говоритъ: «Червонцы намъ крайне нужны здѣсь, потому, что наше государство богато только бумажками.»

Въ другомъ письмѣ, относящемся къ тому же времени, Бетговенъ горько жалуется на коммерческія продѣлки Англичанъ. «Готовъ для васъ трудиться, пишетъ онъ, но размышляя о несчастномъ кризисѣ, въ которомъ мы находимся, и объ огромныхъ потеряхъ, понесенныхъ мною отъ крайней довѣрчивости къ вашимъ соотечественникамъ, поставляю въ число непрѣмѣнныхъ условій, чтобы вы поручили дому Фріесъ и К. (Вѣскіе банкиры) выдавать мнѣ немедленно деньги за сочиненія; иначе я не могу исполнять вашихъ комиссій.»

Вся переписка съ Томсономъ доказываетъ, что Бетговенъ, вопреки общаго мнѣнія, былъ остороженъ и дальновидѣнъ въ своихъ дѣлахъ, и заботился о своихъ выгодахъ. Томсонъ, найдя нѣкоторые акомпанименты слишкомъ сложными и трудными, просилъ упростить ихъ. Бетговенъ согласился исполнить его желаніе, но потребовалъ полной суммы, уже заплаченной за пѣсни. Вообще, гениальный композиторъ не любилъ критики, и особенно отказывался сокращать пѣсы, которыя находилъ слишкомъ длинными; онъ

готовъ былъ скорѣ написать новыя въ сокращенномъ видѣ. Слѣдующее письмо къ Томсону весьма любопытно:

Вѣна, 25-го Мая 1819 года.

«Любезный другъ! Вы всегда пишете: *легко, очень легко*. Я дѣлаю все, что могу; но... но... но... вознагражденіе могло бы быть потяжелѣе, или вѣрнѣе, *по-тяжесловѣснѣ!!!* Вашъ другъ, господинъ Смитъ, доставилъ мнѣ большое удовольствіе своимъ визитомъ. Спѣшу увѣдомить васъ, что я всегда къ вашимъ услугамъ, и, получивъ теперь отъ Г. Смита вашъ адрессъ, скоро буду писать къ вамъ про-страннѣе. Въ послѣднемъ письмѣ моемъ я назначилъ десять червонныхъ за тему съ варіаціями, и то, кланусь, единственно изъ угожденія вамъ, потому что я не имѣю нужды заниматься подобными бездѣлками. На эти бездѣлки все таки нужно употребить время, а честь не позволяетъ мнѣ кому нибудь признаться, сколько я получаю за нихъ. Примите мое все-гдашнее желаніе изящнаго вкуса къ истинной музыкѣ. Если вы кричите *легко*, то я закричу: *тяжело* за *легкое!!!*»

Другое письмо, отъ 21-го Февраля 1818 года, показываетъ, какъ затруднялся Бетговенъ придавать своей музыкѣ истинный смыслъ и колоритъ изродныхъ мелодій. «Мой переписчикъ болѣнъ, говоритъ онъ, и я привужденъ послать вамъ свои манускрипты. Мнѣ надобно было бы взять нѣсколькими червонцами больше, потому что, переписывая самъ, я потерялъ такимъ образомъ много времени, да и вообще обыкновенная сумма крайне скудна, если принять въ соображеніе, что пѣсни стоятъ мнѣ большаго труда, хотя этого и не замѣтно при исполненіи. Гармонію на такія пѣсни найти легко, но гораздо труднѣе, нежели какъ вы думаете, сохранить простоту, характеръ и смыслъ мелодіи. Можно найти безчисленное множество гармоній, а между тѣмъ только и есть одна гармонія, сообразная съ духомъ и характеромъ пѣсни. И такъ, вы

вознаградите меня лишнею дюжиною червонцевъ, и, по истинѣ, это вознагражденіе все еще будетъ недостаточнымъ.»

Въ продолженіе всего періода переписки съ Томсономъ, Бетговенъ получалъ отъ него 550 фунтовъ стерлинговъ, или до 13,000 рублей, наибольшую сумму, какую онъ получалъ отъ Англійскихъ издателей. Въ народныхъ пѣсняхъ Британціи, гений композитора выказался въ полномъ блескѣ.

Знаменитая военная симфонія была написана въ 1813 году, въ память сраженія при Витторіи, и исполнена въ Вѣнѣ, въ Декабрѣ того же года, въ пользу Австрійскихъ и Баварскихъ солдатъ, раненыхъ при Гауау. Въ этотъ день участвовали въ оркестрѣ знаменитѣйшіе музыканты. Шупанчикъ дирижировалъ первыми скрипками; Шполеръ и Мейзедеръ стояли въ главѣ вторыхъ и третьихъ рядовъ; Гуммель и Салиерн производили канонаду; Мейерберъ колотилъ въ большой барабанъ, Мошелесъ держалъ. Трехугольникъ въ Ноябрѣ слѣдующаго года (1814), симфонія была исполнена на Вѣнскомъ Конгрессѣ, въ присутствіи Союзныхъ Монарховъ, богато одарившихъ композитора. Кажется, въ это время, Бетговенъ предлагалъ Томсону собственность своего сочиненія. «Сочиненіе, говоритъ онъ въ письмѣ къ этому издателю, писано для большаго оркестра; въ Вѣнѣ, оно было принято съ единодушными рукоплесканіями, и по общему требованію, его будутъ играть въ присутствіи Союзныхъ Монарховъ. Я могу сообщить вамъ эту піесу для фортепіана, мною самимъ аранжированную. Сочиненіе посвящено Принцу-Регенту Англіи, и, касаясь предмета, живо интересующаго ваше отечество, вѣроятно, будетъ имѣть большой успѣхъ. Мнѣ желательно знать, сколько вы дадите за такое сочиненіе, и потому прошу васъ извѣстить меня объ этомъ поскорѣ; иначе, я не буду въ возможности располагать имъ.»

Военная симфонія была куплена, въ послѣдствіи, Бирчелемъ (Birchall), который издалъ, впрочемъ, одну партитуру для фортепьяно; но въ Лондонѣ нѣсколько разъ исполняли симфонію п съ большимъ оркестромъ. Бетговепъ препроводилъ копію большой партитуры Принцу-Регенту, который, къ крайнему неудовольствію и обидѣ композитора, не благодарилъ его ни словесно, ни письменно. Въ письмѣ, писанномъ къ Ниту (Neate), Бетговепъ горько жалуется на такую обиду; а когда потомъ онъ поручалъ Рису раздать нѣкоторыя свои произведенія различнымъ дилеттантамъ Англіи, то именно сказалъ: «Особенно не давайте ничего Англійскому Королю.»

Съ 1815 года, то есть, со времени смерти брата Карла, восьмилѣтняго сына котораго Бетговепъ усыновилъ, жизнь гениальнаго человѣка представляетъ рядъ непрерывныхъ мукъ, лишеній, горестей, продолжавшихся до самой кончины. Бетговепъ имѣлъ продолжительный процессъ со вдовою брата, злою бабою, какъ онъ ее называетъ, которая требовала себѣ сына; доходы отъ сочиненій не покрывали возраставшихъ расходовъ; болѣзнь брата стоила 10,000 гульденовъ. «Я получаю, писалъ Бетговепъ Рису, 3,400 гульденовъ ассигнаціями пенсіона; за квартиру плачу 1,100 гульденовъ; слуга съ его женою стоятъ мнѣ 900 гульденовъ. Сосчитайте, сколько останется! Кромѣ того, за племянника въ школу я долженъ платить 1,100 гульденовъ; но ему тамъ не хорошо, и мнѣ надобно такъ устроить хозяйство, чтобы можно было взять его къ себѣ. Много надобно приобретать для поддержанія здѣсь жизни, а это никогда не кончится, потому... потому что вамъ извѣстно...»

Бетговепъ, дѣйствительно, рѣшился завести у себя въ домѣ правильное хозяйство. Слѣдующій отрывокъ, извлечен-

ный изъ его журнала, даетъ понятіе какова была въ это время домашняя жизнь великаго музыканта, и какую скуку онъ добровольно возлагалъ на себя. «1819 г. Января 31. Отказалъ ключницѣ. Февраля 15. Поступила новая кухарка. Марта 8. Кухарка объявила, что черезъ двѣ недѣли она отойдетъ. Марта 22. Поступила новая ключница. Мая 12. Перѣхалъ въ Медлингъ. Miser et pauper sum. Мая 14. Ключница проситъ по шести гульденовъ въ мѣсяцъ. Юля 20. Отпустилъ ключницу.» Въ журналѣ 1820 года, нѣсколько дней отмѣчены дурными, именпо: 12-го Апрѣля, 10, 11, 12 и 13 Юля.

Вскорѣ послѣ кончины Бетговепа, разнесся слухъ, что хотя онъ и оставилъ послѣ себя около 9000 гульденовъ, однако жъ, при жизни обращался съ просьбою о денежномъ вспоможеніи къ Лондонскому Филармоническому Обществу, и получилъ отъ него нѣсколько сотъ фунтовъ стерлинговъ. Жителямъ Вѣны было непріятно, зачѣмъ великій артистъ просилъ пособія у чужеземцевъ, когда не имѣлъ въ немъ нужды, и почему онъ не прибѣгнулъ къ своимъ единоплеменникамъ. Справедливъ ли такой упрекъ? Бетговепъ обращался къ музыкальному обществу, которое безукоризненнымъ исполненіемъ его твореній наиболѣе содѣйствовало къ прославленію имени знаменитаго человѣка, а просить пособія у жителей Вѣны, когда они, зная о его положеніи, сами не предлагали ему пособія, не позволяла ему гордость. Но Бетговепъ оставилъ послѣ себя девять тысячъ гульденовъ! По истинѣ, колоссальное богатство, собранное человѣкомъ, который трудился всю жизнь, и который достигъ до послѣднихъ предѣловъ искусства!... Впрочемъ, эту сумму Бетговепъ назначилъ своему племяннику, и, считая ее неприкосновенною святынею, подвергалъ себя многимъ лишеніямъ. Въ 1819 году, онъ послалъ къ Рису сонату, и просилъ продать ее какому

нибудь музыкальному торговцу въ Лондонѣ. «Посылаемая соната, писалъ Бетговенъ, написана въ тяжкихъ обстоятельствахъ: грустно писать изъ хлѣба, а теперь я именно въ такомъ положеніи.» Черезъ шесть лѣтъ, 5 Сентября 1825 года, Рису получилъ еще подобное письмо. «Если бы я не былъ такъ бѣденъ и не принужденъ жить перомъ, то ничего не просилъ бы у Филармоническаго Общества; но въ моемъ положеніи, я долженъ требовать награды за симфонію.»

Извѣстно, что Бетговенъ никогда не былъ женатъ. Другъ его, Зейфридъ, пишетъ, что едва ли великій художникъ знаетъ когда нибудь сердечную привязанность. Другіе біографы совершенно противорѣчатъ этому предположенію. Выше сказано, что Бетговенъ любилъ безнадежно Жаннету Гонратъ. Въ молодости, артистъ любилъ свѣтъ, особенно общество любезныхъ, образованныхъ женщинъ, обладалъ искусствомъ нравиться прекрасному полу, безпрестанно былъ влюбленъ; но не надолго, и женщины, предметъ его страсти, принадлежали къ высшему званию. «Однажды, говоритъ Рису, я смѣялся надъ одною дѣвицею, въ которую Бетговенъ былъ влюбленъ, и артистъ, дѣйствительно, признался мнѣ, что эта дѣвица господствуетъ надъ нимъ гораздо продолжительнѣе другихъ, то есть, *семь мѣсяцевъ*.» Въ 1801 году, Бетговенъ писалъ къ другу своему Вегелеру: «Я люблю милаю, любезную дѣвицу, и впервые чувствую, что бракъ могъ бы осчастливить меня; но, увы! она выше меня званіемъ...» Выражаясь такимъ образомъ, Бетговенъ повторялъ только мнѣніе свѣта; самъ себя онъ почиталъ, по крайней мѣрѣ, спустя десять лѣтъ, выше всѣхъ вельможъ Вѣнскаго Двора, что видно изъ извѣстнаго письма его къ Беттиѣ Арнимъ.

При добромъ отъ природы сердцѣ, Бетговенъ былъ чрезвычайно раздражителенъ, и въ минуты гнѣва забывалъ все приличія. Рису рассказываетъ, по этому случаю, слѣдующіе анекдоты: «Въ концертѣ, который давалъ Бетговенъ, въ первый разъ была исполнена его фантазія для фортепіана, съ оркестромъ и хорами. Вдругъ, кларнетъ ошибся восемью тактами, въ ту самую минуту, когда другіе инструменты едва аккомпанировали. Возбешенный Бетговенъ вскочилъ, и, обратясь къ оркестру, обругалъ музыкантовъ. «Сначала!» закричалъ онъ громовымъ голосомъ, и оркестръ, пораженный взглядомъ и голосомъ концертиста, спѣшилъ исполнить его приказаніе. Фантазія была разыграна съ блистательнымъ успѣхомъ; но послѣ концерта, всѣ музыканты встали и поклонились никогда не играть въ присутствіи Бетговена, и въ другой разъ, при подобномъ же случаѣ, такъ сдержали свое слово, что вывели изъ залы знаменитаго композитора....»

На вечерѣ у Графа Броуна, Бетговенъ игралъ съ Рисомъ въ четыре руки, при избранномъ Вѣнскомъ обществѣ. Лишь только они начали, одинъ молодой Графъ началъ шептаться съ своею прекрасною сосѣдкою. Бетговенъ вдругъ хватается за руки Риса, встаетъ и говоритъ громко: «Для такихъ свиней я играть не намѣренъ» (*für solche Schweine spiele ich nicht*). Тщетно упрашивали артиста извинить проступокъ виновнаго; артистъ былъ неумолимъ. Тогда гости обратились къ Рису, но Бетговенъ запретилъ ему прикасаться къ клавишамъ, и послушный ученикъ не смѣлъ преступить волю наставника.

Въ 1804 году, Бетговенъ написалъ въ Гейлигштадтѣ одно изъ лучшихъ своихъ твореній, героическую симфонію, причемъ имѣлъ въ виду Бонапарте, бывшаго тогда Первымъ Консуломъ. Бетговенъ сравнивалъ Бонапарте съ знаменитѣйшими Римъ

ским Консулами. Рису говоритъ, что онъ и многіе другіе видѣли на столѣ композитора партитуру этой симфоніи, чисто переписанную; въ заголовкѣ стояло имя Бонапарте, а въ самомъ низу подписано: Луиджи Фанъ Бетговенъ; больше не было ни слова. Неизвѣстно, что думалъ написать Бетговенъ въ пробылѣ; но когда Рису сказалъ своему наставнику, что Бонапарте провозгласилъ себя Императоромъ, тотъ воскликнулъ въ гнѣвъ: «Теперь все кончено! Онъ будетъ думать только объ удовлетвореніи своего честолюбія...» Подойдя къ столу, Бетговенъ взялъ заглавный листъ, разорвалъ его и бросилъ на полъ. Первая страница была снова переписана, и симфонія названа: *Sinfonia heroica*. Князь Лобковичъ купилъ въ послѣдствіи это твореніе, и нѣсколько лѣтъ сряду разыгрывалъ его въ своемъ домѣ.

Вотъ что говоритъ Мошелесъ вообще о музыкѣ Бетговена, и о вліяніи, какое она могла имѣть на новую школу: «До

сихъ поръ, удивленіе мое къ музыкѣ Бетговена не измѣнилось; напротивъ, оно постепенно и постоянно возрастаетъ. Въ первое время, Бетговенъ столько же привлекалъ меня къ себѣ, сколько и отвращалъ. Изучая каждое его произведеніе, я былъ очарованъ господствующею идеею, ослѣпленъ блескомъ гениа; но импровизированные эпизоды, рѣзкіе диссонансы, смѣлыя модуляціи производили на меня непріятное впечатлѣніе, которое потомъ скорѣе исчезло. Все, что казалось мнѣ страннымъ, я находилъ необходимымъ; я началъ понимать и любить внезапныя шутки, ураганы звуковъ, которые почиталъ прежде перазгаданнымъ хаосомъ. Но я долженъ замѣтить, что эксцентрическія выходки Бетговена, единственно приличныя его созданіямъ, для другихъ композиторовъ образцы весьма опасны. Всѣ его подражатели доказали эту истину своими произведеніями. Музыкальный міръ одобрилъ ли новыя усилія, которыя имѣютъ цѣлю превзойти Бетговена въ смѣлости и оригинальности?....»

ДРАМАТИЧЕСКІЕ И ОПЕРНЫЕ АРТИСТЫ И АРТИСТКИ, ВЪ ГЕРМАНИИ.

(Окончаніе).

Л.

Ланге (Каролина, Lange) въ Стутгартѣ, род. въ 1802 г. играетъ хорошо трагическія роли матерей и вообще усилія (chargierte) роли. Хвалятъ ея глубокій голосъ, благородство въ игрѣ и старанія.

Лангъ (Юганъ Рейнгольдъ, Lang), про-

званный Кюне (Kühne), прр. въ Гамбургѣ; онъ род. въ Курляндіи, въ 1774 г.; его лучшія роли въ піесахъ, въ которыхъ выведено высшее общество; также хорошъ онъ въ высокихъ комическихъ роляхъ стариковъ.

Ларошъ (Laroche) съ 1832 г. прр

Придв. Т. въ Вѣнѣ, былъ сперва въ Веймарѣ; онъ очень хорошъ въ характерныхъ роляхъ.

Лебренъ (Lebrun), игр. въ Гамбургѣ; онъ человекъ весьма образованный, и извѣстенъ въ Германіи искусными передѣлками Французскихъ водевилей на Нѣмецкіе нравы. Игра его отличается непринужденнымъ комсомомъ.

Леве (Löwe), также художественная фамилія, въ которой талантъ, такъ сказать, составляетъ наслѣдіе. Особенно обращаютъ на себя вниманіе Лудвигъ и Софія Леве.

Лудвигъ Леве, Придв. актеръ въ Вѣнѣ, род. въ 1795 г. Отецъ его былъ актеромъ и 25 лѣтъ сряду директоромъ театровъ въ Пруссіи, Саксоніи, Мекленбургѣ и Вестфаленѣ. Съ дѣтства показавъ Лудвигъ Леве способности къ сценѣ, и игралъ дѣтскія роли. По смерти отца онъ жилъ у старшаго брата своего въ Магдебургѣ, и посѣщалъ тамъ школу, какъ вдругъ туда пріѣхала страствующая дѣтская труппа: это его пристрастило къ сценѣ, и не смотря на увѣщанія брата, онъ поступилъ въ эту труппу и игралъ въ ней роли стариковъ. Дурное обращеніе съ нимъ директора, однако, охладило его сграсть, и онъ воротился къ брату. Въ 1810 г., поѣхавъ съ матерью своею въ Вѣну, онъ познакомился тамъ съ лучшими артистами, которые убѣдили его играть на Придв. Т., когда ему было только 15 лѣтъ отъ роду. Оттуда перешелъ онъ въ Прагу, и игралъ тамъ съ успѣхомъ, восемь лѣтъ сряду, низко-комическія роли, къ которымъ не имѣлъ особаго дарованія. Случай открылъ настоящее назначеніе его: при представленіи какой-то драмы Коцебу, одинъ изъ актеровъ, неосторожно подкрѣпившій силы свои виномъ, не могъ продолжать роли послѣ третьяго дѣйствія. Леве взялся сыграть вовсе неизвѣстную ему роль, и сыгралъ ее мастерски. Съ тѣхъ поръ началъ онъ появляться въ серьезныхъ роляхъ, а потомъ

и въ роляхъ любовниковъ. Въ 1821 перешелъ онъ въ Кассель, и пробывъ тамъ пять лѣтъ, отлучался по временамъ въ Вѣну, Дрезденъ, Лейпцигъ, Берлинъ и пр. Въ 1826 г. поступилъ онъ на Вѣнскій Придв. Т., и съ тѣхъ поръ пользуется столь сильною привязанностію публики, что въ 1834 г., когда онъ изъявлялъ желаніе покинуть эту сцену, Вѣна не согласилась на это; въ 1838 году назначили его режиссеромъ — не должно забывать какого театра — перваго драматическаго театра въ Германіи. Онъ предпринималъ частыя поѣздки изъ Вѣны, и игралъ во многихъ городахъ als Gast. — Главное достоинство его игры — истина, которою онъ никогда не жертвуетъ для украшенія роли. Лудвигъ Леве замѣчательнъ какъ лирическій стихотворецъ, и считается членомъ многихъ ученыхъ и литературно-художественныхъ обществъ. Онъ притомъ весьма любезный собесѣдникъ, и отличается чистѣйшимъ характеромъ.

Анна Леве, дочь его, являлась донынѣ только въ Пестѣ; подъ руководствомъ отца, она общается въ Германіи талантливою артисткою. Она одна изъ всѣхъ Нѣмецкихъ актрисъ играла въ Пестѣ также въ національной Венгерской драмѣ, и восхитила публику на чуждомъ, непривычной ей языкѣ.

Юлія Леве, сестра его, весьма хорошая актриса на Придв. Т. въ Вѣнѣ.

Софія Леве, племянница предыдущей, считается одною изъ лучшихъ нынѣшнихъ пѣвицъ Германіи; она род. въ 1815 г. въ Ольденбургѣ, воспитывалась въ Мангеймѣ, гдѣ ее отецъ состоялъ при театрѣ. Отецъ ее повезъ во Франкфуртъ, для преподаванія ей тамъ игры на фортепіанѣ. Вскорѣ началъ развиваться и голосъ ея. Знайки въ музыкѣ не признавали въ ней однако ни какого таланта, и только тетка ея, Юлія Леве, пріѣхавъ во Франкфуртъ въ 1831 г., открыла способности юной дилеттантки. Она повезла ее съ собою въ Вѣну, гдѣ С. Леве основательно образовалась у

знаменитаго Чичимары. Между тѣмъ при-
быль изъ Франкфурта въ Вѣну и отецъ
ея, но вскорѣ захворалъ смертельно. Тутъ
впервые молодая дѣвушка испытала всю
тягость жизни, и предчувствуя кончину
отца, еще съ большею страстью приня-
лась за изученіе искусства, которымъ она
должна была свискивать пропитаніе свое-
му семейству. Она пѣла въ первый разъ
въ концертѣ, и имѣла столь рѣшительный
успѣхъ, что немедленно послѣ того была
ангажирована къ Оперному Театру у Ка-
рипійскихъ Воротъ, и вскорѣ послѣ кон-
чины ея отца назначенъ былъ первый ея
дебютъ. Еще не отдохнувъ отъ бессон-
ныхъ ночей, проведенныхъ у смертнаго
огра родителя, вышла она на сцену въ
Іюнь 1832 года, въ одной изъ оперъ До-
нидзетти, и съ перваго раза обратила на
себя вниманіе публики. Неусыпными ста-
раніями продолжала она совершенство-
ваться на избранномъ ею поприщѣ, подъ
опытнымъ руководствомъ тетки своей, ко-
торой преимущественно обязана Германія
этой пѣвицей, соединяющей въ себѣ всѣ
достоинства драматической артистки. Учи-
тель ея, Чичимара сознавался, что Софія
Леве одна изъ его ученицъ вполне по-
стигла его уроки. Первое художествен-
ное путешествіе предприняла она въ Бер-
линъ, и явившись на тамошней сценѣ въ
разныхъ роляхъ, была ангажирована на
К.р. Оп. Т., и поступила туда, побывавъ
сначала въ Гамбургѣ, Ганноверѣ и еще
разъ въ Вѣнѣ. Вторично объѣздила она
Германію въ 1838 г. — Игра Софіи Леве
отличается женскою граціею во всей кра-
сѣ, во всевозможномъ совершенствѣ. Го-
лосъ ея не поразителенъ, но за то оби-
ретенъ и обработанъ, такъ, что можетъ
выражать всѣ оттенки чувствъ, и пѣть
всѣ роды музыки. Ни одна Германская
пѣвица не можетъ совокуплять въ столь
высокой степени, какъ она, совершенство
драматическаго исполненія роли съ со-
вершенствомъ музыкальной части, такъ
что трудно рѣшить, въ какомъ отношеніи

заслуживаетъ она большаго удивленія,
какъ актриса, или какъ пѣвица. Главныя
роли ея Норма, Адина (Люб. Нап.), Дон-
на Анна, Амина (Соннамб.), Принцесса
Наварская (Жанъ Парижскій) и Эльвира
въ Пуританахъ.

Августа Леве, молоденькая пѣвица въ
Берлинѣ, дебютировавшая въ 1841 году.
Она общается со временемъ хорошую пѣ-
вицу для партій контръ-альто.

Линднеръ (Каролина, Lindner), игр.
во Франкфуртѣ, и славилась въ наивныхъ
роляхъ, въ которыхъ иногда является до-
нынѣ, не смотря на чрезмѣрную тучность
тѣла.

Лорцингъ (Густавъ Албертъ, Lortzing)
игр. въ Лейпцигѣ, извѣстенъ не столько
игрою своею, какъ многими комическими
операми своего сочиненія.

Лорцингъ (Каролина) игр. въ Вейма-
рѣ роли любовницъ.

Лукасъ (Lucas), игр. на Придв. Т. въ
Вѣнѣ роли героев и любовниковъ, къ ко-
торымъ одаренъ отъ природы и талантомъ
и выгодною наружностію.

Луцеръ (Lutzer) Вѣнская пѣвица, ан-
гажированная къ Парижской Оперѣ, мо-
жетъ стать на ряду съ Софіею Леве и съ
Г-жею Гассельтъ. Она по большей части
жила въ Вѣнѣ, но посѣщала Италію. Го-
лосъ ея обработанъ въ высокой степени,
но къ сожалѣнію въ пѣніи ея нѣтъ жиз-
ни, нѣтъ одушевленія.

М.

Манціусъ (Эдуардъ, Mantius) хорошій
теноръ Берлинской Оперы, род. въ 1808
г. Онъ учился въ Лейпцигѣ правамъ, и
участвовавъ, въ 1829 г., въ музыкальномъ
торжествѣ въ Гамбѣ, получилъ приглаше-
ніе посвятить себя пѣнію въ Берлинѣ.
Король услышалъ его на прогулкѣ. Го-
лосъ Манціуса такъ понравился ему, что
Король пригласилъ его поступить на сце-
ну. Въ 1830 г. онъ дебютировалъ, и
имѣлъ успѣхъ. Подъ руководствомъ знаю-
щихъ товарищей образовался онъ вполне
для сцены; голосъ его не силенъ, но въ

среднихъ тонахъ полонъ и весьма пріятенъ. Онъ ангажированъ въ Берлинѣ на всю жизнь, однако же пѣлъ и на другихъ сценахъ Германіи.

МАГГА (Magg), урожд. Шеферъ, пѣвица въ Дармштадтѣ, род. въ 1804, и была знаменита высотой своего голоса. Она дебютировала въ 1821 г. въ Берлинѣ, и съ тѣхъ поръ была ангажирована на многихъ сценахъ.

МАРРЪ (Marr), игр. на Придв. Т. въ Вѣнѣ, съ большимъ искусствомъ, характерныя роли.

МАУРЕРЪ (Августъ Вильгельмъ, Maurer) род. въ 1792 въ Мангеймѣ, былъ ученикомъ Ифанда; онъ дебютировалъ въ Берлинѣ, и потомъ игралъ на другихъ сценахъ. Онъ женился на актрисѣ Албертинѣ Шахнеръ, блиставшей въ свое время въ роли Кетхенъ фонъ Гейльбронъ. Мауреръ теперь играетъ роли стариковъ, и особенно хорошъ представляя пьяныхъ. Онъ сознается, что подсмотрѣлъ это въ игрѣ Ифанда.

МЕЙСИГЕРЪ (Meissiger) игр. во Франкфуртѣ комическія роли и особенно просяковъ.

МЕКЪ (Meck) одинъ изъ директоровъ Франкфуртскаго Театра, играетъ хорошо стариковъ и комическія роли.

МОРИЦЪ (Гейнрихъ, Moritz) режиссеръ и актеръ Стутгардскаго Театра съ 1833 года; онъ родился въ Лейпцигѣ, въ 1800 г., и настоящая фамлія его Мюрренбергъ. Сначала онъ учился правамъ, потомъ медицинѣ; почти при окончаніи занятій своихъ имѣлъ онъ дуэль, кончившуюся столь несчастливо, что онъ цѣлый годъ не могъ владѣть правою рукою, и она до того ослабла, что онъ уже не могъ дѣлать операций. Игра актера Вольфа побудила его поступить на театръ, и послѣ приготовленій, продолжавшихся около мѣсяца, онъ уже дебютировалъ. Въ 1820 году его ангажировали въ Мюнхенѣ, затѣмъ перешелъ онъ въ Прагу и наконецъ въ Стутгардъ, чтобы тамъ пользоваться при-

мѣрною игрою Зейдельмана. Онъ красивъ собою и ловокъ, и по этому весьма хорошъ въ комедіяхъ, въ которыхъ онъ усовершенствовался въ Парижѣ, изучая и тамошнихъ образцовъ. Какъ человѣкъ образованный и умный, онъ старается о сохраненіи изящнаго вкуса на Стутгардской сценѣ, и борется противъ вторженія оперы и новой трагедіи.

МЮЛЛЕРЪ (Каролина, Müller) игр. съ 1830 г. на Придв. Т. въ Вѣнѣ молодыхъ любовницъ и кокетокъ.

МЮЛЛЕРЪ-БАХМАНЪ (Müller-Bachmann) игр. въ Дрезденѣ роли старухекъ, особенно комическихъ.

И.

НЕЙМАНЪ (Neumann), дочь знаменитой Г-жи Гайдингера, играетъ на Придв. Т. въ Вѣнѣ, но еще не вполне развилась для сцены.

НЕСТРОЙ (Nestroy) одинъ изъ лучшихъ Вѣнскихъ комиковъ, игр. на Театрѣ an der Wien; онъ извѣстенъ во всей Германіи комическими піесами, въ которыхъ презабавно изображены разныя Вѣнскія мѣстности. На Петербургской сценѣ извѣстны въ особенности двѣ его піесы: Der böse Geist Lumpacivagabundus, и Zu ebener Erde und Erster Stock.

П.

ПЕГНЕРЪ. (Вильгельмъ, Rögnér) басистъ при Лейпцигскомъ Театрѣ. Онъ сначала учился богословію, но перешелъ на театръ, и съ 1829 г. почти безвыѣздно поетъ въ Лейпцигѣ.

ПЕЛЛЕГРИНИ (Джулио, Pelligrini) знаменитѣйшій басистъ Мюнхенскаго Театра, род. въ Миланѣ, въ 1806 г. Уже на четырнадцатомъ году онъ владѣлъ полнымъ басомъ, и шестнадцати лѣтъ отъ роду поступилъ на Туринскій Театръ. Оттуда перешелъ онъ въ Италіанскую труппу въ Мюнхенъ, гдѣ поправился до того, что его пожелали сохранить и въ Нѣмецкой оперной труппѣ. Скоро выучился онъ по-Нѣмецки, и съ тѣхъ поръ составляетъ лучшее украше-

ніе Мюнхенской оперы. Онъ рѣдко попадалъ Мюнхенъ, и былъ лишь въ Венеціи и Лондонѣ, въ 1831 г.

Пекъ (Pöck), состоявшій при Брауншвейгскомъ Театрѣ, а нынѣ ангажированный къ Парижской Нѣмецкой Оперѣ, отличается сильнымъ баритономъ, переходящимъ почти въ теноръ. Онъ былъ прежде сего любимцемъ Вѣны и Праги. Онъ являлся на сцену и въ Берлинѣ, гдѣ его хотѣли было ангажировать, но не могли сойтись, по причинѣ безпокойнаго характера. Съ могущественнымъ голосомъ соединяетъ онъ атлетическую фигуру.

Петтерсъ (Юсифъ Карлъ, Peters), игр. въ Шверинѣ комическія роли, и прекрасно импровизируетъ.

Пехе (Pesche), одна изъ лучшихъ актрисъ Вѣнскаго Придв. Т., род. въ 1810 г., и въ дѣтствѣ, одѣтая въ костюмъ дикой, показывала по деревнямъ змѣй; въ первый разъ являлась она на сценѣ, въ числѣ хористокъ, на Кельнскомъ Театрѣ. Авг. Шлегель первый обратилъ на нее вниманіе; затѣмъ ее ангажировали въ Дармштадтѣ, потомъ въ Вѣнѣ, гдѣ она особенно отличается въ трогательныхъ и чувствительныхъ роляхъ.

Пецольдъ (Pezold) комикъ въ Стутгардѣ.

Пиксисъ (Францилла, Pixis) крестьянская дѣвушка изъ окрестностей Баденъ-Бадена, пѣвила голосомъ своимъ извѣстнаго фортепіаниста Пиксиса, которой ее повезъ въ Парижъ, гдѣ она образовалась въ пѣвицы подѣ руководствомъ лучшихъ учителей и даже самаго Россини. Фигура ея весьма невыгодна для сцены, но за то голосъ ея полонъ, звученъ, гибокъ, обширенъ. Въ игрѣ она подражаетъ знаменитой Малибранъ, но такъ какъ эта манера игры въ модѣ, то она имѣла повсюду въ Германіи, во Франціи и въ Англіи блистательные успѣхи. Въ послѣднее время блистала она и въ Неаполѣ и Палермѣ, гдѣ изъ за нее произошли многіе поединки. Слава ея, однако же, превышаетъ

собственный талантъ, и разнеслась преимущественно стараніями Пиксиса, расположившаго въ ея пользу Парижскихъ журналистовъ.

Пиршеръ (Pirscher), пѣвица въ Мангеймѣ, пріятной наружности и съ хорошимъ голосомъ. Она играла года полтора въ Берлинѣ, но не могла остаться на тамошней сценѣ за недостаткомъ таланта.

Полавскій (Polawsky) игр. въ Прагѣ комическія роли съ нѣподдѣльнымъ талантомъ.

Портъ (Фридрихъ Вильгельмъ, Porth) игр. въ Дрезденѣ, роли комическихъ и трагическихъ питригантовъ. Онъ замѣщаетъ утонченнымъ искусствомъ природные недостатки въ голосѣ и силѣ.

Р.

Раушеръ (Францъ, Rauscher) игр. въ Мангеймѣ и отличается прекраснымъ теноромъ, весьма хорошо обработаннымъ.

Регеръ (Reger) игр. въ Лейпцигѣ характерныя роли.

Редеръ (Räder) игр. въ Дрезденѣ, и до 1839 г. состоялъ при Гамбургскомъ Т.

Рейхель (Reichel), хорошій басснетъ съ сильнымъ голосомъ, не имѣетъ постоянного мѣстопробыванія.

Реттихъ (Юлія, Rettich) урожд. Глей, игр. на Придв. Т. въ Вѣнѣ, и принадлежитъ нынѣ къ лучшимъ артисткамъ для трагическихъ ролей. Она образовалась, подѣ надзоромъ Тика, въ Дрезденѣ, сначала для комедіи; потомъ пріѣхала въ Вѣну, и вышла тамъ за актера Реттиха въ 1839 г. Въ 1838 г. ѣздила она въ Англію, для изученія тамошняго театра. Она отличается выгодною наружностію и благопріятнымъ для сцены голосомъ, которымъ владѣетъ мастерски.

Рингельгардтъ (Фридрихъ Зебальдъ, Ringelhardt), директоръ Лейпцигскаго Театра, игралъ долгое время героическія роли, въ которыхъ даже прославился; нынѣ онъ является на сценѣ рѣдко.

Роттъ (Морицъ, Rott) игр. въ Берлинѣ

первыя роли; онъ род. 1796 г. въ Прагѣ. Большія матеріальныя средства, наружность, выгодная для героическихъ ролей, могущественный голосъ, составляютъ основныя достоинства трагической игры его, нерѣдко совершенно противорѣчащей истинѣ. Тамъ гдѣ требуется физическая сила, а не поэзія въ игрѣ, и во многихъ характерныхъ роляхъ, Роттъ отличенъ. Въ Фаустѣ, Лирѣ, Гуго у него бывають изумительныя минуты. Онъ вообще неровенъ въ игрѣ своей, и часто слишкомъ расточаетъ природныя средства. Во всякомъ же случаѣ, Роттъ замѣчательное явленіе въ драматической сферѣ.

Рютлингъ (Rüthling), игр. на Придв. Т. въ Берлинѣ комическія роли; къ его игрѣ, для полнаго наслажденія ею, должно привыкнуть, потому что онъ слишкомъ растягиваетъ свои шутки.

Т.

Тихачекъ (Іосифъ, Tichatchek) игр. въ Дрезденѣ, по прелести голоса и дарованіямъ, можно сказать, лучшій теноръ Германіи, род. въ 1810 г. въ Богеміи. Сначала назначался онъ въ медицину, но прекрасный голосъ его побудилъ посвятить театру. Учителемъ его былъ Чичимара. Онъ дебютировалъ въ Грецѣ, въ 1834 г., въ 1837 г. перешелъ въ Дрезденъ, и въ 1839 г. съ успѣхомъ пѣлъ въ Берлинѣ. Онъ избѣгаетъ въ пѣніи всякаго чрезмѣрнаго усиленія чувства, и этимъ превосходитъ Бадера, съ которымъ, впрочемъ, имѣетъ много общаго.

У.

Унгеръ (Каролина, Unger), одна изъ Нѣмецкихъ пѣвицъ, пользующихся извѣстностію и въ Италіи. Она род. въ 1800 г., дебютировала въ 1819 г. въ Вѣнѣ, на Т. у Каринтійскихъ Воротъ. Барбазъ, замѣтивъ ее, опредѣлилъ къ Италіанской Оперѣ, въ которой она пѣла вѣсть съ Г-жами Менвиель-Фодоръ и Зонтагъ. Въ 1825 г. поѣхала она въ Италію, гдѣ особенно отличалась въ оперѣ-буффѣ. Съ нѣкотораго времени она опятъ

возвратилась въ Германію, и не смотря на то, что ея голосъ уже слабѣетъ, имѣла многіе успѣхи, между прочимъ въ Дрезденѣ, въ 1839 г., гдѣ публика избалована пѣніемъ Г-жи Шредеръ-Девриентъ.

Фасманнъ (Августа, Fassmann), въ Берлинѣ; послѣ Шредеръ-Девриентъ величайшая нынѣшняя пѣвица для героическихъ ролей; она род. въ 1814 г., и посвятилась театру по страсти. Первые опыты ея происходили въ Нюрнбергѣ и въ Мюнхенѣ; потомъ, объѣздивъ Германію, въ 1833 г. явилась на Берлинской сценѣ, гдѣ оказала быстрые успѣхи подлѣ руководствомъ опытныхъ наставниковъ, и нынѣ занимаетъ блистательное мѣсто въ ряду современныхъ артистокъ.

Фишеръ (Fischer), имя знаменитое въ музыкальных лѣтописяхъ Германіи. Лудвигъ Фишеръ, родившійся въ 1742 г. въ Майнцѣ, родоначальникъ фамиліи, былъ знаменитѣйшій бассистъ своего времени, и умеръ въ 1825 г. въ Берлинѣ. Сынъ его, Іосифъ Фишеръ, приобрѣлъ не меньшую извѣстность. Онъ пѣлъ на всѣхъ сценахъ Европы, но уже покинулъ драматическое поприще за пятнадцать лѣтъ, и съ тѣхъ поръ состоялъ директоромъ многихъ театровъ въ Италіи. Нынѣ живетъ онъ въ помѣстьѣ жены своей, на Рейнѣ.

Вильгельмина Фишеръ, сестра его, и Анна Фишеръ, падчерица его, были также замѣчательныя пѣвицы своего времени. Последняя пѣла еще за нѣсколько лѣтъ предъ еимъ, въ Кадиксѣ и Севилѣ. Въ 1836 г. она возвратилась въ Германію, но уже не выходила на сцену.

Фишеръ, пѣвица въ Карлсруэ, жена прекрасной наружности, высокаго роста, съ сильнымъ, но не обработаннымъ голосомъ, годнымъ лишь для героическаго пѣнія. Ее не должно смѣшивать съ Г-жею Фишеръ-Ахтенъ, (Fischer-Achten), пѣвицею Брауншвейгскаго Театра, ангажированною нынѣ къ Нѣмецкой Оперѣ въ

Парижѣ. Г-жа Ф. Ахт. знаетъ музыку основательно, но ее можно упрекнуть въ нѣкоторой холодности въ игрѣ и въ пѣніи. У нее ровный сопрано, которымъ она мастерски владѣетъ. Она род. въ 1806 г. въ Вѣнѣ, дебютировала тамъ въ 1827 г., въ 1831 г. ѣздила въ Венгрію, и въ 1832 г. въ западную Германію, и была ангажирована во Франкфурѣ. Оттуда ѣздила она въ Берлинъ, и потомъ поступила въ Брауншвейгъ.

Фишеръ, бассистъ въ Берлинѣ, къ сожалѣнію не изучившій музыки основательно. Онъ долгое время пѣлъ въ Вѣнѣ, потомъ перешелъ къ Кенигштедтскому Театру, и наконецъ въ Оперный Т. въ Берлинѣ.

Фейстмантель (Feistmantel) нѣсколько однообразный, но оригинальный комикъ въ Прагѣ, особенно хорошій въ Вѣсскихъ народныхъ піесахъ.

Феппель (Förpel), отличный бассистъ и баритонъ въ Касселѣ, гдѣ и началъ свое поприще. Онъ потомъ являлся съ успѣхомъ на многихъ сценахъ Германіи. Хорошъ въ скороговоркахъ Итальянскихъ комическихъ ролей.

Феттеръ (Vetter), игр. въ Стутгартѣ и принадлежалъ, за нѣсколько лѣтъ, къ лучшимъ тенорамъ Германіи; игра его незавидная. Онъ долгое время находился въ Дармштадтѣ.

Фихтнеръ (Карлъ, Fichtner) игр. на Придв. Т. въ Вѣнѣ роли любовниковъ и весельчаковъ. Онъ мастеръ изображать тонъ хорошаго общества.

Фихтнеръ (Бетти), урожд. Кобервейнъ, род. въ 1815 г., супруга предыдущаго, играетъ въ однихъ піесахъ съ своимъ мужемъ, и не менѣе его отлична въ комедіи.

Фіаль (Vial), молодая пѣвица въ Мюнхенѣ, съ талантомъ, но и ложнымъ направлениемъ. Она сначала пѣла въ Туринѣ, въ 1835 г. явилась въ Берлинѣ, потомъ въ Вѣнѣ, вновь отправилась въ Италію, но ей тамъ уже не посчастливилось, и она возвратилась въ Германію.

Фіо-Шпицелеръ (Бетти, Vio-Spitzeder) устарѣвшая нынѣ пѣвица, въ свое время блистала въ Германіи на первомъ ряду для комическихъ партій. Она дебютировала въ Вѣнѣ, еще до появленія Г-жи Зонтагъ, замѣнила ее потомъ въ Берлинѣ, пѣла въ Мюнхенѣ, и нынѣ по большей части все разъѣзжаетъ.

Форти (Forti), род. въ 1785 г., былъ долгое время однимъ изъ знаменитѣйшихъ бассистовъ. Онъ болѣе всего пѣлъ въ Вѣнѣ, но извѣстенъ также и въ Италіи. Нынѣ онъ еще состоитъ при Оперномъ Театрѣ у Каринтійскихъ Воротъ въ Вѣнѣ.

Франкети-Вальцль (Franchetti-Va'zi) въ свое время знаменитая с пранистка, прославившаяся на многихъ театрахъ, нынѣ же, утративъ большую часть своихъ средствъ, поетъ въ Лейпцигѣ.

Фреймюллеръ-Лимбахъ (Freymüller-Limbach) молодая пѣвица, подающая большія надежды. Она дебютировала въ Лейпцигѣ, пѣла въ Берлинѣ, и нынѣ находится въ Нюримбергѣ.

Фрисъ (Fries) урожд. Шпицелеръ, игр. въ Мюнхенѣ первыя трагическія роли, и особенно отличается въ монологахъ.

Фрюауфъ (Августа, Frühauf) игр. по Франкфуртѣ сентиментальныя роли въ драмахъ съ большимъ совершенствомъ, и притомъ очень хорошая въ наивныхъ комическихъ роляхъ. Для первыхъ много содѣйствуетъ ей страдущее выраженіе лица ея, для вторыхъ какая-то плутовская черта около рта.

Фурнье (Антуанетта, Fournier), обыкновенно называемая Крезеръ - Фурнье, игр. на Прид. Т. въ Вѣнѣ; она являлась сначала въ Дрезденѣ, потомъ въ Берлинѣ; особенно хороша она въ роляхъ чувствительныхъ.

II.

Цпшке (Zschiesche) бассистъ въ Берлинѣ, род. въ 1799 г. обладающая могущест-

веннымъ голосомъ, вступилъ онъ сначала въ хористы, вскорѣ вышелъ и дебютировалъ въ Пестѣ въ 1820 году. Въ Вѣнѣ изучилъ онъ хорошіе образцы, и былъ ангажированъ въ Берлинѣ, гдѣ являлся на сценѣ въ самое блистательное время тамошней оперы, вмѣстѣ съ Г-жею Зонтагъ. Ему доступны все роды музыки, и онъ во всѣхъ ихъ отличенъ, начиная отъ серіозныхъ оперъ и отъ духовной музыки до студентскихъ пѣсень, въ которыхъ онъ неподражаемъ.

III.

Шарпфъ (Scharpf), хорошій баритонъ, но еще не вполне обработанный. Онъ поетъ въ Данцигѣ.

Шебестъ (Agnesa, Schebest), пѣвица, пользующаяся извѣстностію, которой она не заслуживаетъ. Она род. въ 1808 г., и дебютировала въ Дрезденѣ; затѣмъ пѣла на многихъ сценахъ, отправилась въ Итацію, и тамъ присвоила себѣ Италіанскую методу пѣнія. При звучномъ голосѣ, при дарованіи къ сценѣ, при увлекательныхъ минутахъ, она портитъ общій эффектъ *утрированіемъ* въ пѣніи и игрѣ. Отъ этого напряженія она истощила свои средства, и съ трудомъ можетъ выдерживать длинную партію въ оперѣ.

Шенкъ (Schenk) игр. въ Мюнхенѣ трагическія роли. Онъ образовался въ Дюссельдорфѣ по наставленіямъ писателя Иммерманна. Сами Нѣмцы, однако, сознаются, что онъ нѣсколько не развязенъ въ движеніяхъ на сценѣ. Супруга его очень хороша въ напвнхъ и чувствительныхъ роляхъ.

Шлегель (Луиза, Schlege) молодая пѣвица, подающая самыя блистательныя надежды. Она род. въ 1820 г., и съ перваго появленія на сценѣ въ Лейпцигѣ заслужила общее одобреніе, какъ въ отношеніи голоса, такъ и миловидной наружности. Въ 1839 и 1840 гг. пѣла она въ Берлинѣ als Gast, съ успѣхомъ, потомъ была ангажирована въ Гамбургъ, затѣмъ

въ Шверинѣ. Продолжая заниматься съ пытливымъ стараніемъ, она, безъ сомнѣнія, достигнетъ Европейской славы.

Шмецеръ (Schmetzer), пѣвецъ Брауншвейгскаго Театра, ангажированный къ Нѣмецкой Оперѣ въ Парижѣ, считается однимъ изъ лучшихъ теноровъ Германіи.

Шмидтъ (Морпцъ, Schmidt) первый теноръ Лейпцигскаго Театра, род. въ 1809 г. Основательно окончивъ образованіе свое, поступилъ онъ на сцену. Голосъ его пѣженъ и обработанъ.

Шмидтъ (Фридрихъ Лудвигъ, Schmidt), директоръ Гамбургскаго Театра, отличенъ въ старинныхъ драмахъ, и извѣстенъ также разными драматургическими сочиненіями.

Шнейдеръ (Луи, Schneider) комикъ и теноръ-буффъ при Кор. Т. въ Берлинѣ, человекъ, основательно образованный въ Университетахъ, и знающій все главные Европейскіе языки (онъ преподаетъ Русскій языкъ въ Военномъ Училищѣ). Онъ обладаетъ драгоценнымъ собраніемъ портретовъ, книгъ, документовъ и рѣдкостей, относящихся къ драматическому искусству. Шнейдеръ извѣстенъ также многими театральными піесами (Fröhlich и пр.); онъ сотрудникъ Театральной Энциклопедіи, и написалъ нѣсколько романовъ.

Шоберъ (Schober), Вѣнскій пѣвецъ съ сильнымъ баритономъ. Его называютъ часто Вѣнскимъ Лаблашемъ, хотя онъ не можетъ похвалиться и тѣнію методы этого пѣвца.

Шоберлехнеръ (Schober'echner), одна изъ лучшихъ нынѣшнихъ пѣвицъ, род. въ Петербургѣ; она дочь контрабассиста далль-Окка. Вышедъ замужъ за фортепианиста Шоберлехнера, она поѣхала съ нимъ путешествовать, и обработавъ прелестный, звучный и притомъ нѣжный голосъ свой, повсюду заслужила общее одобреніе. Въ 1826 г. она соперничествовала, въ Берлинѣ, съ Г-жею Зонтагъ. Затѣмъ, была она ангажирована къ Италіан-

ской Оперѣ въ Петербургѣ, и по уничтоженіи этой Оперы отправилась въ Италію, гдѣ донынѣ составляетъ украшеніе Театра ла-Скалы, въ Миланѣ. Въ 1838 г. пріѣзжала она лѣтомъ въ Петербургъ, и дорогою пѣла въ Вѣнѣ.

Шольцъ (Scholz), комикъ Вѣнскаго Театра an der Wien, неподражаемый въ Вѣнскихъ народныхъ фарсахъ, нестоимый въ придумываніи каламбуровъ и острогъ, и возбуждающій общій хохотъ однимъ появленіемъ своимъ на сцену.

Шредеръ-Девриентъ (Вильгельмина, Schröder-Devrient) извѣстная пѣвица въ Дрезденѣ, дочь знаменитой актрисы Софіи Шредеръ, покинувшей уже театръ. Она соединяетъ дарованія пѣвицы съ блистательнымъ драматическимъ талантомъ, и можетъ занять высшую степень нежду всѣми артистками. Въ пластическомъ отношеніи ея движеній и позъ она соперничествуетъ съ Г-жею Крелингеръ въ отношеніи гениальности, а въ пламенныхъ сценахъ, безспорно, превосходитъ ее. Въ 1823 году вышла она, въ Дрезденѣ, за актера Карла Девриента, и присоединила съ своему славному имени не менѣе замѣчательную фамилію Девриентъ. Но высокіе таланты рѣдко соединяются съ качествами, нужными для счастливаго брака, и она развелась съ мужемъ своимъ въ 1828 году. Г-жа Шредеръ-Девриентъ, извѣстная на всѣхъ сценахъ Германіи, пѣла и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ.

Штаудигль (Іосифъ, Staudigl), игр. въ Вѣнѣ, род. въ 1807 г. Онъ съ юности отличался отличнымъ голосомъ, но расположенія въ немъ было гораздо болѣе къ рисованію, нежели къ музыкѣ. Въ послѣдствіи посвятился онъ духовному званію, но оно ему вдругъ опротивѣло, и онъ занялся хирургіею. Крайне стѣсненное положеніе привудило его, бросивъ хирургію, вновь приняться за музыку, и онъ поступилъ въ хористы, въ Вѣнѣ. Вскорѣ развился талантъ его, и однажды принявъ на себя партію Піетро

(въ Фенеллѣ) за болѣзнію другаго актера, онъ такъ понравился публикѣ, что началъ появляться и въ другихъ роляхъ. Нынѣ онъ принадлежитъ къ числу лучшихъ бассистовъ, и умѣлъ уклониться отъ порчи новѣйшей методы

Штихъ (Stich), двѣ сестры, Берта и Клара, дочери знаменитой Г-жи Крелингеръ, отъ перваго ея брака, игр. въ Берлинѣ. Обѣ онѣ наслѣдовали драматическимъ талантомъ отъ матери своей, хотя избрали совершенно другой родъ ролей.

Штубенгаухъ (Stubenrauch), первая трагическая актриса въ Стутгартѣ, равняется достоинствами съ лучшими артистками Германіи. Игра ея исполнена классической простоты, точности и величія.

Шубертъ (Машенька, Schubert) урожд. Шнейдеръ, замѣчательная пѣвица въ Дрезденѣ, род. въ Ригѣ. Она образовалась въ Парижѣ у знаменитой Бордоньи, и послѣ появленія на Парижской и Лондонской сценахъ пріѣхала въ Берлинъ, пѣла нѣсколько разъ, но была ангажирована въ Дрезденѣ, гдѣ вышла замужъ за концертиста Шуберта.

Шюцъ (Софія, Schütz), урожд. Гёффертъ, жена Брауншвейгскаго актера, хороша въ чувствительныхъ роляхъ.

Э.

Эйхбергеръ (Eichberger), теноръ въ Берлинѣ, начавшій поприще свое въ Пестѣ, и потомъ являвшійся въ Вѣнѣ. Блистательный періодъ его продолжался до 1836 года, когда онъ былъ въ Лейпцигѣ. Онъ красивъ собою и отличенъ въ героическихъ роляхъ.

Эльменрейхъ (Фридриха, Elmenreich) урожд. Брандель, игр. во Франкфуртѣ; она род. въ 1775 г. была сначала пѣвицею, но съ 1811 г. перешла къ ролямъ пожилыхъ женщинъ. Она извѣстна нынѣ преимущественно переводами множества оперъ съ Италіанскаго и Французскаго.

Энггаусъ (Христина, Enghaus) род. въ 1817 г., игр. на Придв. Т. въ Вѣнѣ. Она

отлична въ чувствительныхъ роляхъ; хороша, однако, также, въ героическихъ піесахъ.

Эрк (Гульда, Erck) игр. на Кор. Т. въ Берлинѣ роли любовницъ и преимущественно горничныхъ; игра ея нѣсколько изысканна.

Эгль (Францъ, Egl) хорошій теноръ въ Вѣнѣ, род. въ 1810 г. Онъ образовался на тамошнемъ оперномъ театрѣ, перешелъ въ Берлинъ, а оттуда опять возвратился въ Вѣну. Въ игрѣ и пѣніи онъ нѣ-

сколько придерживается новой методы, т. е. *утрируетъ* свои роли.

Эслеръ (Фердинандъ, Esslair) достойный ветеранъ Нѣмецкаго Театра, нынѣ находится уже на пенсіи. Онъ род. въ 1772 г. и происходитъ изъ древней рыцарской фамиліи. Последнее художественное путешествіе предпринялъ онъ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, и восхитилъ всю Германію остатками, руинами своего необыкновеннаго таланта, отличавшагося особенно чрезвычайною непринужденностію и натурою.

ТЕАТРЫ ВЪ ВЕНЕЦІИ.

Въ *bella Venezia* считается пять или шесть театровъ, въ главѣ которыхъ, конечно, должно поставить *благородный театръ Феникса*, *il noble teatro de la Fenice*. Великолѣпный театръ сей, кажется, нарочно названъ былъ такимъ именемъ: строители его, руководствуясь почти неоспоримою истиною, что всякому театру суждено сгорѣть рано или поздно, положили за неперемѣнное воскресить театръ изъ пепла, въ случаѣ несчастія. Предчувствіе это оправдалось нѣсколько лѣтъ тому назадъ, незадолго передъ днемъ Св. Стефана, днемъ знаменитымъ въ лирическихъ лѣтописяхъ Италіи, ибо въ этотъ день открывается ежегодно театральная пора, извѣстная подъ названіемъ *карнавала*. Пожаръ начался внутри Феникса, и черезъ нѣсколько часовъ остались отъ огромнаго зданія четыре стѣны. Ослѣпительная позолота, изящная драпировка, превосходная декора-

ція, все было пожрано пламенемъ, все превратилось въ страшную кучу угля и пепла, изъ которой Венеціане поспѣшили воскресить лирическаго феникса. Дѣйствительно, въ продолженіе девяти мѣсяцевъ, Медуна, архитекторъ, извѣстный своимъ вкусомъ, талантомъ и неутомимостію въ трудѣхъ, успѣлъ воздвигнуть двѣсти удобныхъ ложъ, акустическій куполъ, украсить корридоры мраморомъ, покрыть стѣны свѣжею живописью и золотыми арабесками. Городъ не жалѣлъ денегъ, и тѣмъ доказалъ свою старинную любовь къ искусству.

Въ настоящее время, Фениксъ есть одинъ изъ роскошнѣйшихъ театровъ Италіи, и если уступаетъ Миланскому *la Scala* и Неаполитанскому Санъ-Карло огромностію размѣровъ, то уже безъ всякаго сомнѣнія превосходитъ ихъ свѣжестью, блескомъ, какою-то веселостію; его прелестная зала, при половинномъ количествѣ

зрителей, кажется гораздо оживленнѣе сравнительно съ большимъ театромъ, наполненнымъ сверху до низу. Освѣщеніе Феникса блестящее, что весьма важно въ Италіи, гдѣ еще многіе театры довольствуются полутѣнью лампъ, находящихся на авансценѣ, и огнемъ черныхъ глазъ Италіяннокъ.

Въ залахъ Италіянскихъ театровъ нѣтъ различныхъ рядовъ галерей и балконовъ, которые отдѣляютъ ярусы ложъ, или находятся возлѣ нихъ. Ложы расположены одна возлѣ другой этажами, въ родѣ одинаковой величины рамокъ, гдѣ красуются благородныя Венеціанки, знаменитыя по своимъ роскошнымъ волосамъ; въ ихъ глазахъ еще отражаются послѣдніе лучи южнаго солнца, которымъ онѣ любовались съ мраморныхъ балконовъ. Настоящая галерея картинъ, писанныхъ Тиціаномъ, Тинторетомъ, Джіорджіономъ и старымъ Пальмою. Если вы обратитесь съ вопросомъ къ угодливому чичероне, онъ, какъ живая программа, отмѣтитъ вамъ каждую рамку, то есть каждую ложу, звучнымъ патриціанскимъ именемъ Золотой Книги Италіи.

«Въ минувшемъ Апрѣлѣ, говоритъ одинъ путешественникъ, я видѣлъ въ Фенисе, въ главѣ аристократическаго общества, Мочениго, потомка нѣсколькихъ дождей. Должность импрезарія взялъ на себя Графъ Камилло Гритти, одинъ изъ любезнѣйшихъ аристократовъ. Изъ любви къ искусству, онъ щедро платитъ избраннымъ артистамъ, и нынѣшнею весною нарочно открылъ театръ лучшими операми-буффо. Между пѣвцами, особенно отличался теноръ Милези, а между пѣвицами предестная примадона, синіора Тавола. Вообще, вся труппа была очень хороша. Балетъ Виотти, извѣстнаго хореографа, нашелъ достойныхъ исполнителей въ танцовщицѣ Коппини и въ молоденькой Монти. Танцовщица Виганони пріѣзжала изъ Милана попорхать въ легкомъ газѣ передъ лорнетами Венеціанъ. Публика тѣмъ доволь-

нѣе была Графомъ Гритти, что театръ обыкновенно господствуетъ въ Венеціи зимою, и весенній лирический праздникъ былъ неожиданный.»

Съездъ и разъездъ лучшей Венеціанской публики представляетъ иностранцу оригинальную, поэтическую картину; онъ не видитъ опаснаго столкновенія экипажей, старающихся опередить другъ друга при выходѣ изъ театра зрителей: въ Венеціи, высшее общество отправляется въ спектакль водою, слѣдовательно, гондоліеры замѣняютъ здѣсь несносныхъ лакеевъ, а гондолы кареты. Фениксъ имѣетъ два входа, одинъ для пѣшихъ посѣтителей, живущихъ въ смежныхъ улицахъ, другой обращенъ къ каналу. Пѣшіе входятъ съ фасада; гондолы пристають къ задней части театра, къ большой мраморной пристани, полированные ступени которой омываются голубыми волнами. Любопытно, передъ началомъ спектакля, смотрѣть на черныя гондолы, когда онѣ, управляемыя ловкими гребцами, скользятъ по каналу, какъ угри въ садкѣ. Корма гондолъ, по преданію приписываемая кораблю Улисса, имѣетъ форму водорѣза древней Аѳинской галеры; гондоліеры одѣты по цвѣту ливреи владѣльца, который обыкновенно сидитъ въ черной каютѣ, по срединѣ судна. Водоходный экипажъ освѣщается небольшою лампою. Теперь представьте себѣ, что изъ этихъ гондолъ выпархиваютъ на широкую мраморную галерею поэтическія Венеціанки, одѣтыя по Парижскимъ журналамъ, и заключающія всю политику въ лентахъ и кружевахъ.... Но надобно сознаться, что Венеція такой городъ, о которомъ ни картины, ни книги, ни рассказы не могутъ дать надлежащаго понятія...

Изъ оперъ, нарочно написанныхъ для Фениче, должно, между прочими, упомянуть о наиболѣе извѣстныхъ: *Семирамидѣ*, Россини; *Капулетти и Монтеки*, Беатрисъ ди Тенда, Беллини; *Маріи Руденцъ*, Велисаріи, Дондизетти; *Роземон-*

дъ, Коччин; Франческ ди Римини, Джерала; *Дуэсъ Соперникахъ* (I due Rivali), Меркаданти; *Гастонъ Фуа*, Персиани. Прошедшею зимою, Паччини отдалъ *Герцога Альбу*, а молодой маэстро Ферари *Кандіано IV*, сочиненіе, принятое весьма благосклонно, какъ доказательство новаго музыкальнаго таланта въ Италіи. Либретто обѣихъ оперъ принадлежитъ поэтическому перу молодого Венеціанца, Перуцини.

Зала театра Фениче весьма хороша въ акустическомъ отношеніи, и въ зимнее время театръ сей стоитъ на равной степени съ первоклассными театрами Италіи. Въ послѣдній сезонъ здѣсь пѣли Моріани и Колетти, а на будущій Графъ Гритти, если останется импрезаріемъ, обѣщаетъ много улучшеній. На три карнавалы мѣсяца, городъ отпускаетъ изъ своихъ суммъ до ста двадцати тысячъ рублей.

Къ второстепеннымъ театрамъ Венеціи принадлежатъ Санъ-Бенедетто, Аполлонъ и Санъ-Самуэле. Театръ Аполлона назывался прежде Санъ-Лукка, а четвертый Санъ-Джіовани Кризостомо, то есть всѣ четыре театра имѣли своихъ патроновъ.

Театръ Галло, или Санъ-Бенедетто, великъ, довольно благодѣенъ, но безъ гармоніи. Здѣсь давали недавно двѣ оперы: *Gemma di Vergy* и *Elena da Feltre*, въ которыхъ публика аплодировала сопрану Левѣ (Leva), достойному быть и на сценѣ Фениче.

Театръ Аполлона ожидалъ Французскую труппу, управляемую Долиньи, гдѣ находится красавица Креси (Anais Cresci), замѣчательная актриса, которая вскорѣ поступитъ на одинъ изъ главныхъ театровъ Парижа.

Театръ Санъ-Самуэле снятъ Графомъ Гритти на пять лѣтъ. Это былъ театръ народный, убѣжище эквилибристовъ, силачей, шукарей; здѣсь, зрители кушали апельсины и устрицы во время антрак-

товъ, а быть можетъ и во время игры, потому что на сценѣ появлялись отрывки народной гастрономіи. За входъ платили по пяти копѣекъ на наши деньги, и по сѣтителей собиралось такъ много, что одинъ странствующій импрезаріо являлся каждую зиму съ своею жалкою труппою. Предъ началомъ пьесы, онъ обращался къ публикѣ съ слѣдующимъ привѣтствіемъ: «Вотъ и я, друзья мои! Мы вездѣ умирали съ голода; нигдѣ не могли мы нажить ни копѣйки, но теперь я прибѣгаю къ вамъ, для уплаты долговъ!» Публика платила долги несчастнаго импрезаріа, пожирала яблоки, пила Фріульское вино и слушала сценическій вздоръ. Теперь все это кончилось; чернь переселилась въ другой театръ, а Санъ-Самуэле Графъ Гритти намѣренъ возвысить на степень лирической сцены, то есть, сдѣлать изъ него родъ консерваторіи для пѣнія.

Театръ Санъ-Джіовани Кризостомо, послѣ пожара перестроенный подъ именемъ *Teatro Emoronitio*, чтобы тѣмъ указать на его сугубое предназначеніе, дневное и ночное, производилъ удивительныя дѣла въ то время, когда Малибранъ находилась въ Венеціи. Содержатель, бѣднякъ, обремененный семействомъ, осмѣлился попросить знаменитую пѣвицу спѣть одинъ разъ на его театрѣ, зная, что сборъ въ этотъ вечеръ будетъ равняться обыкновеннымъ двадцати сборамъ. Марія Малибранъ не отказала бѣдному Венеціанцу: она пѣла не одинъ, но три или четыре вечера сряду.... Дѣла импрезаріа удивительно какъ поправились; изъ благодарности театръ былъ названъ *Teatro Malibran*. Подъ такимъ названіемъ, онъ до сихъ поръ отворяетъ свои гостепріимныя двери всѣмъ фокусникамъ, всѣмъ тощимъ геркулесамъ, легко поднимающимъ бумажныя гири.

Странна архитектура этого театра, впрочемъ довольно обширнаго: размѣщеніе ложъ уподобляетъ его лавкѣ кон-

дителя; высокія окна въ куполѣ даютъ достаточный свѣтъ для дневныхъ представлений; стюковые переходы весьма красивы и просторны; полъ, какъ почти во всѣхъ Италіянскихъ зданіяхъ, выстланъ грубою мозанкой, мраморной и гранитной. Въ антрактахъ, поварь разноситъ

зрителям жареныя сардинки, а зрители
здѣшніе состоятъ изъ гондоліеровъ, ры-
ночныхъ торговцевъ, солдатъ и предста-
вительницъ черни.

Въ Венеціи есть, сверхъ того, нѣ-
сколько театровъ маріонетокъ.

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

Въ теченіе времени отъ выхода послѣдней книжки Репертуара и Пантеона и до сихъ поръ, сцена наша обогатилась десятию новыми пьесами, данными въ три бенефиса, Г-жи Дюръ и Г-дъ Каратыгина 2-го и Максимова 1-го. Скажемъ о каждомъ изъ бенефисовъ по порядку нѣсколько словъ.

Репертуаръ Русскаго Театра былъ одинъ изъ первыхъ, привѣтствовавшихъ громко прекрасное дарованіе Г-жи Дюръ, когда она только что поступила на сцену, и когда нѣкоторые строгіе критики смотрѣли на молодую дебютантку безъ ободрительнаго снисхожденія, требуя отъ артистки, начинающей свое поприще, того, чего можно требовать только отъ опытной, въ теченіе многихъ лѣтъ успѣвшей ознакомиться со сценою актрисы. Радуюсь постоянно успѣхамъ Г-жи Дюръ, Репертуаръ Русскаго Театра не могъ не раздѣлить со всѣми любителями театра и безпристрастными цѣнителями дарованій — душевнаго удовольствія при извѣстіи о бенефисѣ молодой артистки: никогда бенефисъ, какъ награда и какъ поощреніе, не могъ быть назначенъ такъ прилично: Г-жа Дюръ, благодаря пламенной любви своей къ искусству, неутомимому усердію, съ какимъ она изучаетъ его, менѣе чѣмъ въ два года успѣла чрезвычайно много! Посмотрите, какъ съ каж-

дымъ разомъ, съ каждою новою ролью, она идетъ впередъ, сдружается со сценою, овладѣваетъ своимъ искусствомъ! Мы не говоримъ о мимикѣ, которая у этой артистки всегда была доведена до высокой степени искусства; посмотрите, что она сдѣлала съ своимъ голосомъ, какъ сумѣла покорить его, модулировать, смотря по оттѣнку чувствъ, по выраженію страсти! А овладѣть своимъ голосомъ, сдѣлать его способнымъ ко всѣмъ переливамъ чувства, умягчить его до нѣжности, усилить до выраженія бурной страсти, со всѣмъ разнообразіемъ мысли и чувствованія, это трудная задача для артиста, такая задача, которая для нѣнкихъ составляетъ предметъ усилій цѣлой жизни.... Честъ и хвала нашей молодой прекрасной артисткѣ, которая теперь находится въ полномъ цвѣтѣ силъ: нѣтъ сомнѣнія, любовь къ искусству въ ней не охладѣетъ, а при этомъ условіи, она, конечно, пойдетъ далеко и очень далеко!

Такія мысли возбудила въ насъ игра Г-жи Дюръ въ роли Христины, въ пьесѣ того же названія, переведенной съ Нѣмецкаго П. Г. Ободовскимъ. Никогда талантъ Г-жи Дюръ не выказывался съ такой блистательной стороны, какъ въ этотъ разъ: и именно въ этотъ разъ вполне можно было убѣдиться, какой замѣчательной артисткой Русская сцена обладаетъ

въ лицѣ ея.... Нельзя не поблагодарить почтеннаго переводчика Христины, за то, во-первыхъ, что онъ такъ радушно пожертвовалъ трудомъ своимъ для талантливой бенефициантки, а во-вторыхъ, что онъ выбралъ именно такую пьесу и такую роль, въ которой Г-жа Дюръ имѣла возможность въ новомъ блескѣ выказать свое дарованіе....

Не станемъ рассказывать содержанія Христины, которой надѣмся украсить одну изъ слѣдующихъ книжекъ нашего изданія.

Настенька, провинціальныя сцены Н. А. Коровкина, набросаны бойко и живо. Сцены эти, безъ претензій на комедію-водевиль, какъ обыкновенно наши доморощенные Скрибы называютъ свои произведенія, представляютъ много забавнаго, вѣрно снятаго съ натуры. Дѣло все въ томъ, что нѣкто Тарасъ Ивановичъ, провинціалъ, отецъ трехъ дочерей, хлопочетъ о томъ, чтобы пристроить послѣднюю изъ нихъ, любимую дочь свою Настеньку. Онъ избираетъ себѣ въ свѣхъ Марью Ивановну, содержательницу гостиницы, къ которой отпускаетъ погостить свою Настеньку; планъ очень замысловатый, какъ изволите видѣть: въ гостиницѣ бываетъ много пріѣзжихъ, а между ими въ особенности много холостыхъ людей, помѣщиковъ, военныхъ.... Марья Ивановна, женщина умная и бойкая, какъ разъ сыскала жениха Настенькѣ, въ лицѣ молодого, богатаго, такъ говорятъ, помѣщика Хуторскаго, который пріѣхалъ въ городъ по своему процессу, весьма значительному, и, что лучше всего, уже приходящему къ концу. Амуръ успѣлъ изъ глазъ Настеньки пустить стрѣлу въ сердце Хуторскаго. Марья Ивановна торжествуетъ и, въ отсутствіи Хуторскаго, съ гордостію испрашиваетъ у Тараса Ивановича руки его дочери для Хуторскаго, но каково жъ ея удивленіе, когда Тарасъ Ивановичъ рѣшительно говоритъ, что онъ и слышать не хочетъ про этотъ бракъ, по-

тому что Хуторскій вовсе не богатый чело-вѣкъ, и, къ довершенію всего, проигралъ свой процессъ. Но вдругъ, въ самомъ разгарѣ неудовольствій и шума съ обѣихъ сторонъ, является Хуторскій, и объявляетъ, что онъ купилъ новое имѣніе, подѣ самымъ городомъ. Тарасъ Ивановичъ перемѣняетъ тонъ, и, по первому слову Хуторскаго, отдаетъ ему Настеньку въ вѣчное и потомственное владѣніе. Эти провинціальныя сцены очень мило были разыграны Г-жею Гусевою и Г-ми Мартыновымъ и Каратыгинымъ вторымъ.

Бенефисъ Г-жи Дюръ заключился фарсомъ неизвѣстнаго сочинителя, подѣ названіемъ *Фонарь*. Въ этой пьесѣ дѣмъ съ фонаремъ не сыщешь ни искорки здраваго смысла.

Вслѣдъ за Христиной, П. Г. Ободовскій отдалъ на сцену свою оригинальную драму въ стихахъ: *Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій*, въ пяти дѣйствіяхъ, съ прологомъ, который называется *Сдача Кексгольма*. Содержаніе этой драмы взято изъ той самой эпохи, изъ которой заимствовано содержаніе Скопина-Шуйскаго Н. В. Кукольника; и здѣсь также на сценѣ Князь Скопикъ-Шуйскій (главное лице), Князь Дмитрій Шуйскій, жена его Екатерина (отравительница Князя Скопина-Шуйскаго), Прокопій Ляпуновъ, и н. др.; въ этой драмѣ также Ляпуновъ выставленъ съ облагороженной стороны, горячимъ патріотомъ; и здѣсь онъ возстаеъ противъ законной власти, предлагаетъ престолъ Князю Скопину-Шуйскому, который велитъ — не *повѣсить* Ляпунова, какъ у Г-на Кукольника, а взять его подѣ стражу; и въ этой драмѣ, наконецъ, Екатерина отравляетъ на пиру у себя Скопина-Шуйскаго; у Г-на Ободовскаго введено новое лице — Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій, и сверхъ того четырнадцатилѣтній сынъ Екатерины, Георгій, который отравляется изъ одной чаши съ Скопинымъ, что подаетъ

поводъ къ нѣсколькимъ эффектнымъ сценамъ, превосходно переданнымъ А. М. Каратыгиною (Екатерина Шуйская, изъ рода Малиуты Скуратова).

Въ драмѣ Г-на Ободовскаго, написанной прекрасными стихами, есть нѣсколько сценъ превосходныхъ, и мы думаемъ, что въ чтеніи она выиграетъ больше, нежели на сценѣ, гдѣ именно остаются незамѣченными поэтическія блески, разсѣяныя во всей пьесѣ. Изъ артистовъ и артистовъ, участвовавшихъ въ этой пьесѣ, были превосходны А. М. Каратыгина и Г-нъ Брянскій. (Проконій Ляпуновъ); роль Царя Василія Шуйскаго очень безцвѣтна, а потому В. А. Каратыгинъ ничего не могъ изъ нея сдѣлать. Роль Скопина-Шуйскаго сыгралъ Г. Громоу, весьма плохо..

Брюза, небольшой, но очень милый и забавный водевилъ, передѣланный П. А. Каратыгинымъ изъ Французскаго водевиля *l'Humoriste*. Есть люди страннаго характера—и они встрѣчаются довольно часто; безъ всякой причины, безъ всякаго повода, они вѣчно недовольны и другими, и самими собою; это люди ума недалняго, лишены всякой энергіи, не имѣющіе никакой страсти, ни какой привязанности и ни какой силы воли; такіе люди бываютъ въ тягость другимъ и еще болѣе въ тягость себѣ. Таковъ-то Максимъ Петровичъ Недовольный, введенный Г-мъ Каратыгинымъ, въ его водевилѣ. Сначала онъ хочетъ ѣхать на обѣдъ къ своей тещѣ, и сердится на жену, что та не одѣвается; жена торопится и черезъ нѣсколько минутъ является одѣтая, онъ сердится, зачѣмъ она торопится, и пр. и пр. Можете изъ этого понять, сколько забавныхъ сценъ въ состояніи извлечь изъ такого характера человѣкъ съ талантомъ, какъ водевилистъ и какъ актеръ? Г-нъ Каратыгинъ и въ томъ, и другомъ отношеніяхъ исполнилъ дѣло свое превосходно. Г-нъ Мартыновъ сыгралъ роль слуги Семена съ неподражаемою натурою и искусствомъ.

Три звѣздочки, водевилъ переведенный

съ Французскаго П. А. Каратыгинымъ, имѣлъ на Русской сценѣ болѣе успѣха, нежели за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ на Французской сценѣ, гдѣ такіе водевили разыгрываются всегда въ совершенствѣ. Но дѣло въ томъ, что Г-нъ Каратыгинъ, какъ талантливый переводчикъ, много придавъ занимательности этому водевилю своими куплетами и каламбурами. А къ тому же онъ былъ прекрасно разыгранъ Г-ми Сосницкимъ, Каратыгинымъ 2-мъ, Максимовымъ и Мартыновымъ. Содержаніе этого водевиля заключается въ томъ, что Г-жа Амалия Лаферьеръ, въ разное время, имѣла три *романическія* страсти, одну къ Капитану, другую къ Эдуарду де Мельвилу и третью къ своему кузену Феликсу; со всѣми обожателями своими читала она Ламартина, мечтала о лунѣ, и съ каждымъ выбирала на небѣ *звѣздочку*, на которую страстно влюбленные должны были смотрѣть въ разлукѣ, вспоминая другъ о другѣ. Разумѣется, эти всѣ любовники подъ конецъ сходятся и объясняются, и съ тѣхъ поръ Г-нъ Лаферьеръ, мужъ романической Амалии, остается покойникъ.

Бенефисъ Г-на Максимова привлекалъ любителей театра именемъ юпой дебютантки, молодой супруги бенефицианта, плѣнявшей прежде Петербургскую публику на сценѣ Большаго Театра, въ балетахъ и танцахъ.

Бенефисъ начался драмой *Неровный бракъ*, старой престарой пьесой, игранной давно уже на нашей сценѣ, но теперь вновь преведенной К. В-ромъ. У Французовъ она называется *La famille Riquebourg*. Въ этой драмѣ новаго были одни только куплеты, соч. П. С. Федорова. Роли Г-жи Рикенбургъ и племянника ея Жоржа, очень хорошо были исполнены, первая Г-жею Дюръ, а вторая Г-мъ Самойловымъ.

Обойщикъ, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. Баяра и Дюмануара, не безъ занимательности, хотя и отзывается скоро-

спѣлой Французской стряпней. Элиза Дидье, молодая вдова, страстно влюбленная потомъ въ Эдуарда Мориньи, узнавъ, что сей послѣдній измѣнилъ и женится на другой, рѣшается сама выйти замужъ за Г-на Дюваля, человѣка уже довольно пожилаго, но умнаго, добраго, благороднаго и богатаго. Уже назначенъ день свадьбы.... Вотъ наступаетъ роковая минута, когда женихъ съ невѣстой готовы отправиться въ церковь, какъ вдругъ передъ лице изумленной Элизы предстаетъ Эдуардъ Мориньи: онъ не женатъ, онъ поссорился съ родными, припуждавшими его жениться противъ воли, отказался отъ наслѣдства, и сломя голову спѣшилъ къ своей возлюбленной, которая прежде дала ему слово выйти за него замужъ. И онъ требуетъ настоятельно, чтобъ это слово было исполнено!... Увы! судьба Элизы уже рѣшена.... Слышны шаги въ другой комнатѣ: это женихъ ея, Дюваль, который идетъ, чтобы вести ее въ церковь. Эдуардъ упрямивается, умоляетъ спрятать ея, и онъ бѣжитъ въ спальню новобрачныхъ: всѣ удаляются.... Онъ выходитъ изъ спальни.... «Она будетъ моею!» восклицаетъ онъ, и съ этимъ словомъ удаляется....

Никто его не видалъ въ эту минуту, никто не слышалъ, кромѣ одного обойщика, молодого мальчика, который въ это время работалъ въ той комнатѣ, и спѣлъ, какъ Эдуардъ вышелъ изъ спальни новобрачныхъ. Артуръ—такъ звали этого обойщика—не проронилъ ни одного слова, не просмотрѣлъ ни одного движенія Эдуарда, и съ этой минуты онъ какъ тѣнь слѣдитъ за нимъ... Новобрачные переезжаютъ въ свою деревню, чтобы провести тамъ медовый мѣсяцъ; Эдуардъ, какъ старинный пріятель Дюваля, успѣваетъ втереться въ домъ его; онъ раздуваетъ еще непогаснувшую страсть въ душѣ Элизы, онъ передаетъ ей письма, требуетъ свиданія, хочетъ увезти ее, но Артуръ здѣсь, на стражѣ, онъ слѣдуетъ шагъ за шагомъ за

Эдуардомъ, и разрушаетъ всѣ его планы, всѣ намѣренія, всѣ дѣйствія... Дюваль замѣчаетъ перемѣну въ характерѣ своей молодой жены: она груститъ, избѣгаетъ свиданія съ нимъ, онъ видитъ, что какая-то тайна тяготитъ ея сердце. . Въмѣстѣ съ этимъ онъ замѣчаетъ, что обойщикъ какъ-то странно ведетъ себя, прибѣгаетъ запыхавшись изъ Парижа, за пѣсколко миль, отвѣчаетъ таинственно на его вопросы, и проч. и проч. Все это возбуждаетъ его подозрѣнія... Онъ думаетъ, ужъ не Артуръ ли смущаетъ покой жены его? Случай какъ будто подтверждаетъ его подозрѣнія: онъ застаётъ Артура наединѣ съ его женой, жарко объясняющегося—и сердце его пылаетъ яростію: онъ проклинаетъ, выгоняетъ изъ своего дома Артура, юношу, имъ облагодѣтельствованнаго, имъ вскормленнаго, воспитаннаго, любимаго, однимъ словомъ, Артура, который есть никто иной, какъ сынъ его, плодъ его любви къ одной незнатной женщинѣ... О, такое подозрѣніе, такой поступокъ, тяжелы для бѣднаго Артура: онъ собираетъ послѣднія силы, чтобы навсегда разорвать связь Эдуарда съ Элизой, и для этого пользуется случайно попавшеюся въ руки его запискою, которую передаетъ онъ Элизѣ, и которая открываетъ ей глаза, что Эдуардъ повѣса, мотъ, игрокъ, развратный юноша, который нисколько ее не любилъ, и хотѣлъ жениться лишь на богатствѣ ея. Эдуардъ вышелъ изъ себя: смертная дуэль назначена между нимъ и Артуромъ... Но для дуэли нужно имя, а у Артура нѣтъ его, и онъ рѣшается назваться именемъ Дюваля.... Пока происходитъ дуэль и Дюваль видится съ женой, та раскаивается передъ нимъ, открываетъ все, оправдываетъ Артура, и Дюваль, въ восторгѣ, со слезами объявляетъ ей, что это сынъ его, объявляетъ въ ту самую минуту, когда раненый Артуръ прибѣгаетъ умолять его о прощеніи въ томъ, что передъ дуэлью назвался его именемъ.

Артуръ, сынъ мой! восклицаетъ Дюваль: ты съ честію поддержишь это имя, и я навсегда даю тебѣ его!..
Завѣса падаетъ.

Повторяемъ, въ этой пьесѣ есть много живыхъ, превосходныхъ сценъ, и она имѣла полный успѣхъ, благодаря прекрасной игрѣ Г-жи Каратыгиной и Г-дѣ Каратыгина, Максимова и Мартынова. Главная роль исполнена была Г-мъ Максимовымъ, съ жаромъ, съ благородствомъ, которые искренно насъ порадовали за будущее: желаемъ Г-ну Максиму побольше здоровья, тѣлесной силы, крѣпости груди, а душевнаго огня и таланта въ немъ много.

Публика приняла молодую дебютантку, какъ слѣдовало, съ громкими и единодушными рукоплесканіями; ей, разумѣется, недостаетъ навыка; выходя въ первый разъ въ драматической роли, она робѣла, конфузилась, но нѣтъ сомнѣній, что большая привычка къ сценѣ, опытность и ученіе со временемъ сдѣлаютъ изъ нея артистку, весьма полезную для нашей сцены.

Супружеское счастье, коротенькій водевиль, очень повеселилъ публику. Двѣ супружескія четы, хотятъ уговорить стараго холостяка жениться на ихъ родственницѣ, и для этого на каждомъ шагѣ представляютъ ему образчикъ семейнаго счастья — цѣлуются, обнимаются, ласкаются другъ къ другу, какъ голубки. Семень Семенычъ (холостякъ) видитъ все это — и у него слезы навертываются при одной мысли о такомъ счастьи. Между тѣмъ, однако жъ, онъ все какъ-то боится, медлитъ... Вотъ настаетъ часъ обѣда; обѣ

четы отправляются за столъ: но по несчастію, Анна Петровна показала Марьѣ Петровнѣ свое новое платье, а Марья Петровна сказала Аннѣ Петровнѣ, что она ѣдетъ на дняхъ на балъ. Разумѣется, одна приступаетъ къ своему мужу, чтобы тотъ сшилъ ей такое же платье, а другая къ своему, чтобы тотъ сvezъ ее на балъ. Мужья отговариваются, начинается ссора, слезы, обмороки и прочія сцены семейной жизни. Семень Семеновичъ видитъ все это — и рѣшительно отказывается отъ женитьбы!...

Піеска была очень хорошо разыграна Г-жами Бормотовою, Шелиховою 2-ю, и Г-ми Мартыновымъ, Григорьевымъ 1-мъ и Прусаковымъ. Всякій изъ артистовъ былъ на своемъ мѣстѣ, а потому все прошло ладно и складно.

Мы очень боялись за нашего знакомаго и пріятеля Фортункина, котораго, вѣроятно, знаютъ и читатели наши: Фортункинъ назначенъ былъ въ заключеніе спектакля, когда время близилось къ полуночи; но благодаря умной и старательной игрѣ Г-дѣ Максимовъ и Каратыгина 2-го, и Г-жѣ Самойловой 2-й и Бормотовой, піеска прошла, какъ нельзя лучше. Даже Г-нъ Филъевъ (цирюльникъ Тетерева) выполнилъ роль свою очень хорошо. Не даромъ ученые говорятъ: Concordia res parvae crescunt, т. е. согласіемъ растутъ и малыя дѣла! Гдѣ всякій на своемъ мѣстѣ и всѣ вмѣстѣ согласно дѣйствуютъ — тамъ успѣхъ вѣрный, будетъ ли это на сценѣ жизни, или на сценѣ театральной.

РЕПЕРТУАРЪ.

МОСКОВСІЙ ТЕАТРЪ.

(Письма въ Редакцію).

Одинъ изъ двухъ, или *Шпага моего отца*, комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, перев. съ Франц. П. И. С.; *Сава Савичъ*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Н. А. Коровкина; *Отцовское проклятіе*, драма въ двухъ дѣйствіяхъ, перев. съ Франц. К. В.; *Настенька*, провинціальныя сцены въ трехъ картинахъ, соч. Н. А. Коровкина; *Дивертиссементы*.

(Бенефисъ Г. Усачева; спектакль 15-го Мая.)

Войдя въ театръ мы вздохнули, увидя залу почти пустою. Единственный бенефисъ, данный Г. Усачеву въ продолженіе многолѣтней старательной его службы, пришелся въ такое время, когда Москвѣ не до спектаклей. А надо сказать правду и поблагодарить бенефицианта: онъ составилъ бенефисъ свой не дурно: всѣ піесы, игранныя въ этотъ вечеръ, понравились и могутъ остаться на репертуарѣ, что такъ рѣдко бываетъ съ нашими бенефисными новостями. Правда, афиша Г. Усачева не была въ два аршина длиною, а вышла скромною, во всей чистотѣ дѣла, въ которомъ нѣтъ пуга. Первая піеса: *Шпага моего отца*, очень хорошенькій Французскій водевиль, весьма дурно переведенный Г. П. С., и очень не дурно разыгранный, былъ данъ для сѣзда. Г-жа Синецкая была прекрасна въ роли Г-жи Жерве. За симъ, водевиль *Сава Савичъ*, превосходно разыгранный Г-жами Орловой, Сабуровой 2-й, Г. Самаринымъ и въ особенности Г. Живокини, не смотря на слабость своей завязки, понравился. Авторъ и всѣ артисты были вызваны. Драма *Отцовское проклятіе*, игранная у насъ въ бенефисъ

Г-жи Дюръ, повторилась во второй разъ. Роль Г-жи Дюръ занимала Г-жа Орлова, и при всемъ нашемъ уваженіи къ таланту этой артистки, мы должны сознаться, что она была слабѣе Г-жи Дюръ. Искусство доведено ею до возможнаго совершенства, антра Г-жи Дюръ доходила до сердца. Самъ бенефициантъ, въ роли слѣпаго Ко, бриджа, поразилъ своею игрою. Онъ всегда былъ полезнымъ, старательнымъ артистомъ, но въ нынѣшній спектакль превзошелъ всѣ ожиданія. Сцена, когда Каролина открывается ему, что она его дочь, была сыграна Г. Усачевымъ съ мастерствомъ славнаго артиста, а вся роль въ цѣломъ — прекрасно. Бенефициантъ былъ вызванъ и награжденъ аплодисментами по заслугамъ. *Настенька*, какъ сказано было въ афишѣ, провинціальныя сцены, не болѣе, какъ сцены. Завязки почти нѣтъ, и какъ мы слышали, авторъ никогда не предназначалъ ихъ для театра, а сдѣлалъ это только для бенефицианта. Можетъ быть, развернувъ болѣе сюжетъ, изъ *Настеньки* вышла бы и піеса, но теперь это не болѣе, какъ нѣсколько набросанныхъ сценъ (*), но такъ разыгранныхъ первыми нашими талантами, что публика, не судя строго піесы, вызвала и автора, и всѣхъ артистовъ. Щепкинъ, Сабурова 1-я,

(*) Нашъ Московскій корреспондентъ слишкомъ строгъ. *Настенька* премиленькая піеса и чрезвычайно понравилась Петербургской публикѣ. Тутъ полное познаніе провинціальнаго духа и настоящій Русскій юморъ. Дай Богъ поболѣе такихъ піесъ. Это настоящая пища Русской сцены.

Редакція.

Живокини, Сабурова 2-я, Самаринъ играли въ Настеньку — этого довольно! Живокини былъ поразителенъ своею естественною игрою, а Сабурова 1-я (въ роли Марьи Ивановны), въ третьемъ актѣ, была совершенство искусства. Г-жа Степанова, въ ничтожной роли горничной, была на первомъ планѣ съ другими лицами. Бенефисъ заключился дивертиссементомъ, благодарностію бенефицианту и сожалѣніемъ, что у него такъ мало было гостей.

При бѣдности нашей трагедіи, когда одинъ Мочаловъ напоминаетъ еще о ея существованіи, когда потеря Козловскаго, актера весьма слабаго, чувствительна, приобрести вдругъ двухъ артистовъ — дѣло важное! Г. Нѣмчиновъ, вступивъ на сценическое поприще, дебютировалъ въ первый разъ въ Москвѣ, въ 1838 г. ролью *Романа Борба*, въ драмѣ *Двумужница*, ролью, приготовленною имъ подъ руководствомъ Князя А. А. Шаховскаго. Онъ сыгралъ ее, былъ принятъ очень хорошо публикою, и не принятъ дирекціею. Онъ оставилъ Москву и поѣхалъ въ Нижній Новгородъ. Тамъ, предоставленный рѣшительно самому себѣ, онъ игралъ все, что ему ни давали — и, несмотря на всѣ неблагоприятныя обстоятельства для искусства, которыми его окружали, онъ сдѣлался любимцемъ публики. Осенью прошлаго года пріѣхалъ онъ опять въ Москву, просилъ снова дебюта, и игралъ *Гюга-Бидермана*, въ драмѣ *Смерть или честь*. Вторично былъ онъ принятъ публикою, и не принятъ дирекціею. Если въ игрѣ его и нѣтъ сильныхъ мѣстъ, обдуманныхъ эффектовъ, что еще можно приобрести, то вы всегда останетесь довольны его простою игрою, равною въ продолженіе всей пьесы. Наконецъ, 28-го Апрѣля, Г. Нѣмчиновъ, теперь уже ангажированный къ здѣшнему театру, игралъ *Неизвестнаго*, въ драмѣ *Параша Сибирячка*, игралъ прекрасно всю роль, а сцена въ 3-мъ актѣ, когда онъ упрасиваетъ

исправника отдать ему письмо отъ дочери, была такъ хороша, какъ нельзя желать болѣе — она вытекла прямо изъ сердца. Продолжительный, единодушный аплодсментъ былъ ему отвѣтомъ. Можно сдѣлать одно замѣчаніе Г. Нѣмчинову: не прибѣгать къ такимъ трагическимъ эффектамъ, какъ напримѣръ, хохотъ. Онъ удается и дѣйствуетъ ужасомъ только у опытнаго, великаго художника, и то не всегда. По этому послѣдняя сцена свиданія вышла слабѣе сцены съ письмомъ. Конечно, такъ сказано у автора, что Нѣмчиновъ хохочетъ, но артистъ долженъ выполнять подобныя мѣста, сообразуясь съ своими средствами и чувствомъ того мгновенія. Г. Лавровъ, братъ незабвеннаго нашего Лаврова, дебютировалъ въ трагедіи Озерова: *Димитрій Донской*, ролью Димитрія. Какъ дебютантъ, онъ выполнилъ ее не дурно. Первое явленіе трагедіи было удачѣе всего. Намъ кажется страннымъ дебютанту нашего времени готовиться на подобныя роли. Классическія трагедіи почти уже не являются въ репертуарѣ, и нуженъ могучій талантъ В. А. Каратыгина для ихъ успѣха. Публика принимала Г. Лаврова прекрасно и вызывала почти послѣ каждаго акта. Такое вниманіе не должно оставаться безплоднымъ. Съ нетерпѣніемъ ждали мы видѣть Г. Лаврова въ другихъ роляхъ, и вотъ, 5-го Мая давали драму *Каспаръ Гаузеръ*, (и между нами, *нелѣпную*) въ которой Г. Нѣмчиновъ занималъ роль *Шварца*, Г. Лавровъ роль *Фридерика*. Увидя Нѣмчинова и въ этой роли, мы остаемся при своемъ мнѣніи: онъ былъ простъ, ровень, благородень. Одна сцена въ подземельѣ, гдѣ Шварцъ находитъ Каспара, требовала бы болѣе чувства и менѣе торопливости. Г. Лавровъ, видно, что готовился болѣе на стихи, и очень неопытенъ въ простомъ, натуральномъ разговорѣ, но онъ очень молодъ и имѣетъ все, чтобы сдѣлаться хорошимъ, полезнымъ артистомъ — надѣмся на это. Г-жа Нѣм-

чинова дебютировала также прошлою осенью въ водевиляхъ: *Дюбушка Гусаръ* и *Отецъ какихъ мало*, а вчера, 7-го Мая, въ вод. *Матушкина дочка*. Видна большая неопытность къ сценѣ — и вотъ весь недостатокъ, который вѣрно не останется долго; но въ ней столько неподдѣльной наивности, пріятный голосъ, прекрасная наружность и, главное достоинство, весьма важное то, что она не приобрѣла еще ни какихъ привычекъ, отъ которыхъ такъ трудно бываетъ отставать, и не заразилась подражаніемъ провинціальнымъ знаменитостямъ, что бываетъ весьма часто съ провинціальными артистами и на всегда вредить имъ. При этомъ: хорошіе образцы, практика, любовь къ своему искусству, и Г-жа Нѣмчинова можетъ занять конечно, перво мѣсто въ своемъ амплуа. Еще одинъ совѣтъ Г. и Г-жѣ Нѣмчиновымъ — по болѣе жизни въ игрѣ, — и успѣхи ихъ несомнѣнны.

17-го Мая, давали *Прародительницу*, трагедію Грильпарцера, перев. П. Г. Ободовскимъ, въ которой роль Яромира игралъ Г. Лавровъ. Теперь мы можемъ, кажется, не ошибаясь сказать наше мнѣніе о Г. Лавровѣ. Во всей роли Яромира онъ былъ очень слабъ. Однообразное чтеніе стиховъ, мѣстами съ распѣвомъ, весьма слабая мимика, и конечно, прости-тельное еще незнаніе сцены. Если Г. Лавровъ будетъ занимать вторыя и третьи но никакъ не первыя роли, и будетъ

надъ ними трудиться, то можетъ быть полезнымъ актеромъ. Желаемъ ему успѣха отъ души и большого. У насъ два трагика: одинъ обладаетъ могучимъ талантомъ, до-велъ искусство, и изящное до совершенства (*), другой обладаетъ могучей душой, и мы (**) избалованы ими. Нуженъ соперникъ имъ, чтобы занимать ихъ мѣсто. — На дняхъ мы увидимъ Елену Глинскую, имѣвшую огромный успѣхъ въ Петербургѣ, и тотчасъ же извѣстимъ объ исполненіи и успѣхѣ ея на Московской сценѣ.

(*) У насъ.... Здѣсь должно предполагать, что авторъ говоритъ о Россіи вообще и о В. А. Каратыгинѣ. Мы не дерзаемъ никого сравнивать съ нимъ. Dixi!

Редакція.

(**) Мы, Петербургскіе жители имѣемъ совсѣмъ иное понятіе о Г. Мочаловѣ, и намъ даже не можетъ прійти въ голову мысль сравнить его съ первымъ нынѣшнимъ Европеемъ, снѣмъ трагикомъ, В. А. Каратыгинымъ. У насъ это почти бы варварствомъ! Молодые Московскіе студенты, пріѣзжая въ Петербургъ, остаются нѣкоторое время подъ вліяніемъ первыхъ своихъ юношескихъ впечатлѣній, произведенныхъ въ нихъ первою видимою ими трагедію, но укрѣпясь въ умственныхъ силахъ и вникнувъ въ глубокую игру В. А. Каратыгина, они, наконецъ, убеждаются, что между всемірнымъ трагикомъ, В. А. Каратыгинымъ, и о-скимъ трагикомъ, Г. Мочаловымъ, не можетъ и не должно быть ни какого сравненія. Хвала и честь обомъ, но.... В. А. Каратыгинъ.... сол-де... а оно одно!...

Редакція.

ТЕАТРЪ ВЪ ОСТАШКОВѢ.

(Письмо въ Редакцію).

Театръ въ Осташковѣ! Это что за извѣстіе? Вся мы знаемъ, что Осташковъ небольшой городокъ Т... губерніи, и не-

ужели тамъ есть театръ? Вѣроятно, ско-локъ съ заперитаго представленія кол-дуновъ въ извѣстной драмѣ Шекспира?

Ни мало. Осташковскій театръ навѣрное лучшій изъ всѣхъ провинціальныхъ театровъ. Театральная зала не велика, но зачѣмъ же ей быть и большою, если въ театрѣ бываетъ немного зрителей; она немного холодна, но на вкусъ каждаго угодить невозможно: я знаю людей, которые постоянно говорятъ, что въ нашемъ театрѣ даже очень жарко; притомъ же дамы всегда могутъ быть въ салопахъ, а мужчины въ шляпахъ и шубахъ, а для тѣхъ молодыхъ людей (въ шинеляхъ и безъ нихъ), которые зябнутъ въ театрѣ, устроивается театральное фойе, на провинціальный манеръ, то есть погребокъ Русскихъ и иностранныхъ винъ, напротивъ зданія театра. Театръ освѣщенъ сальными свѣчами, но смѣшно было бы заводить въ Осташковѣ люстры или газы: мы въ театрѣ ищемъ удовольствія, а тутъ то лампа лопнетъ, то жди бѣды отъ газа, избави Господи! Костюмы плохи, но помилуйте, зачѣмъ имъ быть хорошими? Золото, мишура, атласъ, шелкъ — все это тлѣнь и прахъ! На афишѣ каждый разъ явственно означается, кто какую играетъ роль. Развѣ этого не довольно! И если Французскій генераль выходитъ на сцену, одѣтый въ платье Донскаго казака, такъ что же за бѣда! На афишѣ написано: Французскій генераль, и баста! Будь онъ одѣтъ Русскимъ мужикомъ, все же онъ Французскій генераль. Не ѣздитъ же нашимъ актерамъ во Францію, смотрѣть, какъ одѣваются тамъ генералы! Декораціи плохи, но за то изумительны. Напримѣръ, въ одной, не помню какой-то піесѣ, театръ представляетъ *дикое мѣстоположеніе*, и вотъ нашъ декораторъ ставитъ ближайшія къ зрителямъ кулисы, съ изображеніемъ *желтой комнаты*, въ серединѣ комнаты возвышается *мельница*, а въ глубинѣ сцены вы видите огромный *лѣсъ*! Развѣ это не *дикое мѣстоположеніе*? Актеры часто не знаютъ своихъ ролей, и прекрасно! Если бы они всегда вытверживали роли наизусть, то

публика была бы лишена удовольствія слышать экспромты собственнаго издѣлія артистовъ, часто вовсе не относящіяся къ роли. Музыкантовъ не много: нѣсколько скрипокъ (случается не болѣе одной), контръ-басъ, флейта, и еще что нибудь подобное. Нѣтъ, правда, ни трубъ, ни барабановъ; но барабанами наскучила намъ инвалидная команда, а трубъ, выключая пожарныхъ, и въ цѣломъ городѣ не найдете!

Но оставивъ въ сторонѣ эти маленькія неудобства, столь извинительныя и такъ необыкновенныя въ провинціальныхъ театрахъ, все таки должно согласиться, что Осташковская Мельпомена далеко превосходитъ своихъ соименницъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ. Актеры у насъ, выключая тѣхъ, которые экспромтируютъ свои роли, не то, чтобы таланты, а.... очень хороши!

Первое мѣсто занимаетъ у насъ Карытыгинъ. Не полагаете ли вы здѣсь спекуляціи на созвучіе съ славнымъ именемъ Петербургскаго трагика? Случайность, и болѣе ничего. Это настоящая фамилія нашего артиста. Разница въ одной буквѣ. Карытыгинъ (Осташковскій) играетъ всѣ возможные комическія роли, и почти всегда прекрасно. Безъ фарсовъ, безъ натяжекъ, онъ равно хорошъ и въ Падчерцынѣ, и въ Филаткѣ, и въ Грицко, и въ Жовіалѣ, и въ другихъ играемыхъ имъ роляхъ. Карытыгинъ (Осташковскій) еще очень молодъ, и, при его любви къ театру, онъ можетъ сдѣлаться замѣчательнымъ артистомъ, если только не собьютъ его съ толку похвалами, и не отобьютъ охоты поучиться и воспользоваться совѣтами людей, знакомыхъ съ театромъ. Не надѣйтесь на себя, не пренебрегайте совѣтами, учитесь, изучайте людей, которыхъ видите, и вы будете комическій талантъ, а въ противномъ случаѣ, вы необходимо должны броситься въ фарсъ, и тогда — совершенная бѣда! Я не знаю

существа отвратительнѣе фарсера, на провинціальномъ театрѣ.

Демидовъ занимаетъ амплуа любовниковъ. Онъ исполняетъ всѣ свои роли весьма отчетливо, и на него всегда можно смотрѣть съ удовольствіемъ. Особенно онъ хорошъ въ Климовскомъ и Алинскомъ. У Демидова пріятный голосъ, только и ему надобно поучиться.... пѣть куплеты.

Карповъ играетъ комическихъ стариковъ хорошо, но не умѣетъ костюмироваться. Игравъ иностраннаго банкира, онъ является съ предлинною бородою, и это-то артистъ, въ платьѣ Донскаго казака разыгрываетъ роль Французскаго генерала!!!

Жданкинъ (*grande utilité*) играетъ изрядненько, голосокъ у него препорядочный. Жданкинъ могъ бы сдѣлаться замѣчательнымъ артистомъ, если бы только не было у него рукъ! Да, если бы не было рукъ!.. А то, бѣда съ ними, истинное наказаніе! Онъ безпрестанно управляется съ ними: то положить ихъ въ карманы, то ударить себя ими по лбу, то оботреть лицо или носъ, то заложить руки за спину, и проч. и проч. и проч. но все таки не знаетъ, что ему дѣлать съ этими несчастными руками! Бѣда!

Звонковъ хорошъ въ Деминѣ и вообще въ роляхъ старыхъ служакъ. Одинъ недостатокъ: не помнитъ реплики, и когда говорить другой, онъ или зѣваетъ или смотритъ на полъ. Въ патетическихъ мѣстахъ, при словахъ другихъ актеровъ, онъ смотритъ на потолокъ.

Мило играютъ Бабинъ и Лариковъ. Имъ

не даютъ еще большихъ ролей, но они и тутъ мастерски и въ порядочномъ размѣрѣ пропускаютъ цѣлыя фразы.

Первая актриса, Любимилова, съ пріятнымъ голосомъ соединяетъ умѣнье хорошо одѣваться. На нее всегда смотрятъ съ удовольствіемъ, а молодежь съ восторгомъ. И не мудрено: играетъ она постоянно мило, а что за милочка сама. Жаль, что у насъ нѣтъ такихъ любителей театра, которые могли бы взять ее подъ свое покровительство, образовать ея талантъ, а право, тогда бы изъ нее вышло много хорошаго!

О другихъ актерахъ и актрисахъ не стану говорить ни слова, хотя мнѣ очень нравится одинъ изъ нихъ, который докладывая: «обѣдъ готовъ!» вбѣгаетъ запыхавшись, съ растрепанными волосами, и безъ пощады бьетъ себя въ грудь кулаками, произнося трагически означенный выше монологъ!

Заключу: если бы нашимъ артистамъ судьба послала человѣка, хорошо знакомаго съ механизмомъ сцены, тогда бы смѣло можно сказать, что и житель Петербурга не сталъ бы зѣвать у насъ въ театрѣ, а нашелъ бы въ немъ удовольствіе.

Капельмейстеръ здѣшняго театра, Андрей Михайловъ, хорошій музыкантъ и знатокъ въ пѣніи. Теперь онъ репетируетъ нѣсколько небольшихъ оперъ и новыхъ водевилей. Посмотримъ, и тогда скажемъ чтонибудь въ Репертуарѣ.

И. ЗИМЪ.

IV. СМѢСЬ.

СТРАННОСТИ И ПРИЧУДЫ НѢКОТОРЫХЪ ЗНАМЕНИТЫХЪ КОМПОЗИТОРОВЪ.

Сарти сочинялъ всегда въ пространной, почти вовсе не мебелированной залѣ, по почамъ, при тускломъ мерцаніи одной лампы, привѣшенной къ потолку. Притомъ для него было необходимо, чтобы вокругъ его царствовало глубочайшее молчаніе. Въ наше время, Спонтини имѣетъ подобную же привычку сочинять въ темнотѣ.

Саліери, въ этомъ отношеніи, составляетъ рѣшительную противоположность съ Сарти. Онъ, такъ сказать, охотился за музыкальными идеями, которыя дома вовсе не приходили ему. Онъ преслѣдовалъ ихъ по улицамъ, лакомясь безпрестанно конфетами, и тутъ же, чтобы не забыть ихъ въ послѣдствіи, записывалъ карандашемъ на потной бумагѣ, которую всегда носилъ съ собою, для этой цѣли.

Чимароза любилъ шумъ и суматоху. Онъ написалъ свои превосходныя *Gli Orazj* и *Il matrimonio segreto* въ кругу друзей, шумно между собою бесѣдовавшихъ.

Сакини не любилъ ни слишкомъ большаго шума, ни многочисленнаго общества. Муза его была нѣма, когда при немъ не было его любовницы и кошки.

Паизиелло работалъ не иначе, какъ лежа. *Nina*, *Barbiere di Seviglia*, *la Molinara* и другія его чудныя созданія, восхищавшія Европу, были созданы имъ на кровати.

Зингарелли не иначе принимался за

трудъ, какъ прочитавъ отрывокъ изъ Библии, либо оду Горация, а иногда нѣскольکو стиховъ Виргилія, или страницу изъ Тацита. Подъ вліяніемъ прочитаннаго, идеи рождались у него въ такомъ множествѣ, что онъ иногда едва успѣвалъ записывать ихъ. Напримѣръ, послѣднее дѣйствіе *Romeo e Giulietta* онъ написалъ менѣе, чѣмъ въ четыре часа.

Аяфосси, напротивъ того, почерпалъ свои вдохновенія изъ источниковъ матеріальныхъ. Когда онъ писалъ, для него былъ необходимъ запахъ вѣтчины, или жаренаго каплуна и рагу, приправленныхъ пряными кореньями.

РУВИНИ.

Въ Миланской газетѣ напечатано письмо изъ Бергамо, отъ 18-го Апрѣля нынѣшняго года, слѣдующаго содержанія: «Третьяго дня я былъ у моего дорогаго Рувини, въ его виллѣ, въ Мазано. Теперь уже не подлежитъ ни какому сомнѣнію, что онъ возвратится въ Лондонъ. Прибывъ въ отчизну, послѣ долгихъ трудовъ артистическихъ въ Италіи, Франціи, Англіи и Испаніи, прибывъ съ блестящею славою и огромнымъ богатствомъ, онъ рѣшилъ было остаться навсегда въ кругу своего семейства. Чтобы отклонить всѣ предложенія со стороны Парижа и Лондона, онъ противопоставилъ этимъ предложеніемъ такія требованія, которыя могли устроить самаго отважнаго импрессаріо. Дирекція Парижской сцены поняла намѣреніе царя тенористовъ, и оставила всѣ

дальнѣйшія предложенія; но Италіанскій Театръ въ Лондонѣ, противу всѣхъ ожиданій Рубини, согласился на всѣ его требованія; а потому, Рубини уже не можетъ отказаться отъ поѣздки въ Лондонъ. Въ слѣдствіе этого, онъ отправляется туда въ будущемъ мѣсяцѣ, для того, что бы получить 3,000 ф. ст. за двухмѣсячную игру на театрѣ Королевы. Хотя ни одинъ пѣвецъ въ мірѣ еще не продавалъ такъ дорого обворожительныхъ звуковъ своего голоса, и хотя настоящій случай почти невѣроятенъ, однако жъ я уполномочиваю васъ сдѣлать его извѣстнымъ, потому что самъ читалъ контрактъ, заключенный по этому предмету.»

ПОСЛѢДНІЯ МИНУТЫ БЕТГОВЕНА.

Въ той же книжѣ, въ которой помѣщены характеристическія черты изъ жизни Бетговена, считается кстати сообщить и нѣсколько словъ о концѣ сего великаго музыканта. Бетговенъ умеръ отъ водяной болѣзни, которая развилась у него въ слѣдствіе сильнаго гнѣва. Многократныя операціи произвели въ немъ всеобщее расслабленіе; желудокъ не принималъ ни лекарствъ, ни пищи. Докторъ Мальфати, старинный другъ Бетговена, знавшій его наклонность къ спиртнымъ напиткамъ, вздумалъ прописать пациенту мороженный пуншъ. Въ первые дни лекарство помогало; Бетговенъ провелъ нѣсколько покойныхъ ночей, развеселился и уже намѣревался, продолжать свою ораторію: *Саулъ и Давидъ*; но облегченіе было временное: Бетговенъ пересилилъ употребленіе лекарства, и началъ страдать приливами къ головѣ крови и спячкою. Въ минуты бодрствованія, обнаруживались признаки помѣшательства. Врачъ нашелся вынужденнымъ запретить холодный пуншъ, и съ этой минуты силы больного постепенно ослабѣвали. Бетговенъ убѣдился въ неизбежности скорой смерти. Пріятелямъ, которые старались разсѣять въ немъ мрачныя мысли, онъ отвѣчалъ, покачивая го-

ловою, намекомъ изъ *Мессии* Генделя: «Дни мои кончаются: если бы врачъ пришелъ ко мнѣ на помощь.» Докторъ написалъ умирающему о предстоящей кончинѣ. Бетговенъ взялъ листокъ, прочиталъ его спокойно, подалъ руку доктору, и сказалъ тономъ важнымъ, и вмѣстѣ умиленнымъ: «Позовите священника.» Погрузившись потомъ въ размышленіе, онъ, прощаясь съ врачомъ, сказалъ: «Мы скоро увидимся.» Священникъ совершилъ священный обрядъ, послѣ чего Бетговенъ обратился къ оставшимся друзьямъ, съ слѣдующими словами: *Plaudite amici, finita est comedia!* (Рукоплещите, друзья; комедія кончилась). Черезъ нѣсколько часовъ, Бетговенъ впалъ въ забытіе, а на другой день, 24-го Марта 1827 года, въ пять съ половиною часовъ утра, испустилъ послѣдній вздохъ, на пятьдесятъ седьмомъ году жизни. Во время предсмертнаго томленія великаго художника, разразилась надъ Вѣною ужасная буря, сопровождаемая молніею, громомъ и снѣжнымъ вихремъ.

КОМЕДІЯ У ДИКИХЪ.

Странный процессъ привелъ недавно въ воденіе Лондонское общество.

Дѣйствующія лица этого процесса: *jeune premier* (первый актеръ, играющій любовныя роли) и *jeune première* (первая актриса, занимающая тѣже роли). Дѣло не въ томъ, что процессъ превратился въ комедію, напротивъ, комедія послужила поводомъ къ процессу.

Въ Февралѣ 1841 года, труппа странствующихъ комедіантовъ, послѣ тщетныхъ стараній утвердиться на театральномъ помостѣ, переселилась на палубу корабля Индѣйской Компаніи, который и высадила артистовъ на какой-то островъ Южнаго Океана. Артисты вообразили себѣ, не извѣстно почему, что фортуна именно живетъ въ пятой Частѣ Свѣта, и что они непременно найдутъ ее сидящею подъ банановымъ деревомъ. Впрочемъ, всякій

воленъ думать, какъ ему угодно, и fortuna, также по своей волѣ, можетъ сидѣть подъ бананами или укрываться въ Европѣ.

Въ полной надеждѣ, что fortuna удостоитъ посѣщеніемъ спектакль, странствующие актеры выстроили тростниковый театръ, покрыли его листьями, и принялись играть пьесы Шекспира. Веревки изъ лианъ, прикрѣпленные къ крышѣ и снабженные узлами, замѣняли ложи; зрители могли качаться. Публика партерная сидѣла, въ буквальномъ смыслѣ, на землѣ. Туземцы платили за мѣста натурою, то есть, кожами и арбузами. У дверей стояли часовые, въ случаѣ, если бы вздумали посѣтить спектакль гремучія змѣи и шакалы. Предводитель дикихъ былъ очень доволенъ сценою: онъ смѣшивалъ патетическое съ комическимъ, смѣялся когда надлежало плакать, и плакалъ когда надобно было смѣяться. Разъ, онъ хотѣлъ изжарить актера, представлявшаго измѣнника, и это обстоятельство заставило откомандировать къ нему переводчика, для объясненія хода пьесы.

Комедіанты играли *Ромео*. Сцена балкона тронула главнаго дикаря до слезъ. «Молодые люди крѣпко любятъ другъ друга, сказалъ онъ съ важностію; зачѣмъ же имъ разставаться?»

— Такъ должно, о великая ящерица! (Предводитель дикихъ имѣлъ достоинство большой ящерицы).

«А почему такъ должно?»

— Потому, что родители молодыхъ людей, любящихъ другъ друга, между собою въ ссорѣ; они не соглашаются на бракъ, и готовы убить Ромео, если бы застали его у Джульетты.

«Клянусь Высочайшимъ Существомъ, вскричалъ проводитель, Европейцы просто безсмысленные дикари! Молодые люди любятъ другъ друга, и непременно должны быть соединены навѣки теперь же!»

— Но.... сказалъ переводчикъ.

Тутъ предводитель дикихъ и вмѣстѣ верховный жрецъ своего времени, принимая пьесу за самую дѣйствительность, далъ повелѣніе народу. Народъ бросился на сцену, и не смотря на объясненія переводчика, на возраженія актеровъ, Ромео и Джульетта были обвѣнчаны по обрядамъ религіи островитянъ.

Возвратя въ Англію, актриса вздумала расторгнуть этотъ бракъ, но супругъ ея не соглашается и почитаетъ свое дѣло правымъ. Вотъ отъ чего и завязался единственный въ своемъ родѣ процессъ, по окончаніи котораго, говорятъ, будетъ учреждена, въ Оксфордѣ и Кембриджѣ, независимо отъ кафедръ Права Народнаго и Римскаго, особая кафедра Сравнительнаго Права.

БЕЗПОРЯДОЧНОСТЬ И ГЕНИЙ.

Если эти два слова не вынужденное слѣдствіе одно другаго, то, во всякомъ случаѣ, они часто встрѣчаются.

Люди безпорядочные, слѣдовательно и артисты, воображаютъ, что они одарены любовію къ порядку въ высшей степени. Подобною слабостію отличался Бетговеиъ: ниспро ергая все свое домашнее хозяйство, онъ безпрестанно жаловался на служанку, и заставлялъ ее приводить все въ порядокъ. Тальма спѣшилъ вписывать въ памятную книжку, буквами едва понятными, сумму, которую былъ долженъ за купленные предметы, вовсе для него бесполезные. Записавъ, онъ забывалъ объ этомъ дѣлѣ, и почиталъ себя человекомъ преаккуратнымъ. Жена стала однажды упрекать его въ чрезмѣрной расточительности. «Если бы я тебя подражала, если бы столько же тратила денегъ, что было бы съ нами?» — А что? У насъ было бы болѣе долгу! — Отвѣтъ, въ своемъ родѣ, знаменитый: онъ достоинъ трагическаго актера, и не уступитъ извѣстному: *Qu'il mourât.*

Кромѣ соблазновъ, обольщеній, противу которыхъ не можетъ устоять чувстви-

тельность артиста, есть еще одно ужасное препятствіе къ водворенію аккуратности въ расчетахъ: это разсѣянность. Кому не извѣстенъ анекдотъ о томъ знаменитомъ композиторѣ, который не имѣя денегъ чтобъ заплатить, по векселю, пошелъ къ своему другу и взялъ у него потребную сумму. Другъ его жилъ въ отдаленномъ кварталѣ, за рѣкою. На возвратномъ пути, композиторъ остановился на набережной передъ магазинами эстамповъ и разныхъ товаровъ, вошелъ въ одинъ изъ этихъ магазиновъ, сталъ разсматривать вещи и купилъ отличную Китайскую статушку, за которую заплатилъ всю занятую суммы.

Дюссеку надобно было играть въ одномъ концертѣ. Онъ началъ прелюдировать для испытанія инструмента, нѣсколько разъ пробовалъ клавишу, слишкомъ углублявшуюся при каждомъ давленіи его сильныхъ пальцевъ, и чтобъ помочь горю, вытащилъ изъ кармана клочекъ бумажки. Свернувъ бумажку, онъ подложилъ ее подъ клавишу, сыгралъ превосходно и всталъ изъ-за фортепіанъ при громѣ рукоплесканій. По прошествіи трехъ дней, Дюссекъ вспомнилъ о бумажкѣ, оставшейся подъ клавишею: то была ассигнація въ тысячу франковъ, которую онъ получилъ передъ концертомъ отъ музыкальнаго издателя.

ДВА ИЗВѢСТІЯ О Г-ЖѢ ТАЛІОНИ.

Въ 1823 году, послѣ перваго дебюта Г-жи Таліони въ Вѣнѣ, появилось въ тамошней «Театральной Газетѣ» слѣдующее извѣстіе: «Въ новомъ анакреонтическомъ балетѣ Г. Таліони, была представлена публикѣ, въ первый разъ, весьма талантливая молодая женщина (Frauenzimmer), Г-жа Марія Таліони. Природа, повидимому, предназначила ее именно для того пути, который избрала она. Пріятная наружность, грація въ движеніяхъ и та механическая ловкость, которою обладаетъ она, содѣлываютъ ее и теперь хо-

рошею танцовщицею, и служатъ залогомъ, что она достигнетъ высшаго образованія.»

Въ 1839 году, когда Г-жа Таліони играла въ Вѣнѣ гостинныя роли, въ той же газетѣ, между прочимъ, было сказано: «Никогда, ни въ одномъ театрѣ, энтузіазмъ публики не доходитъ до той степени, до которой дошелъ онъ въ послѣдній вечеръ... Г-жѣ Таліони аплодировали болѣе, чѣмъ она танцевала: ее вызвали 42 раза. По окончаніи Гитаны, на сцену посыпались цвѣты и лавровые вѣтки.»

И какъ-блестателенъ былъ для Г-жи Таліони періодъ между этими двумя извѣстіями!

ГАМБУРГСКІЙ ТЕАТРЪ.

Въ Гамбургѣ, съ 1-го Апрѣля 1841 по Мартъ 1842 года, были представлены 44 новыя піесы; а именно: 29 *разговорныхъ* піесъ, 11 оперъ и 4 балета. Въ числѣ первыхъ, находится 11 оригинальныхъ Нѣмецкихъ піесъ и 18 переведенныхъ съ иностранныхъ языковъ. Балеты же, о которыхъ упомянули мы, суть: *Сильфиды*, *Швейцарская молочница*, *Морской Разбойникъ* и *Die Liebeshändel*. Въ продолженіе этого періода, Гамбургъ посѣтили: пѣвицы: Фишеръ Ахтенъ, Шредеръ-Девриентъ, Дюффо-Мальяръ и Сабина Гейнефеттеръ; пѣвцы: Тыхачекъ, Манціусъ, Шмеперъ, Бекъ и Франке (тенористы); Пекъ, Фишеръ, Калеръ, Штейнмюллеръ и Аншюцъ (басисты и баритонисты); комики: Нестрой, Гессе и Гейдмюллеръ; драматическія артистки: Лиля Лёве и Рейхель. Сія послѣдняя была даже ангажирована въ Гамбургѣ, но вскорѣ потомъ умерла. Сверхъ того, тамъ же *гостили*: изъ лицъ, принадлежащихъ къ хореграфическому міру: Г-жа Гальстеръ, Г. и Г-жа Таліони и Г. Штульмюллеръ; изъ виртуозовъ: Листъ, Оле-Булъ, Прюмъ и Реммерсъ. Натурально, что, благодаря пріѣзду столь многихъ сценическихъ знаменитостей, репертуаръ былъ чрезвычайно разнообразенъ.

ПОДВИЖНОЙ ТЕАТРЪ.

Въ Англіи теперь обращаетъ на себя большое вниманіе огромный подвижной театръ Г. Периса, (Parish), который, послѣ нынѣшней пашки, довольно долго находился въ Манчестерѣ. Въ отношеніи къ величинѣ и изысканству отдѣлки, этотъ театръ не имѣетъ въ своемъ родѣ ничего себѣ подобнаго. Будучи поставленъ, онъ занимаетъ пространство въ 1200 квадратныхъ локтей величиною, а вмѣщаетъ въ себѣ до 1800 человекъ. Для перевозки его требуется *тридцать* лошадей. Труппа его состоитъ изъ 67-ми сюжетовъ, въ числѣ которыхъ находятся особы рѣдкой красоты. Костюмы и декорации его отличаются необыкновенною пышностію, а для освѣщенія его, расходуется 30,000 кубическихъ футовъ газа ежедневно. Директоръ его предполагаетъ посѣтить Лондонъ, и потомъ объѣхать всѣ важнѣйшіе города Англіи, Шотландіи и Ирландіи.

МЕЛОЧИ.

Флоренція достойно почтила память Керубини, которымъ, по справедливости, гордятся, какъ мѣсто его рожденія. Безчисленное множество народа наполняло, 22-го минувшаго Апрѣля, церковь Св. Гаэтана. Месса, написанная Керубини, была исполнена двумя или тремястами пѣвчихъ, подъ управленіемъ Фердинанда Чеккерини. Музыкальныя красоты послѣдняго произведенія великаго артиста не мало содѣйствовали къ усугубленію глубокаго, торжественнаго впечатлѣнія на слушателей.

— Прошлый театралъный годъ былъ такъ неудаченъ въ Антверпенѣ, что по окончаніи его, артисты просили тамошнее городовое начальство, выдать имъ 8.000 франковъ для того, чтобы они могли съ честію оставить этотъ городъ.

НЕКРОЛОГЪ.

ЖАНЪ ЭЛЛЕВІУ.

Жанъ Эллевіу родился въ Реннѣ 14-го

Іюня 1769 года, и тамъ же получилъ первоначальное воспитаніе. Отецъ его, главный врачъ военного госпиталя, хотѣлъ и сына пустить по своей же части, но, пытая отвращеніе къ *вознѣ съ трупами* (такъ выражался Эллевіу), сынъ избралъ себѣ другой путь. Ему казалось, что неодолима наклонность влечетъ его къ театру. Обошеченный успѣшно игрою своею на домашнихъ театрахъ, молодой человекъ уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ директоръ спектакля де ла Рашель заключилъ съ нимъ условіе. Эллевіу уже готовился дебютировать, когда отецъ, узнавъ о такомъ замыслѣ, послалъ за сыномъ погоню, и посадилъ его въ тюрьму. Узнику дарована была свобода съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ снова принялся за науки, которыя, впрочемъ, онъ могъ продолжать въ Парижѣ. Здѣсь, драматическій инстинктъ опять восторжествовалъ: Эллевіу вступилъ въ труппу Италіанскаго Театра, и 1-го Апрѣля 1790 года получилъ позволеніе дебютировать прямо на столичной сценѣ. Голосъ дебютанта былъ, однако жъ, развитъ такъ мало, что его почли посредственнымъ басомъ, и заставили играть роль *Дезертера*, въ піесѣ того же названія. Эллевіу приняли въ число актеровъ, состоявшихъ на жалованьи, но въ то время никто не могъ даже подозрѣвать его будущей знаменитости. Наконецъ, ему дали первую роль негра въ *Павлѣ и Виргиніи* Крейцера. Между тѣмъ, молодой артистъ образовалъ свой голосъ постояннымъ упражненіемъ, и сообщилъ ему истинный характеръ, такъ что въ 1792 году уже пѣлъ теноровую партію въ *Филиппѣ и Жоржеттѣ* Далеирака. Выгодная наружность склонила на сторону Эллевіу всю женскую половину публики, но его вообще ставили ниже Мишю, занимавшаго то же амплуа.

Рекрутская очередь похитила Эллевіу со сцены; но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по покровительству одного офицера, страстнаго любителя спектаклей, его по-

слали съ порученіемъ въ Парижъ. Завѣсь его обвинили въ сочиненіи чѣтырестипшіа на Марата, которое было читано въ театрѣ, и это обстоятельство, поставивъ на ноги полицейскихъ агентовъ, принудило пѣвца бѣжать въ Страсбургъ. Директоръ Страсбургскаго Театра уговорилъ Эллевіу дать нѣсколько представленій, которые много способствовали къ развитію въ немъ превосходныхъ качествъ актера.

По возвращеніи въ Парижъ, Эллевіу съ торжествомъ выступилъ на сцену Италіанской Комедіи. Голосъ его пріобрѣлъ чистоту, звучность, гибкость, и съ этой минуты публика перестала видѣть въ Мишю счастливаго соперника возвратившагося артиста. Авторы начали писать для Эллевіу значительныя роли. Піесы: *Гюль-нара*, *Тридцать и Сорокъ*, *Пальникъ*, *Зораима и Зюльнара*, *Адольфъ и Клара*, *Продажный Домъ*, *Калифъ Багдадскій*, и многія другія, обязанныя блестящѣйшими успѣхами Эллевіу, послѣ него исчезли со сцены.

Посреди торжествъ, Эллевіу выслушивалъ иногда строгія замѣчанія. «Любимецъ прекраснаго пола, Эллевіу не вполне удовлетворяетъ требованіямъ истинныхъ знатоковъ, которые ищутъ въ немъ пѣвца и актера. Снимите съ него гусарскую или жокейскую куртку, сапоги, большую шляпу, не позволяйте ему водочить за собою сабли или имѣть въ рукахъ хлыстикъ, вы увидите въ немъ совершенно другаго человека. Дайте ему сыграть Маркиза въ *Пеоржиданныхъ Происшествіяхъ*, Дона Алонзо въ *Ревнивомъ Любовникѣ*, останется пѣвецъ, который не выдержитъ сравненія съ Италіанскими тенорами. Но въ роляхъ, написанныхъ собственно для него новыми авторами, онъ доставитъ вамъ удовольствіе какъ актеръ и какъ пѣвецъ.» Приговоръ сей, напечатанный въ *Opinion de parterre* 1804 года, не произвелъ ни какого дѣйствія, и публика Комической Оперы, по прежнему, аплодировала любимцу.

При соединеніи артистовъ Театровъ Фаваръ и Фейдо, въ 1801 году, Эллевіу вступилъ въ число пяти правителей новаго общества. Пользуясь вліяніемъ по занимаемому мѣсту и по давно упроченному таланту, онъ поставилъ на сцену творенія, уже исключенныя изъ репертуара. Мегюль и Керубинъ ввели во Францію, при началѣ революціи, когда во всемъ чувствовали потребность новыхъ ощущеній, музыку, исполненную гармоніи, и инструментовку, совершенно затмившую граціозныя произведенія Гретри. Эллевіу, котораго голосъ отличался больше качествомъ, нежели силою звука, едва боролся съ энергическимъ оркестромъ новыхъ оперъ. Одна реакція могла утвердить за нимъ почетное мѣсто въ общественномъ мнѣніи; онъ понялъ это, и принялся за дѣло. Возобновлены были *Друзь дома*, *Ричардъ Львиное Сердце*, *Земира и Азоръ*, *Король и Мызникъ*, и благодаря тщательному исполненію во всѣхъ подробностяхъ, особенно же исполненію Эллевіу главныхъ ролей, старыя оперы имѣли успѣхъ, по крайней мѣрѣ, равный прежнему. Артистъ, желая обезоружить тѣхъ, которые все достоинство его заключали въ гусарской курткѣ и саблѣ, превзошелъ самого себя въ твореніяхъ, требовавшихъ благородства и чувствительности. Мегюль, убѣжденный въ талантѣ Эллевіу, написалъ для него *Юсифа*. Одна эта роль могла бы упрочить славу пѣвца, если бы она не была упрочена.

Гибкость своего дарованія Эллевіу показалъ въ піесахъ противоположнаго характера: въ *Желтомъ Кабриолетѣ*, въ *Пикаросѣ* и *Діего*, *Дурачество*, онъ явился превосходнымъ комикомъ. Вообще Эллевіу никогда не покидалъ одного рода для другаго, переходилъ отъ ампуа раздушенныхъ петиметровъ къ драматическимъ героямъ, а отъ нихъ къ собственно называемымъ комикамъ. Не многіе артисты отличались такимъ разнообразіемъ, тѣмъ болѣе достойнымъ вниманія, что

Эллевиу именно называли однообразнымъ актеромъ.

Но въ то самое время, когда публика убѣдилась въ высокомъ дарованіи Эллевиу, онъ рѣшился сойти со сцены, желая, послѣ выгодной женитьбы, удалиться въ свои помѣстья и заняться земледѣліемъ. Тутъ была, однако жъ, другая причина: ему не хотѣли увеличить жалованья до сорока тысячъ франковъ. Черезъ полгода, онъ снова выступилъ на сцену Комической Оперы, въ *Ричардъ Львиное Сердце*. Вскорѣ потомъ онъ игралъ въ *Теодоръ* (или *Fou de Berzoff*), какой-то мелодрамъ, написанной для Гаводана, прозваннаго Тальмою Фейдо, имѣлъ успѣхъ въ этой пьесѣ, по новости попытки. Благоразумные люди отсвѣтовали артисту являться въ подобныхъ роляхъ.

Имѣя независимое состояніе, Эллевиу, хотя и получалъ всего театральнаго дохода до восьмидесяти четырехъ тысячъ франковъ, хотя былъ идоломъ публики, рѣшился однако жъ навсегда покинуть сцену, и съ этою цѣлю, увѣренный въ отказъ, потребовалъ сто двадцать тысячъ франковъ въ годъ. Наполеонъ не только не согласился на непомерное

требованіе артиста, но приказалъ уменьшить и прежнее его жалованье. Тогда, Эллевиу окончательно распростился съ публикою 10-го Марта 1813 года. Прощальный бенефисъ его состоялъ изъ *Феликса и Адольфа* и *Клары*. Въ то время полагали, что театръ Фейдо едва ли будетъ въ состояніи поддерживать себя безъ артиста, который бросилъ сценическое поприще, имѣя отъ роду только 43 года.

Во все время своей артистической жизни, Эллевиу только разъ испыталъ неудачу, когда хотѣлъ соединить лавры автора съ лаврами актера. Въ 1805 году, онъ отдалъ на театръ комическую оперу: *Делія и Вердиканъ*, которая потерпѣла рѣшительное паденіе, не смотря на то, что Бертонъ написалъ музыку. Пьеса: *Баньерскій Трактиръ*, между сочинителями которой былъ также Эллевиу, имѣла успѣхъ, единственно по партиціи Кателя.

Живя въ помѣстьяхъ своемъ, въ департаментѣ Роны, Эллевиу много способствовалъ къ улучшенію земледѣлія окрестныхъ мѣстъ, и за свой благородный характеръ пользовался общимъ уваженіемъ.

У. ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ, ТОЛКИ И СЛУХИ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Знаменитый Нѣмецкій трагикъ Э. Девріентъ продолжаетъ съ блистательнымъ успѣхомъ представленія свои на Михайловскомъ Театрѣ, и если въ нынѣшнее неблагоприятное для театра время года зала не всегда бываетъ полна, за то въ ней собираются всѣ истинные знатоки и любители драматическаго искусства. Съ 15-го Мая, т. е. со времени выхода послѣдней книжки Реп. и Пант., Г. Девріентъ являлся въ роляхъ Гамлета, Виконта Болинброка (въ *Стаканъ Воды*), Гавелентъ (въ драмѣ *der Fabrikant*), Якоба Верингера (въ комедіи *die Braut aus der Residenz*), Маркиза Позы (въ *Донъ Карлосъ*, для своего бенефиса), и наконецъ въ роли Вильденберга, въ драмѣ *die Geschwister*. Во всѣхъ этихъ разнохарактерныхъ роляхъ можно было изучить многосторонность таланта Г-на Девріента, гибкаго, обработаннаго до крайности, и, главное, наслаждаться превосходною дикціею его и совершенствомъ, съ которымъ онъ читаетъ стихи.

— Французскій Театръ нашъ даетъ еже-недѣльно по двѣ, по три новыя пьесы, которыя однако проходятъ почти незамѣченными, при нынѣшнемъ стремленіи публики къ наслажденіямъ загородной или сельской жизни. *Les Mémoires du Diable*

все еще играютъ постоянно по разу или по два раза въ недѣлю.

— Балетъ отдыхаетъ; опера уже заготавливаетъ новости къ осени.

ПАРИЖЪ.

Théâtre de l'Odéon. *L'Audience Secrète*, драма въ пяти дѣйствіяхъ, соч. П. Фуше и А. Делаверня, написана и ведена прекрасно, и исполнена интереса. Завязка заключается въ томъ, что въ отсутствіи мужа, молодой баричъ соблазняетъ жену его; несчастная женщина бросается къ ногамъ Лудовика XIV, и проситъ у него спасенія. Король предписываетъ задержать мужа въ дѣйствующей арміи, такъ чтобы жена его, сдѣлавшаяся между тѣмъ матерью, успѣла скрыть стыдъ свой. Однако, все это открываетъ мужъ, и въ бѣшенствѣ хочетъ смыть кровью нанесенную ему обиду. Жена его, привязавшаяся между тѣмъ душою къ соблазнителю своему, отравляется и умираетъ, прощая тому, кто ее ввергъ въ погибель.

Théâtre du Vaudeville. *Mérovée, ou Brune et blonde*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, соч. Баяра. Здѣсь главная роль написана для веселаго, умнаго Арналя. Онъ влюбленъ въ двухъ женщинъ, одну брюнетку, и другую блондинку, съ которыми познакомился въ театрѣ, и которымъ понравился съ своей стороны. Онъ вдругъ

исчезаютъ изъ Парижа; онъ ѣдетъ ихъ отыскивать, и пріѣзжаетъ на мызу, гдѣ живетъ, у своего дяди, одинъ изъ его пріятелей. Такъ какъ дядя скупъ, и не любитъ принимать друзей своего племянника, то Арналь представляется лакеемъ пріятеля своего, и прислуживая за столомъ, вдругъ видитъ своихъ обихъ любовницъ! брюнетка тутъ съ мужемъ, блондинка дочь хозяина мызы и невѣста племянника. Это положеніе служитъ поводомъ къ множеству забавныхъ сценъ, доколѣ всѣ не убѣждаются, что Арналь не лакей; разумеется, что онъ наконецъ женится на блондинкѣ.

Théâtre du Palais-Royal. *Jaket's Club*, водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, принадлежитъ къ числу мѣстныхъ Парижскихъ фарсовъ, являющихся во множествѣ на театрѣ Пале Рояля. Здѣсь дамы переряжаются въ мужскія платья, учреждаютъ свой клубъ, курятъ, пьютъ, стрѣляютъ изъ пистолета, а мужья ихъ, перерядившись въ женщинъ, являются къ нимъ, вписываются въ новый клубъ.

ЛОНДОНЪ.

Вотъ нѣкоторыя подробности о Нѣмецкой оперной труппѣ въ Лондонѣ, занимающейся изъ послѣднихъ заграничныхъ извѣстій. Труппа эта находится подъ дирекцію Гг. Лебрехта и Гёца. Составъ ея слѣдующій: пѣвицы: Г-жи Лущеръ, Штёкль-Гейнефеттеръ, Шодель, Гнелъ (Gnel) и др.; пѣвцы: Эрль, Эйхбаргеръ, Абрешъ, Штаудигль (режиссёръ), Брукеръ, и н. д. Хоры ея состоятъ изъ пятидесяти человекъ; оркестръ состоитъ изъ такого же числа музыкантовъ. Въ репертуарѣ ея находятся: *Весталка*, *Спонтини*, *Фрейшицъ*, *Гугеноты*, *Робертъ диаволъ*, *Сватъба Фигаро*, *Волшебная флейта*, *Водовозъ*, *Czar und Zimmerman*, *Тель*, *Nachtlager*, *Фердинандъ Кортесъ*, *Донъ Жуанъ*, и н. др. оперы.

— Французской труппѣ, находящейся въ Лондонѣ, воспрещено играть *Стаканъ воды*, *Скриба*.

ГЕРМАНІЯ.

Лаубе написалъ драму, подъ названіемъ: *der Mittelstand*.

— Въ Мюнхенѣ скоро будетъ представлена новая комедія Фельдмана, подъ названіемъ: *die freie Wahl*.

— На Леопольдштадтскомъ Театрѣ былъ недавно представленъ, въ первый разъ, *Вильгельмъ Тель*, Шиллера.

— Новая опера Донизетти: *Lina di Schatouniz*, будетъ скоро представлена въ Вѣнѣ. Репетиціи ея уже начались.

— Г-жа Тучекъ (Tuszek), благодаря рѣдкому искусству, съ которымъ исполняетъ она роль королевы въ «Коронныхъ алмазахъ», все болѣе и болѣе нравится Берлинской публикѣ. Ее осыпаютъ рукоплесканіями за каждый номеръ ея пѣнія. Впрочемъ, эти рукоплесканія заслуженныя: въ пѣніи Г-жи Тучекъ столько драматическаго одушевленія, столько глубокаго чувства, что, въ этомъ отношеніи, она порой можетъ соперничествовать съ лучшими пѣвицами.

— Трагедія Лаубе *Monaldeschi, oder die Abenteuer*, уже игранная на многихъ Германскихъ театрахъ и всюду принятая съ олобреніемъ, была наконецъ представлена и въ Берлинѣ. Въ этомъ городѣ, она имѣла также замѣчательный успѣхъ. Германскія газеты находятъ, что самый удачный актъ въ этой трагедіи есть первый, а самый слабый — четвертый. Изъ числа участвовавшихъ въ этомъ представленіи, особенно хороша была Г-жа Шарлота Гагнъ. Обставлена эта пѣса въ Берлинѣ превосходно.

ИТАЛІЯ.

Въ Аренцо имѣлъ большой успѣхъ новый балетъ: *La cadatta di Vijanagra*, соч. Пиацци.

— Въ Пармѣ монтируется новая опера *Francesco di S'orza al castello di Casanova*: соч. Джіоражіо Рабятти.

— Въ Неаполѣ играна недавно и весь.

ма поправилась новая «музыкальная шутка»: *Il tramonto del Sole*, Сармиенто.

— Belisario, Донидзетти, былъ недавно представлень, съ большимъ успѣхомъ, въ Перѣ.

— Ричардъ Саведжъ, Гуцкова, переведенъ на Норвежскій языкъ и былъ два раза представленъ въ Христіаніи.

— Въ Маѣ представлена въ первый разъ въ Стокгольмѣ опера Мейербера: Гугеноты. Она была принята съ такимъ восторгомъ, что до 26-го Мая ее давали уже шесть разъ, а на 29-е число назначалось седьмое представленіе. Не смотря на чрезвычайный жаръ, театральная зала наполнена публикою, и Шведская Опера, совершенно клонившаяся къ упадку, нынѣ какъ бы ожила.

— Въ Батавіи играетъ теперь Французская труппа и приводитъ тамошнихъ любителей театра въ восхищеніе особенно тѣмъ, что въ представленіяхъ ея у-

частвуютъ и артистки. Мы говоримъ *особенно*, потому, что появленіе Европейскихъ женщинъ на сценѣ составляетъ въ Батавіи величайшую рѣдкость. Даже на тамошнемъ Голландскомъ Театрѣ, всѣ женскія роли играютъ мужчинами.

— Весьма посредственная Англійская актриса, Миссъ Гемлинъ (Hamlin), разѣзжала недавно по городамъ Соединенныхъ Штатовъ, играя всюду первыя роли. Находясь въ послѣднее время въ Мобилѣ, она чрезвычайно тѣсно подружилась съ тамошнимъ *первымъ любовникомъ*, Г. Ивенингомъ. Но вдругъ Г. Ивенингъ началъ ухаживать за какою-то сибирячкой. Между нимъ и Англійскою артисткою вспыхнула ссора. Въ самомъ разгарѣ этой ссоры, Миссъ Гемлинъ нанесла Ивенингу столь сильный ударъ книжалою, что несчастливецъ немедленно послѣ того умеръ. Миссъ Гемлинъ скрылась.

VI. А Ф И Ш А.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТЕАТРЫ.

1842. Апрель.	Въ ка- комъ те- атрѣ.	Спектакли.	Посѣ- тителей.	Каретъ.	Прочихъ зрѣлажей.
26 Воск.	Больш.	Аскольдова Могилы, оп.	243	23	13
	Мих.	Der Verschwender, Op.	320	2	7
	Алекс.	Комедія съ дядюшкой, вод.; Знакомые незнакомцы, вод.; Военные граждане, вод.	573	26	20
27 Понед.	Алекс.	Елена Глинская, др.; Семейныя дѣла, вод.	360	11	23
28 Вторн.	Мих.	Le Chevalier de St. Georges, dr.-vaud.; Un Monsieur et une dame, vaud.	250	40	12
	Алекс.	Двумужница, др.	323	6	17
29 Сред.	Мих.	Das Glas Wasser, Lustsp.	40	1	9
30 Четв.	Мих.	Les fées de Paris, com.-vaud.; Le Roi de 13 ans, vaud. Святославъ, драмат. представ.	230	33	18
Мая 2 Субб.	Мих.	La première ride, com.-vaud.; Mlle Dangeville, vaud.; Jules de Créqui, vaud.	730	30	19
3 Воскр.	Мих.	Das Glas Wasser, Lustsp.	520	40	19
4 Понед.	Алекс.	Помѣшанный, др.; Похождения Столбикова, ком.; Барская спѣсъ и Анютинны глазки, вод.	340	12	3
5 Вторн.	Больш.	Робертъ д'Эвере Графъ Эссексъ, оп.	330	40	13
	Мих.	Les Mémoires du Diable, vaud.; Japhet, com.	173	6	10
6 Среда.	Алекс.	Святославъ, драм. предст.; Фениксъ, ком.-вод.	430	33	17
	Мих.	Das Glas Wasser, Lustsp.	430	19	12
7 Четверт.	Алекс.	Помѣшанный, др.; Похождения Столбикова, ком.	140	3	6
	Мих.	Argentine, vaud.; Le jeune Mari, com.	323	17	10
8 Пятн.	Больш.	Сильфида, бал. (Г-жи Даморо и Фальконъ)	260	30	20
9 Суб.	Больш.	Der Freyschütz, Op.	1123	117	23
10 Воск.	Алекс.	Отецъ и дочь, др.; Путаница, вод.	233	13	20
	Мих.	Nach Sonnenuntergang, Lustsp.; Die Vorleserin, Schsp. .	430	3	23
11 Понед.	Алекс.	Христина Королева Шведская, др.; Настенька, вод.; Фонарь, вод.	160	4	7
	Мих.	Kabale und Liebe, Tr.-Sp.	630	31	17
12 Вторн.	Алекс.	Въ людяхъ ангелъ не жена, вод.; 17 и 30 лѣтъ, вод. Le premières armes de Richelieu, com.; Le commis et la grisette, vaud.	640	22	17
	Мих.	Richard's Wanderleben, Lustsp.; Das war ich, Lustp. . .	330	7	10
13 Сред.	Больш.	Христина Королева Шведская, др.; Фонарь, вод.; Настенька, вод.	283	63	23
	Мих.	Les Mémoires du Diable, vaud.; La soeur de Jocrisse, com.	223	13	21
14 Четв.	Алекс.	Морской разбойникъ, бал. (Листъ)	333	13	27
	Мих.	La chaîne électrique, com.; Madame de Croustignac, vaud.; Les trois étoiles, com.	320	9	29
13 Пятн.	Больш.	Морской разбойникъ, бал. (Листъ)	420	73	30
16 Суб.	Мих.	La chaîne électrique, com.; Madame de Croustignac, vaud.; Les trois étoiles, com.	223	13	10
			293	47	24

1842. Май.	Въ ка- комъ те- атрѣ.	Спектакли.	Посѣ- телей	Каретъ.	Прочихъ экипажей.
17 Воск.	Мих.	Похожденіе Столбикова, ком.; Отповское проклятіе драма	239	14	9
	Алекс.	Представленіе Г. Боско	930	90	33
18 Понед.	Больш.	Гитана, бал.	573	36	23
	Мих.	Hamlet, Т.	643	39	17
19 Втор.	Алекс.	Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій, драм. представ.; Брюзга, ком.-вод.; Три звѣздочки, вод.	760	24	37
	Мих.	Les Mémoires du Diable, vaud. Trois étoiles, com.	329	69	20
20 Сред.	Алекс.	Представленіе Г. Боско	523	36	17
	Мих.	Das Glas Wasser, Lustsp.	270	16	11
21 Четв.	Алекс.	Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій, драм. предст.			
	Мих.	La Salamandre, vaud.; La chaîne électrique, com.			
22 Пяти.	Больш.	Аскольдова могила, опера	224	10	20
	Мих.	Der Fabrikant, Schsp.; die Braut, Lustsp.	340	18	23
23 Суб.	Мих.	Madame de Croustignac, vaud.; Trois oeufs, com.; Le Conseil de discipline, vaud.	243	23	17
24 Воскр.	Алекс.	Представленіе Г. Боско	430	30	13
25 Понед.	Алекс.	Обойщикъ, др.; Фортункинъ, вод.; Супружеское сча- стіе, вод.; Неровный бракъ, драма	830	32	17
	Мих.	Don Carlos, Tr.-Sp.	430	12	9
26 Втор.	Алекс.	Параша Сибирячка, др.; Левъ Гурычъ Синичкинъ, ком.-вод.; Приключеніе на искусственныхъ водахъ, вод.	350	7	11
	Мих.	Une Vocation, com.; La Tante, vaud.	120	11	6
27 Сред.	Алекс.	Представленіе Г. Боско	230	6	17
	Мих.	Die Geschwister, Schsp.	120	13	10
28 Четв.	Мих.	Les Mémoires du Diable, vaud.	160	39	14
29 Пяти.	Алекс.	Обойщикъ, др.; Фортункинъ, вод.; Супружеское сча- стіе, вод.; Неровный бракъ, др.	330	20	41
30 Суб.	Мих.	La tante, vaud.; Une Vocation, com.			
31 Воск.	Алекс.	Предст. Г. Боско (бенефисъ)			
	Мих.	Лока 1-го пруса, водев.; Хочу быть актрисой, водев.; Мужъ и жена, водев.; Покойная ночь, водев.			